

HORROR

КНИГА, ЛЕДЕНЯЩАЯ КРОВЬ

ШРАМЫ НА СЕРДЦЕ

Артур Шайдуллин

23+ ADULTS ONLY

Annotation

Что-то мерзкое и ужасное скрывается в недрах таежной земли. Беспощадный монстр ждет своего часа.

Артур Ханифович Шайдуллин

Шрамы на сердце

Я не надеюсь и не притязаю на то, что кто-нибудь поверит самой чудовищной и вместе с тем самой обыденной истории, которую я собираюсь рассказать.

Эдгар Аллан По. «Черный кот»

Часть первая «Хозяин тайги»

Сейчас запах грязи, сырости и гнилых овощей сольется в безошибочный, неотвратимый запах — запах чудовища, апофеоза всех чудовищ.

Это был запах чего-то такого, чему не было названия: запах ЕГО, затаившегося перед прыжком — и его, готового к прыжку.

Стивен Кинг. «Оно»

Глава 1. Ночное происшествие

Красноярский край

Сентябрь 2005

1

Волчий вой... Тело пронизывает неконтролируемая, лихорадочная дрожь, в душу закрадывается волнение и тревога, требующая действий. Становится страшно, даже если вокруг тебя четыре стены. Их холод может превратить соседство со зверем в невыносимую и мучительную пытку. Большая удача, если удастся остановиться в шаге от обрыва, который все привыкли называть «безумием».

В этом вое нельзя прочесть настроение зверя. То ли злоба, то ли голодная тоска. Жалящее сознание многоголосье. Опытные охотники могут различить в нем вой самки или бирюка. Дикая песня хищника, которую не хочется слушать. Унылая соната, накрывающая всю тайгу.

Половина огромной волчьей стаи погибла. Оставшаяся часть бродила по тайге в поисках добычи. Новый вожак стремился увести стаю в новые места, богатые живностью, и его сородичи, понутив головы, шли за ним. Волки панически боялись оврагов, которыми изобилвала местность. Они отскакивали от краев и убегали в противоположном направлении. Некоторые, рычали, глядя в обрыв. Пытаясь обойти овраги и ущелья, стая ходила по кругу. Путь был бесконечным.

С тайгой происходило что-то странное. Не было слышно птиц. Только мрачная тишина, по ночам прерываемая воем. Одиноким ветер, словно изнывая от скуки, теребил кроны деревьев и гонял прошлогодние листья.

Стае грозила голодная смерть. Неминуемая гибель среди ущелий.

2

Дождь третий день нещадно поливал тайгу. Он не прекращался ни на минуту, словно огромные небесные пробки разом дали течь. Туман рваным одеялом стелился между деревьями. Стояла та погода, при которой неизменно появлялось чувство апатии. Любой выход за порог дома воспринимался как суровое испытание.

Деревянный дом стоял у подножия Лисьих гор. Несколько лет его заселяли охотники. Но когда в округе хорошая добыча стала редкостью, дом стал пристанищем геологов и натуралистов. Большинство людей считали этих ребят бездумными и сумасшедшими. Обитание в доме, располагавшемся в самом сердце тайги, пусть и кратковременное, было равноценно походу без гида в пустыню.

В камине горел огонь, наполняя углы мелькающими тенями. Они плясали, не попадая в такт тишине. Аромат горящего дерева блуждал под потолком. Осенний сквозняк свистел в щелях и, проникая в дом, обдавал холодком. Беспрерывная барабанная дробь дождя и гул

генератора действовали на нервы, и каждый пытался отвлечься по-своему. Кто-то в сотый раз перечитывал журнал «Крестьянка» двухлетней давности, кто-то разгадывал кроссворды. Иногда на стол ложилась шахматная доска.

Интерьер комнаты было весьма скромным: пять кроватей вдоль стен, старый буфет, стол, выдавший виды маленький диван и три плетеных кресла-качалки — весь скудный набор мебели. Под потолком висели две лампочки. Стены были украшены рогами оленей и чучелами некоторых лесных обитателей.

Карина извлекла из кейса пластиковый пакет, наполненный оранжевой жидкостью. Выдавлив каплю на стеклянную пластинку, она положила пакет обратно. Девушка поправила резиновые перчатки на запястьях, разгладив складки, и посмотрела в микроскоп.

— Ну что, Карина? Что это за дрянь? Новая внеземная жизнь? — с улыбкой спросил Эмиль.

— Ага, посланники с другой вселенной, — отшутилась девушка, не отводя глаз от микроскопа. Она придавила каплю другой стеклянной пластинкой. — Похоже, это гриб... Раздавленный гриб. Если ты хотя бы иногда смотрел под ноги, то думаю, был причастен к открытию нового вида. Таких клеточных соединений я еще не встречала.

— Так, какие проблемы? На болоте их много. — Эмиль взглянул в окно. — После дождя могу сходить. Ради тебя, я аккуратно соберу их ведро и украшу его ленточкой.

— Я пойду с тобой, — заключила девушка, — новая порция грибного пюре мне не нужна.

— Договорились. Будем целоваться, когда останемся наедине? — геолог забавно вытянул губы трубочкой.

Девушка улыбнулась и легонько ущипнула Эмиля за ягодицу.

— Слушай, Карина, — в разговор вмешался Олег Филатов, — твое руководство действительно полагает, что в здешних болотах есть бактерии пригодные для производства лекарств? За три года, что я здесь работаю, болота обшарили десяток фармацевтических компаний, и нечего не нашли.

— Раньше мы искали улья таежных пчел, из их прополиса делали отличную зубную пасту, затем собирали травы, муравьев. Наш профессор полагал, что они здесь особые. И пару месяцев назад начали находить здесь новые виды растений. Потому я и здесь.

Девушка убрала микроскоп в ящик. Затем сняла перчатки, и, свернув их в комок, ловко метнула в мусорную корзину.

Карина работала в фармацевтической компании «Альминсар» и эти открытия были ее звездным часом. Это была отличная возможность доказать то, что она заслуживает должность старшего научного сотрудника. Появилась возможность разом заткнуть Отто Геринга, престарелого немца, заведовавшего лабораторией, брюзжавшего слюной при каждом упоминании о новых изысканиях, Владислава Марешевского, владельца компании, крайне неохотно выделявшего деньги на экспедиции, а также всю армию недоброжелателей и завистников.

Девушка была в прекрасном расположении духа. Карина собрала достаточное количество материала и раздумывала над словами, которые произнесет, когда поставит на стол руководства кейс-термос с пластиковыми пакетами. Она поставила на электроплиту чайник.

— Ну, я свою работу уже сделала, а вас работы еще непочатый край, — сказала она, взяв из рук стажера Баскакова журнал и села на кресло-качалку.

— Соль на рану? Или хвастаешься? — Эмиль подошел к ней и, взяв за руку, поднял на ноги. Он обнял ее за талию, словно хотел закружить с ней в вальсе. — Мы еще повоюем, вот только дождь закончиться.

Журнал выпал из рук. Девушка засмеялась. Она не сопротивлялась и двигалась в такт. Олег хлопал в ладоши, задавая ритм. Пара грациозно закружилась по комнате, приковав внимание всех. Иногда даже в таежной глуши, среди непробиваемой тоски и напряжения можно развеселить людей.

Карина отстранилась от парня и сняла закипевший чайник. Словно по сигналу у стола собрались все: биолог Лиза и егерь Семен, геологи Эмиль и Олег, их стажер Баскаков. На маленьком столе, установленном посередине комнаты, стояли шесть алюминиевых кружек и заварочный чайник. В деревянной миске лежали печенье и конфеты. В отдельной тарелке лежали леденцы.

Егерь Семен присоединился к группе в самый последний момент. Он хотел выяснить причины странного поведения волчьей стаи и исчезновение лосей. Этот худощавый мужчина с седой головой все время молчал и лишь изредка улыбался, глядя на дурачившегося Эмиля.

— Еды осталось дня на три, надо думать, как отсюда выбраться, — произнес Олег, после первых глотков горячего чая.

— Взять и сорваться не удастся, — нервно проговорил Баскаков, которого за маленький рост называли Хоббитом. — За стеной ливень. Ничего не видно дальше вытянутой руки, колесо пробито, мы сжигаем в генераторе бензин, на котором должны ехать обратно. Я не разделяю вашего спокойствия и завидую вашему хладнокровию.

— Колесо я могу заклеить, — ответил Семен, — а бензин, действительно, стоит экономить. Я выключу генератор. Зажигайте свечи и керосиновую лампу.

Егерь накинул дождевик, взял чемодан с инструментами и скрылся за дверью. В дом успел ворваться холодный ветер. Через минуту замолчал генератор.

— Как-то неудобно, — сказал Олег и посмотрел сначала на Эмиля, затем на Хоббита, — человеку помочь надо, колесо латать — не бублик кушать.

— Так он сам вызвался, — парировал Хоббит, — клеить он будет не под дождем, в этом я уверен. Работать он будет в сарае. Там тепло, комфортно. Можно побыть наедине с мыслями. Нашему ковбою нравится работать в одиночестве. И-и-иха!

— Лодырь, — буркнул под нос Олег и попытался встать кресла.

Пробитая гвоздем стопа отреагировала на это резкой болью и Олег сел обратно.

В это время Лиза расставляла по комнате свечи. Их тусклого света едва хватало, чтобы разглядеть очертания мебели и лица людей. В комнате повисла тишина.

— Приеду домой затоплю баньку, попарюсь, и тайком от жены накачаюсь пивом, — Олег мечтательно закрыл глаза и, положив руки за голову, откинулся на спинку кресла.

— Надо думать, как свалить отсюда, а не о баньке мечтать! — воскликнул Хоббит, — только такой кретин как ты в нашей ситуации может думать о различной ерунде!

— Да пошел ты, Хоббит! — огрызнулся Олег.

— Сам иди, да приплясывай! Тросточку не забудь! Синей дынькой по Ходынке...

— Что ты сказал? Я тебе пойду! — Олег вскочил на здоровую ногу и хотел замахнуться самодельной тростью, как между разгорячившимися мужчинами встала Карина.

— Парни! Парни! Угомонитесь! — она посмотрела на каждого, — успокоимся, вздохнем глубже, все обдумаем, обсудим. Не надо так расстраиваться.

Олег сел на кресло. Он взял со стола ручку и начал нервно вращать ее, перебирая

пальцами.

— Что тут обсуждать? Мы третий день не выходим на связь, нас хватятся и начнут искать, — произнес он.

— Отсутствие связи спишут на непогоду. Искать нас начнут минимум дней через десять. Нашим диспетчерам разве есть дело до нас? Сидят, зачитывают друг другу анекдоты из газеты, жрут просроченные сосиски из столовой, и в ус не дуют, — Эмиль стоял у окна, — я думаю валить надо отсюда, чем скорее, тем лучше. Если егерь не заклеит колесо, пойдем пешочком, До поселка сорок километров, часов за девять... — он взглянул на перевязанную ногу Олега — ... десять дойдем. Лучше с утра. Выспимся, как следует.

3

После того как провизия и одежда была сложена в рюкзаки, мужчины расселись перед камином. Оборудование решили оставить в доме и приехать за ним после улучшения погодных условий. Теперь оставалось только дожидаться наступление нового дня.

Ночь мучительно медленно поглощала тайгу.

Лиза уснула сидя в кресле. Она частенько вздрагивала, из-за того что ее мучил кошмарный сон. Карина сидела на широком подоконнике, укрывшись пледом, и смотрела на плачущее небо. Тайга молчала, словно в ожидании чего — то необъяснимого и ужасного. Не было слышно даже волков, воющих в это время неподалеку от дома.

— Семена давно нет, полтора часа прошло, неужели чтобы заклеить колесо нужно столько времени? — тишину прервала Карина.

— Действительно, что-то егерь молчит, схожу, посмотрю, — Хоббит оделся и вышел из дома. Олег подумал, что парнем движет необходимость справиться нужду, а не забота о благополучии их экспедиции.

На ковер вылетали искры — в камине трещали поленья, играя на натянутых нервах.

Хоббит вернулся через минуту. Парень был сильно взволнован. Его губы дрожали, и он с трудом подбирал слова.

— Егерь... Егерь пропал! Колеса все спущены, канистр с бензином нет! Я везде посмотрел! Канистр пять штук было...

Пока Хоббит судорожно рассказывал, Олег вскочил и, прихрамывая, выбежал из дома. Остальные последовали за ним.

Члены экспедиции бродили по округе около получаса, выкрикивая имя егеря.

4

— А может он ушел сам? Канистры и генератор, допустим, спрятал в лесу? — предположила Карина.

— Вряд ли, Семен вроде нормальный мужик. Со своими тараканами в голове, конечно, но такой ерундой заниматься он не будет, — парировал Эмиль. Он ходил из угла в угол, за его ремнем чернела рукоять пневматического пистолета. Парень был готов идти до поселка пешком прямо сейчас.

— Слушай, не маячь, пожалуйста! Присядь, покури, — попросил Олег, перевязывая стопу. Эмиль сел на табуретку и положил пистолет на стол. Он закурил сигарету, но сделав пару затяжек, нервно затушил ее. Покусав несколько секунд губы, взял пистолет снова, и,

сжав рукоять, долго смотрел на запотевшее окно. Его челюсти были плотно сжаты. На лбу выступили капельки пота.

— Расцветает в половине пятого. У нас еще шесть часов, — голос Хоббита донесся откуда-то из угла, — когда все это закончится, я буду искать новую работу. В гробу я видал такие экспедиции.

Последняя фраза прозвучала особенно нарочито.

— Все, что ни делается — все к лучшему. Не надо ныть. Тем более жаловаться. Я кое-что вам расскажу. В девяносто шестом я был старшим сержантом и рулил взводом, — Олег сел на край кровати и, вытянув вперед ногу, рассматривал повязку. Мы попали в плен рядом с Шатоем. Мне до демобилизации оставалось две недели. В амбаре с нами полковник сидел. Здоровый как Шварценеггер. Тезка мой, а фамилия интересная была — Колбасенко. На него взглянешь, сразу понятно — головорез страшнее горцев. Говорит он нам: «Будем выбираться. Сопли подберите и сходите в туалет — бежать будем долго, быстро и без перекуров.

Проползли мы на брюхе метров сто. Бородатые в метрах десяти от нас проходили. Потом прошли гуськом еще километр. Мы уже никакие: ноги свинцовые, языки висят вместо галстука. Одежда мокрая. А он рычит: «Вперед, сопляки!»

Вышли мы к деревне. Там «УАЗ» стоит. Рядом у костра четыре бородача сидят. У нас ни автоматов, ни пистолетов. Только вилка у Колбасенко. Приказал он нам спрятаться, и по сигналу набегать. Распределил, кто на кого, разумеется.

Затаились мы у кустов. Минут через пять — свист. Мы выбегаем, а бородачи уже лежат. Колбасенко шепотом матерится. Вилка плохая попалась, мол, сломалась, последнего пришлось руками. Он тогда сказал нам: «Умирать страшно. Молодым, да на войне глупо и обидно. Но иногда просто жить еще страшнее».

Классный был мужик. Умер в прошлом году — не проснулся с похмелья. Так что не трусьте, выберемся! Люди из необитаемых островов выбираются, уж отсюда-то вырвемся, — последнюю фразу он произнес, повернув голову в сторону Хоббита.

— Ты к чему все рассказал? — Хоббит закрыл лицо руками.

— У меня есть волшебная Вилка! — он достал из кармана обломок столового прибора, — сувенир на память.

Хохот накрыл комнату.

— Утешил... — проговорил Эмиль. Он выставил пистолет и произвел воображаемый выстрел. — Сейчас бы настоящего Макарова или Стечкина.

— Такой? — Олег вытащил из-под матраца пистолет.

— Старший сержант Смолов! Старый вояка! А тебе что, самому, без надобности?

— У меня второй есть, — ответил Олег и попробовал встать на туго перевязанную стопу. — Если затянуть посильнее, не так уж и больно.

На лицах ребят появились улыбки. Когда Олег выложил два пистолета, настроение ребят явно улучшилось.

Еще на перроне Лиза пообещала себе и, главное, сыну Максиму, что это будет ее последняя экспедиция. Из-за этой работы она потеряла мужа и кучу друзей. Постоянные конференции, симпозиумы и разъезды разобрали брак и терпение мужа по кирпичику. Он

ушел за пивом летним утром и не вернулся, оставив ей маленького сына и долги за квартиру. Лиза переехала к матери.

Наверное, тогда ей начали сниться вещие сны. Хотя вряд ли это можно было назвать снами. Обрывочные картины она видела каждую ночь.

Она не любила приключения и никогда не попадала в подобные передраги. Единственным ее желанием сейчас, как и у остальных, было стремление выбраться из тайги и добраться домой. Лиза сидела, укутавшись пледом, не обращая внимания на беседу мужчин. Она всегда чувствовала беду.

Вот и сейчас девушка безуспешно пыталась игнорировать тревогу и неестественное волнение. Вчера ей снился мужчина, стоявший у огромного костра, вытиравший кровь с лезвия топора. Он напевал под нос какой-то старый мотив и выкрикивал чьи-то имена.

Она не была уверена, стоит ли рассказать это ребятам. Одно она знала точно: ее предчувствия никогда ее не подводили.

6

Олег снова разматывал повязку.

— Чересчур туго, — пояснил он присевшей рядом Карине.

— Давай, я попробую, — не дожидаясь ответа, она взяла из рук геолога бинты и принялась накладывать повязку.

Успокоившийся Эмиль курил сигарету, стоя перед зеркалом. Он вытаскивал из кобуры пистолеты, словно ковбой с Дикого Запада, и, повертев на пальцах, засовывал их обратно.

Он улыбался своему отражению и качал головой, словно давая понять воображаемому противнику, что у того нет ни единого шанса. В данный момент парень больше походил на пациента психиатрической клиники, нежели на специалиста по минералам и полезным ископаемым.

— Эмиль, ты ведь не всегда был геологом? — спросила Лиза. — Ты начал работать сразу после института?

— После института я сидел два года, — ответил он и отошел от зеркала. Резко развернувшись, он произвел «выстрел».

Возникла неловкая пауза.

— Я не маньяк, не надо на меня так смотреть, — проговорил он, — застал жену друга с любовником на своей даче и наkostenял парню. Думал грабитель. Отметелил, а потом она появилась. Так бы не стал драться. Просто сообщил бы другу, что его жена — неверна ему. Хотя нет. Я бы побил его при любом развитии событий. Не знаю, почему. Но кровь в таких случаях закипает мгновенно.

— Наверное, потому — что этим другом являюсь я? — сказал Олег и, улыбнувшись, посмотрел на Олега.

Воцарилось более тягостное молчание.

— Точно, пожалуй, так и есть, — Эмиль сдул «дымок» и засунул пистолет в кобуру.

— Ладно. Все это прекрасно, крепкая мужская дружба, проверенная годами, и все остальное... У меня есть вопрос, — Хоббит все еще сидел в углу, — по тайге бродит стая волков. Три пистолетика — ничто против голодных зверей.

— Я кстати, разговаривал об этом с Семеном, — парировал Эмиль, — летом и в начале осени, встретив волка, лучше не делать резких движений, он обойдет стороной. Он знает,

что еще сможет найти добычу попроще. Волк боится людей, и нападает, если только тот посягнет на его территорию.

— А зимой? — Хоббит вытер платком лицо.

— А зимой, сынок, добычи проще человека нет! — Эмиль начал медленно надвигаться на стажера, сжимая и разжимая пальцы, изображая пасть монстра. — Холодными зимними ночами они бродят по тайге в поисках добычи. За день стая может пройти восемьдесят километров, — Эмиль перешел на шепот. Он опустился на колени и подошел так близко, что слюни, вылетающие из его рта, достигали физиономию застигнутого врасплох стажера. — Они рыщут по тайге, и воют. Они дерутся за обледеневший труп белки. А если стая встретит маленького зайца, то набрасываются на него всей стаей, разрывают его на части, поедают его в считанные секунды, не оставляя ни единой косточки, — облизнув верхнюю губу, он дико завопил и схватил «монстроподобной» рукой мужское хозяйство Хоббита.

Стажер передернулся, и опрокинул абажур. Комнату накрыл неудержимый смех. Члены экспедиции хохотали, забыв о непростой ситуации в которую угодили.

Густо покрасневший Хоббит оттолкнул Эмиля и вскочил на ноги.

— Придурок! Чертов придурок! — процедил он сквозь зубы, — да заткнитесь вы, ничего смешного!

Эмиль принял поздравление с удачной шуткой, хлопнув по протянутой ладони Олега.

— Заткнитесь, черт Вас подери! — Хоббит был вне себя от бешенства.

— Ну, брось, Игорек, — Карина обняла его за плечи, — Эмиль просто пошутил.

— Идиотская шутка! Кретин!

— Бедный парень, наверное, уже в штанишки наложить успел, — Олег размахивал ладонь перед носом, «разгоняя «зловещую вонь». — Наш большой мальчик испугался!

— Кретины! — буркнул под нос стажер и вышел в сени. Усевшись на перевернутое ведро, он закурил.

Из-за двери все еще доносились сдавленные смешки.

Эмилю нравилось дразнить самовлюбленного стажера. Основным объектом шуток были зализанные бриолином волосы Баскакова. Иногда Эмиль изображал Игоря, расчесывая мокрую шевелюру и облизывая гребень. Он продолжал дурачиться до тех пор, пока окружающие не переставали обращать на него внимание.

Однажды в пылу дружеского спора Лиза назвала его «инфантильным и бездушным», с чем он полностью согласился. Эмиль просидел на полу еще с минуту, затем поднялся и устроился в кресле — качалке. Достав из чехла трубку, он забил ее табаком.

— У Семена в багажнике я видел ружье. Значит, если в тайге есть кто-то, расправившийся с егерем, значит, он вооружен — двустволки в багажнике не было.

— Черт! Это плохая новость! Если бы его утащили волки, мы обязательно услышали его крики. К тому же вряд ли звери смогут спустить колеса, и утащить канистры, я уверен это человек, — заключил Олег. Геолог, наконец-то удобно перевязавший стопу, пробовал ходить, наступая на больную ногу. Удовлетворительно хмыкнув, он сел обратно.

Потеснив тишину, в атмосфере дома селилось леденящее напряжение и тревога. Во рту стажера, вернувшегося в дом, доживал свой век внушительных размеров леденец. Рухнув на кровать, Хоббит положил под голову руки и закрыл глаза.

— А может егерь решил пошутить над нами? — спросил он.

— Едва ли, — отвергла предположение Лиза, — слишком глупо для такого серьезного человека.

* * *

Утомительное ожидание и мучительная тишина прервались громким хлопком.

— Что это? — Хоббит первым вскочил на ноги.

Олег снял пистолет с предохранителя и взвел курок. Он отодвинул от окна Лизу. Движением руки геолог попросил выключить свет.

— Это выстрел, — Олег вглядывался в темноту и сделал еще одно движение рукой. На этот раз это была просьба к Эмилю — отойти от соседнего окна.

— Выйдем, посмотрим? — предложил последний.

— Я рекомендую вам не делать этого, — Хоббит присел на кресло и, сжал рукоять пневматического пистолета, так сильно, что в один момент раздался хруст костяшек. Его зубы нервно терзали очередной леденец.

«Все будет хорошо... Все будет хорошо. Я выберусь. Это обязательно закончится. Когда-нибудь, но закончится» — убеждал он себя, слегка покачиваясь туловищем.

— Я с тобой, — Эмиль спешно накинул дождевик, и вышел в сени вслед за Олегом.

— К окнам не подходите. Свечку не зажигайте, полагаю, он ведет прицельный огонь. Задерните занавески, — сказал Эмиль.

На улице моросил дождь, изредка небо освещали ломаные линии молний. Лучи света фонарей выхватывали из темноты силуэты качавшихся на ветру деревьев. Раздался еще один

выстрел. Гулкое эхо раскатилось по тайге, провисев в воздухе с четверть минуты.

— Кажется, из ружья палит, — сказал Олег.

— Семен! — Эхо вторило Эмилю, словно передразнивая его.

В метрах тридцати от дома захрустел хворост, словно кто дома пробирался через загромождение высохших веток. Звук приближался. Мужчины стояли, размахивая пистолетами. Эмиль несколько раз нажал на спусковой крючок. Треск стих. Парень сделал глубокий вздох. Дымок ненавязчиво пощекотал нос.

— Попал... — сказал Эмиль и опустил пистолет.

Олег прихрамывая, двинулся к цели.

Несколько минут геологи осматривали местность, из которой доносился звук.

— Смотри, — свет фонаря Эмиля падал на стоптанную траву под необычным деревом.

— Никогда такого дерева не видел, — Олег подошел поближе. — Это не дерево такое. Это коры нет. Как топориком обтесали.

— Это какая же стремянка нужна, чтобы до самого верху кору снять, — изумленно проговорил Эмиль, освещая крону дерева. Ствол, без коры и веток, стоял белым столбом. От лежавших на траве угольков поднимался серый дымок.

— Кору быстро и незаметно сожгли, а сердцевина осталась нетронутой. Сдается мне, что-то тут происходит... необычное...

— Вернемся, там беспокоятся, наверное, уже.

Озираясь, они вернулись в дом.

2

Все сидели за столом, когда со звоном рассыпалось стекло. Камень приземлился на тарелку с супом Хоббита. Парень соскочил со стула, словно в его еду бросили ядовитую змею.

Следом раздался выстрел. Грузный Олег рухнул на пол, опрокинув на себя стол. Эмиль ринулся к окну и начал стрелять с двух рук. Среди грохота едва ли кто-нибудь мог различить выстрел с противоположной стороны. Пуля угодила в стену, просвистев рядом с лицом Хоббита. Он трусливо всматривался в темноту, пытаясь понять, куда срикошетила пуля.

Олег сплюнул ком крови. Вытянув руку, он взял обернувшегося Эмиля за воротник.

— Грохни его. Чтобы помучился... Только обязательно.

Другой рукой он сжимал ладонь Лизы.

— Мы все умрем! — прокричал Хоббит и, панически забился в угол, сжался в ком, обхватив руками колени.

Подобрав пистолет, Эмиль выскочил на улицу.

Снаружи слышались выстрелы.

Загадочный треск хвороста и отчаянный крик геолога. Оставшиеся в живых смотрели на дверной проем, ожидая, что на пороге появится нечто. Апофеоз этого кошмара и ожидания. Что-то жуткое и убивающее. Кто-то безжалостный и жестокий. Осознание происходящего приходило к каждому жалящим шоком.

Тягучая тишина дала возможность каждому прислушаться к биению сердца; причем так, словно это последняя возможность. Возможность осмыслить происходящее и прежнюю жизнь — словно кто-то подвесил ее на волосок. Тишина — изобретение дьявола, превращающая напряженное ожидание и кристаллик надежды в покорное смирение.

Эмиль показался на пороге. На нем не было рубашки. Он держал руками распоротый живот, словно боясь, что его содержимое вот-вот вывалится наружу.

— Бегите!.. — шепотом произнес он и рухнул на дубовую дверь.

Повинуясь какой-то непонятной силе, заработал генератор. На потолке, мерцая, загорелись лампочки. На распахнутую дверь падала чья-то увеличивающаяся тень. Кто-то приближался к двери, напевая под нос старый и известный мотив. «Утомленные солнцем».

Раздался еще один выстрел. Лиза почувствовала, как низ ее живота наполняется теплом. Она не могла шевельнуться — что-то острое мешало сделать хотя бы неловкое движение. Девушка зажмурила глаза.

3

— Лиза, проснись! — Хоббит положил руку на плечо заснувшей в кресле девушки. — Нас могут убить. Как ты можешь спать в такое время? Парни выскочили на улицу, в тайге кто-то стреляет.

Девушка зажмурилась, и затем снова открыла глаза. Еще не различая тонкой грани между сном и явью, она взглянула на целое окно и стол, стоявший на своем привычном месте.

— Мне приснился кошмар...

Она подошла к умывальнику и ополоснула лицо. Холодная вода — лучшее средство разогнать остатки кошмара. В красных глазах читались утомление и недомогание — последствие обильного приема успокоительных. Зеркало в таких моментах — враг любой женщины.

В дом вошли Олег и Эмиль.

— Никого. Мы видели его тень, я спустил всю обойму, а там никого, — Эмиль с ходу начал рассказывать увиденное в тайге. Он принялся заполнять патронами магазин.

— Там дерево. Без веток и коры. Обтесали, словно наждаком, до самого верха. А под ним трава стоптана, и угольки тлеют, — Олег закрыл окна подушками, плотно задернул занавески, и сел рядом с Лизой. — Ты чего такая бледная? — спросил он ее.

— Я не заметила, как вы ушли. Я уснула. Мне приснился кошмар. Мне часто снятся плохие сны. Предчувствие такое, что произойдет что-то гадкое и ужасное.

— Хорошая моя, — Олег взял ее ладони, — это всего лишь сон. Кошмарный сон. Бензин нам уже без надобности, поэтому я включил генератор. Посидим при свете, а я попробую поработать на радию, может получится вызвать помощь. Мы выберемся, обязательно выберемся.

Олег встал и налил в кружку чая и протянул ее Лизе. В благодарность она кивнула и улыбнулась. Геолог разлил чай по остальным кружкам и пригласил всех к столу. Ароматная дымка сделала свое и у стола собрались все кроме Хоббита.

— Как — то мы, перед окончанием экспедиции, отмечали мой день рождения. Ну, все как полагается, картошечки напекли, с лучком. Огурцов с помидорами нарезали. Сало отменное приготовили. Этот милый человек, — он кивнул на Эмиля, — тайком привез три литра самогона, и ведь ничего не сказал, месяц хранил. Ну, мы забыли о «сухом законе на экспедициях». Напились так, что наследующий день никто проснуться не смог. Эти бойцы на столе заснули, а я на чердаке. За нами приехали, этих погрузили, увезли. А меня здесь забыли.

Дождь размыл дорогу. Трактор только на восьмой день добрался. Десять картофелин, две луковицы, два огурца и помидор — все, что у меня было. Вокруг дома медведь бродил. Выйти боялся. Так бы на речку сеть бы поставил или ягод с грибами собрал. По приезду в город купил себе этих красавчиков, — он кивнул на пистолет.

— Очень обнадеживает, Олег Николаевич, — съязвил Хоббит. — У нас не Америка. Интересно, где это так запросто можно купить оружие.

— Я тогда вел занятия по рукопашному бою в агентстве, предоставляющем знаменитостям телохранителей. Порогов истоптал достаточно, но документы были оформлены быстро. Ты, Игорек, не трусь. Вернешься к своей пышногрудой мадам. Будешь пить вермут, и греть задницу у камина, — Эмиль похлопал парня по плечу.

— Да пошел ты, — стажер отдернул плечо и сел за стол.

4

— Меня все это начинает дико бесить, — Хоббит не находил себе места, — Олег, ты вроде собирался за рацией посидеть?

— Ага, готовлю вот. Не суетись, — геолог возился с проводами.

— Чего тянешь то?

Поняв, что его вопрос останется без ответа, Хоббит принялся нервно вращать ложку.

— Успокойся, пожалуйста, — Лиза выхватила ложку и положила ее на стол, — от твоей истерии пользы никакой.

— Игореха, действительно, покури, чай попей... — сказал Олег.

— Не надо меня успокаивать! — крикнул Хоббит, резким движением руки он снес со стола сахарницу и тарелку с печеньями.

Положив голову на стол, он закрыл ее руками.

Выдохнув, стажер встал со стула и подошел к буфету. Открыв дверцу, он достал пакет с леденцами. Дрожащие пальцы смяли обертку. Положив леденец в рот, парень сел на пол и запрокинул назад голову.

Интерлюдия 1

Думал о том, как он, Игорь Баскаков, известный везунчик, мог угодить в такую историю. Знаменитый Хоббит, завоевавший сердце первой красавицы института, пышногрудой Жанны Снеговицкой с параллельного потока. Это он обскакал сотню претендентов на съемки в клипе группы «Амалия». Сингл вошел в десятку хитов года. Затем он снялся в нескольких рекламных роликах. Некоторое время его узнавали на улицах, но минута славы закончилась.

Игорь расстегнул нагрудный карман и достал лотерейный билет. Маленькая бумажка стала его талисманом.

Четыре года назад, во время сильного похмелья, он зашел в супермаркет за банкой пива. Причитавшая об отсутствии мелочи, продавщица всучила жвачку и лотерейный билет. Бумажка и пачка «Стиморол» были благополучно забыты в кармане. Залитая «свинцом» голова была тогда куда важнее. Через две недели переключая радиостанции, он услышал о «счастливчике» нежелающем забирать выигранный джек-пот в четыре миллиона рублей.

Они с Анной стояли в пробке. Игорь оставил машину на обочине. Он мчался домой, сбивая с ног прохожих и спотыкаясь о бордюры.

Забежав домой, он обшарил карманы всех рубашек и брюк. Проклятый билет словно прятался от него и не желал быть найденным. Он не мог вспомнить, в какой карман спрятал его, изнывая от жажды и головной боли.

Хоббит выбежал из дома, не заперев за собой дверь. Ольга, тренер по фитнесу, выезжала из стоянки, когда он выскочил из-за угла. Парень распластался на капоте ее машины. Он даже встал перед ней на колени, умоляя открыть ему гардероб. Последние метры до своего шкафчика Хоббит вышагивал на четвереньках — сбитое дыхание и приступ астмы не останавливали его.

Игорь вскрикнул от радости и поцеловал в губы Ольгу. Она отвезла его на то место, где он оставил свою машину.

Обиженная Жанна оставила на сидении записку.

Он так и не позвонил ей. Хоббит думал, что она должна позвонить сама. Он крепко держался за ту мысль, что заслуживает понимания. Баскаков купил дом, машину. Он ждал ее звонка, не допуская мысли, что может позвонить и сам. Не поздравил ее с днем рождения. Хоббит написал ей смс — сообщение, после того как спустил остатки своего выигрыша на игровом автомате.

Прошло пять недель, прежде чем Игорь решил зайти к ней. Он рассчитывал переступить порог и заключить ее в свои объятия. Подбирал слова, чтобы сказать, как любит ее. Воображение навязывало картинку того как они пройдут в ее спальню, и упадут на не собранную постель.

Она открыла дверь и, как ему показалось, приготовилась выслушивать долгие объяснения. Но Игорь так и ничего не успел сказать. Из ванны вышел чернокожий парень, завернутый в белоснежное полотенце. Это был Ноэль Абрахамс, центрфорвард казанского «Ак Барса». Ирония судьбы, поклонником таланта которого был Баскаков.

— Какие-то проблемы, детка? — ужасный акцент резал слух; хоккеист обнял девушку сзади и поцеловал в шею.

— Нет, Игорь уже уходит, — она захлопнула дверь перед его носом. Опешивший парень едва успел отойти назад. Из-за двери послышались звуки поцелуев и смех его бывшей девушки.

Игорь безмолвно развернулся и вышел на улицу. Он вернулся домой и не выходил за порог, пока в холодильнике не осталось пива.

Купив в супермаркете упаковку «Клинского», он столкнулся на выходе с высоким, плотным мужчиной. Новый знакомый оказался геологом. Они выпили пива и толстяк, сильно смахивавший на голливудского актера Джона Траволту, дал ему свою визитку. Узнав о том, что Игорь по образованию горный инженер, толстяк предложил ему работу в научно-исследовательском институте.

* * *

— Это ты виноват в том, что я оказался здесь, — Хоббит смахнул упавшие на лицо волосы.

— Ну, начинается. За яйца тебя сюда никто не тащил. Сам пришел, — равнодушно

ответил Олег.

Хоббит положил в рот очередной леденец, забыв о том, что он еще не разобрался с предыдущим.

— Ничего... Я выберусь. Выберусь!

5

В доме погас свет. Я подобрался поближе, чтобы ОНО смогло быстрее добраться до них. Чертова тварь выдала себя, напав на белку и спалив дерево.

Я уже и не помню, когда и как голод этой твари стал моим. Он скребет желудок, не дает забыть о себе. Я сплю, когда ОНО отдыхает. Сыт, когда ОНО сожрет кого-нибудь. Я бы сказал, что мне страшно, но на самом деле это далеко не так. Давно привык к страху и мне безразлично, что со мной будет.

Волки ходят по пятам, надеясь, что на их трапезный стол что-нибудь перепадет. Жалкие твари. Выстрел напугал добычу, и я не надеюсь на то, что она вновь покажется из своего убежища. Тварь металась по округе, в поисках еды. Она обгладывает кору с деревьев, в поисках белок и птиц.

Когда из дома выскочили двое, тварь начала обволакивать меня и спрятала под слоем почвы. В ногу угодила пуля. Я не чувствую боли. Моя новая кровь вытолкнула из меня кусок свинца.

Едва ли человек, полвека проживший в большом городе, сможет долго прожить один в тайге. Два-три года ему будет нужно, чтобы выжить из ума от одиночества, на четвертый он начнет потреблять в пищу сырое мясо. На пятый о человеке в нем будет напоминать только прямая походка.

Я — нелепое исключение. Неодушевленные друзья, пусть и имеют имена, но быстро надоедают. Вел дневник, пока не извел карандаши и бумагу.

Затем был живой друг. Бельчонок выпал из дупла. Он был весьма забавным. Зверек прожил три года. Остаться одному — все равно, что лишиться ноги или руки.

Я пытался вспомнить, как звучат крики чаек на набережной. Я бы пожертвовал всем, чем угодно, лишь услышать грохот трамвайных колес и гул двигателей теплоходов, гудки клаксонов автомобилей.

6

Карина выглянула в окно. Было еще достаточно темно, чтобы выдвигаться к поселку. Она задернула занавеску обратно и села на край кровати.

— Слушай, может, когда все это закончится, сходим куда-нибудь вдвоем? Ну, если ты, конечно, не занята, — Эмиль присел рядом с ней.

— Не занята, — на выдохе сказала Карина, — обязательно сходим. Я пойду с тобой куда угодно, Эмиль Аскарков, если ты вытащишь нас отсюда. Последние слова она произнесла шепотом и поцеловала его в губы. Эмиль обнял ее за плечи и прижал к себе. Он вдохнул запах ее волос.

Олег сидел, раскачиваясь на плетеном кресле, морщась от попадавшего в глаза дыма сигарет и наблюдая за стеснительным другом и очаровательной ученой. Он всегда считал: единственное, что может остепенить Эмиля — это умная и добрая женщина, которая будет

такой же неугомонной и склонной к авантюрам. Он полагал, что этому парню с душой Индианы Джонса, необходима вторая половинка «а-ля Лара Крофт», иначе ему будет невероятно скучно.

Хоббит все так же сидел на полу, раскачиваясь в такт тиканью настенных часов. Со стороны, могло показаться, что он слушает музыку. Но на самом деле ему было очень страшно.

Карина отстранилась от Эмиля и, включив фонарик, подошла к окну. Она вытерла рукой испарины. Ключья тумана стелились по земле. Девушка всматривалась в темноту, пытаясь разглядеть среди силуэтов деревьев что-нибудь необычное.

— Карина, отойди от окна! Ты слышала выстрел, возможно, сейчас он целится в источник света, — Эмиль взял из ее рук фонарь и выключил его.

— Там кто-то есть! — воскликнула девушка, и, взяв со стола пистолет, выскочила на улицу.

Эмиль с Олегом выбежали следом. Свет фонаря Карины уже мелькал среди деревьев неподалеку от дома.

— Может это наш егерь? — проговорила она, когда парни поравнялись с ней. — Нужно догнать его!

— Ты с ума сошла, а вдруг кто-то выманивает нас из дома. Вернемся! — Эмиль обнял ее за плечи.

— Я видела мужчину в волчьих шкурах. Я уже прицелилась, когда он спрыгнул в обрыв. К ребятам вышла Лиза. Они стояли, глядя в непроглядную темноту крутого обрыва.

— Поговаривали, что в сороковых годах из лагерей бежал зэк и прятался в этих краях, — Олег убрал пистолет, но продолжал освещать тайгу. — Он перебил солдат, которые шли за ним. Потом съел их. Всю жизнь прожил в землянке. Кто-то даже видел его купающимся в озере. До того как его поймали в пятьдесят девятом, он успел убить шестерых охотников, трех геологов и лесника. Но года два назад пропали еще два охотника. Но никто не списывает их исчезновение на волков или болота. Все твердят, что беглеца не поймали. Просто отчитались, что он застрелен и похоронен в тайге.

— Нагнал жути, — проговорил Эмиль. — Вернемся в дом.

Со стороны обрыва послышался треск.

— Я вооружен. Буду стрелять! — Олег снова выхватил пистолет.

Звук снова начал приближаться, но смолк, словно натолкнувшись на невидимое препятствие.

— Эми-и-ль! Олег! Дом горит! — крик Хоббита отвлек от непонятных звуков.

Стажер бегал с ведром от колодца до противоположной стороны дома. Он окатывал пылающую стену. Пламя перекинулось на крышу, когда Эмиль вбежал в дом.

Олег наполнил два ведра и оббежал дом. На земле лежала пустая канистра. Он выплеснул два ведра на бушующее пламя. Из-за соломы, которой был забит чердак, пожар охватил весь дом за несколько минут. Поняв тщетность усилий, Олег отбросил ведра и сел на землю. Хоббит продолжал окатывать стену водой.

Эмиль выбежал из дома. В руках он держал дождевики, куртки, рюкзаки и кейс Карины. Он сбросил все на землю и засунул обожженную руку в ведро с водой. Жар усиливался — пламя перекинулось на сарай, вынуждая людей отходить.

Хоббит судорожно шарил в карманах. Искомое нашлось в кармане брюк. Он просыпал леденцы на траву. Закинув одну в рот, он дрожащими руками собрал остальные в карманы.

Раздался выстрел. Пуля угодила в канистру. Все словно по команде припали к земле. За деревьями послышался звук щелкающего затвора.

— Он перезаряжает! Бегите, я прикрою, — Эмиль скрылся за деревом и приготовился стрелять.

Разобрав рюкзаки и куртки, все бросились бежать по тропинке, к дороге, которой пользуются альпинисты, спускающиеся с покоренной Лисьей горы. Раздался еще один выстрел. На пути пули встала сосна.

— Эмиль, беги! — голос Карины уже доносился издалека.

Выпустив в темноту несколько пуль, парень бросился догонять остальных. Он догнал Карину и взял ее за руку.

— Выключите фонари! Он будет идти за нами!

Олег отставал — хромая нога не позволяла развить скорость.

Еще один выстрел. Пуля пролетела рядом с лицом Хоббита, оставив ожог на мочке уха. Он остановился, укрывшись за деревом, чтобы дождаться остальных.

— Он выкурил нас из дома. И теперь гонит по тайге, — сказал Эмиль, когда они остановились отдышаться. На его спине помимо своего, висел рюкзак Олега и Карины. Парень вытер с лица пот и присел на корточки.

— Поселок в другой стороне, нужно будет дать большой круг, — сказала Карина.

— Бегите, — Эмиль поцеловал Карину, — я помогу Олегу.

Он закинул руку геолога на плечо. Выстрелы повторялись, но пули терялись в гуще деревьев.

— Бежит не следом. Двигается рядом, — подметил Олег, вслушиваясь в выстрелы, — думаю, он может застрелить нас в любую минуту, только не знаю, зачем он нас гонит в глубь тайги.

Он пробовал наступить на раненую ногу — боль была острой.

Впереди мелькала фигура Лизы — девушка сбавляла темп. Эмиль слышал, как она неровно дышит. Он предполагал, что ее курение сыграет над ней свою злую шутку. Девушка перешла на шаг, а потом и вовсе легла на землю.

— Я больше не могу, — проговорила она.

Ее рука была на животе. Другой она небрежно смахнула с лица волосы. Биолог сплюнула поправшую в рот горсть земли. Словно добежавший до финиша марафонец, она жадно глотала воздух.

— Надо бежать Лиза! Вставай, — Эмиль взял ее руки и поднял на ноги.

— Я не могу... Я не могу больше!.. — повторила она, но пересилив себя, продолжила бежать.

— Сейчас, еще не много и спрячемся где-нибудь. Отдохнем и обдумаем что делать. Мы бежим уже примерно восьмой километр, еще парочка и я слягу, — сказал Олег.

Впереди показался Хоббит. Он стоял на четвереньках, спрятавшись за пнем. Одной рукой он держал во рту ингалятор, другой нажимал на кнопки мобильного телефона.

— Сигнал появился! — воскликнул он, увидев бегущих ребят.

— Карину не видел? — спросил его Эмиль, складывая у пня рюкзаки.

Хоббит отрицательно покачал головой. Сделав глубокий вздох через ингалятор, он сказал:

— Пробежала мимо меня минут пятнадцать назад, — и снова припал к ингалятору.

Мобильник выпал из дрожащих рук, но парень поймал его на лету. Телефон пропищал,

сообщив о том, что связь прервана.

Эмиль приложил ладони ко рту и несколько раз прокричал имя девушки. Эхо методично разносило его возгласы. Девушка молчала.

— Я найду тебя... — прошептал он и лег на холодную землю.

Глава 3. Пещера. Находка Эмиля

1

Пещера на склоне обрыва стала временным пристанищем для уставших людей. От нее веяло холодом и запахом влажного мха. В прикрытое валуном убежище можно было пролезть через узкий проход. В углу лежал скелет грызуна. Откуда-то сверху капала вода.

Нашедший пещеру Эмиль, оставил в ней рюкзаки и привел к ней остальных.

— Рассвета можно подождать здесь, — помогая сесть Олегу, — я пойду, поищу Карину. Мы вернемся, а потом пойдем в поселок. Ждите здесь.

Эмиль вышел из пещеры, взяв с собой фонарь и пистолет. Его шаги быстро отдалялись, а вскоре и вовсе стихли.

Несколько минут в пещере висела гнетущая тишина, нарушаемая сдавленным кашлем Хоббита. В его рту до сих пор таяли два леденца. Лиза сидела, обхватив колени руками. Она смотрела на сталактиты, свисавшие сверху серыми сосульками.

— Мы все умрем... — чуть слышно проговорила она.

— Не нагнетай, — проговорил Хоббит, на секунду оторвавшись от ингалятора. — Мы выберемся. Я надеюсь.

2

Они не бегут! Почему они не бегут?

Когда ОНО проголодается, то примется за них.

До чего же люди смиренны перед ползучей неизбежностью! Они прячутся в пещере, думая, что цветок их там не настигнет.

Та самая пещера, в которой я нашел его. Тогда оно было крохотным пятнышком. Пучок зла поглощал крысу.

Если бы я тогда знал, что стану рабом жестокого существа, то раздавил бы эту тварь и бежал, не оглядываясь. Теперь же я могу только сожалеть. О том, что подобрал его тогда в пещере. О том, что не убил его, когда тварь была еще крошечной и впадала в спячку. Тогда, чтобы насытиться, ей было достаточно трех — четырех килограммов мяса.

Один из людей идет по тайге, освещая округу фонарем. Предполагаю, что он ищет девушку, забравшуюся на дерево, в паре километров отсюда.

Я подобрал оброненную кем-то сигарету. Сильный кашель был первой реакцией на забытый организмом табачный дым. Я докурил ее и погасил пальцем. Когда тварь спала, осязание и обоняние возвращались ко мне. В такие короткие минуты я чувствовал себя человеком.

3

— Уже час прошел, Игоря с Кариной все нет, надо двигаться, — Хоббит встал на ноги. Он бросил в рот горсть леденцов и с азартом начал их грызть.

— Я без Эмиля не пойду, — ответил Олег. Геолог медленно и глубоко вдыхал влажный воздух леса, мокрого от дождя.

— Если их не убил этот псих, то загрызли волки или они заблудились.

— Ты не знаешь Игоря. Он просто так не сдается. Если он сказал, что вернется, значит вернется. С Кариной или без.

— Скорее всего без. От баб все беды, — сказал Хоббит и приготовился пролезть в узкий проход.

— Ты куда?

— Пописать хочу. Можно? — огрызнулся Хоббит и вылез из пещеры.

На щеки Лизы откуда-то сверху упали несколько капель. Она вспомнила дом-интернат и престарелую воспитательницу. Немощной женщине не хватало сил до упора закрутить ручку крана.

Вода капала на чайное блюдце, у которого собиралась армия тараканов. Насекомые разбегались, когда маленькая девочка забиралась на стул и зажигала свечку. Закрыв кран, она насухо вытирала раковину и отправлялась спать.

Это повторялось каждый вечер в течение нескольких лет. Старушка умерла в день рождения Лизы. Она оставила под подушкой девочки скромный подарок — два мандарина. Старушку нашли под злосчастной раковиной, лежащей лицом вниз. Когда Лиза перевернула ее, из уха показалось мерзкое насекомое. Шевеля усами, таракан заполз за шиворот старушки. Прибежавшие воспитательницы положили ее на спину и грубо отстранили девочку. Она хотела сказать им, что они раздавили таракана и испачкали халат. Но слезы нахлынули на ее глаза, и она убежала в спальню, где проплакала до глубокой ночи.

Ей частенько снилось, как насекомое бежит по сморщенному телу старушки. В ее снах таракан откусывал кусочки мяса и жевал, глядя на Лизу.

Она ненавидела насекомых.

Лиза с нарочитой злобой раздавила паука, пытавшегося взобраться на ее ботинок, и долго размазывала его по скальной породе.

Из тяжелых воспоминаний ее вытянул смех Хоббита. Она бросила взгляд на вскочившего на ноги Олега. Геолог был заметно раздражен поведением стажера.

— Я сам посмотрю, — сказал он и вышел из пещеры. — Может, и суну ему пару раз по физиономии.

Смех Хоббита был неестественным. Он больше напоминал хохот душевнобольного, скованного смирительной рубашки. Стажер сидел на земле, бесцельно глядя перед собой. Его состояние походило на истерию и помешательство.

В нескольких шагах от пещеры в землю была воткнута лопата. Рядом лежала тряпичная сумка. Олег инстинктивно оглянулся и прижался спиной к валуну. Он достал пистолет и оглядел ближайшие деревья, пытаясь заметить прячущегося человека.

Он медленно двинулся к лопате и, подобрав сумку, отошел обратно к валуну. Так он был уверен, что его никто не пристрелит со спины. Олег быстро заглянул в сумку. Озираясь, геолог засунул в нее руку.

Он вытащил компас, два фонаря, сложенную топографическую карту и книгу.

«Библия».

«Издание не предназначено для продажи».

На отсыревшей обложке мягкого переплета с трудом угадывались буквы.

— Он знает, что мы здесь, надо уходить, — проговорил он.

Олег протянул Библию Хоббиту.

— Держи тебе нужнее.

Стажер не глядя, взял книгу, но тут же выронил ее.

— А как же Эмиль? — спросила вышедшая из пещеры Лиза.

— Я оставлю ему сообщение.

Геолог нарисовал на валуне глобус и поставил галочку на северной стороне. «Двигайся на север» — надпись читалась, только при хорошем освещении.

— Он ушел с фонарем, — сказал Хоббит, наконец-то взявший себя в руки.

«Надеюсь, у тебя получится» — подумал Олег и отбросил камень.

4

На выпускном вечере Анита Николаева опрокинула на Игоря Баскакова кружку горячего чая. На коленях Хоббита остались большие рубцы от ожога, которые начинали зудеть и чесаться в самый неподходящий момент.

Вот и сейчас, Хоббит едва сдерживался, чтобы не сесть на землю, и начать расчесывать рану, побагровевшую от наплыва крови. Он по привычке проклинал эту рыжую девчонку, споткнувшуюся о собственную ногу.

С тех пор, если кто-нибудь спотыкался или поскользнулся на его глазах, Игорь мысленно сравнивал это с впечатляющим полетом Аниты. Он частенько подумывал о том, что смешнее, то, как она распласталась на полу, задрав свою нелепую юбку и обнажив трусы-пantalоны, или то, как она случайно пукнула, отвечая у доски.

«Твердая четверка» — пронеслось в его голове, когда запнувшись, упала Лиза и плюхнулась лицом в грязь. Он снял с ее плеч рюкзак и помог встать.

— Неужели в тебе есть что-то человеческое? — спросила она отряхиваясь.

— Не обольщайся на этот счет, — ответил Хоббит и, вытянув над оврагом руку, выбросил рюкзак, — он тебе явно мешает.

Он пошел дальше, улыбнувшись разозлившейся девушке.

— Не отставайте и не шумите, — Олег уже отошел на приличное расстояние.

— Самовлюбленная, трусливая, подлая сволочь! — процедила Лиза сквозь зуб.

Хоббит не обернулся. Он равнодушно шел вперед, пытаясь не обращать внимания на мучающуюся в грязи девушку. При этом стажер понимал, что если эту сцену увидел Олег, то синяк под глазом ему был бы обеспечен. За спиной послышался треск хвороста. Игорь инстинктивно развернулся. Лизы не было. Сдавленный стон послышался с краю тропы. Хоббит растерянно озирался по сторонам. Олег пробежал мимо, задев его локтем. От толчка стажер упал на землю. Только сейчас он заметил утонувшую по шею Лизу.

— Игорь, найди толстую ветку! — Олег пытался подобраться к девушке.

На поверхности, затянутой водорослями и мхом, появились пузыри. Игорь растерянно смотрел на топь.

— Да что ты сидишь? Помоги мне! — крик Олега, помноженный эхом, подействовал на Хоббита отрезвляюще.

Парень вскочил и нагнул тонкую иву. Олег достал из топи руку девушки и положил ее на дерево. Топь медленно сдавалась, отпуская девушку из мертвых объятий.

— Сейчас, девочка моя, еще чуть-чуть, — сказал Олег.

Внезапно она сжала его ладони, впившись ногтями в его кожу.

— Мои ноги!.. Господи... Вытащите меня отсюда!

Ноги Олега вязли, и он отошел на твердую поверхность.

Лиза кричала.

— Что? Что это?! — Олег почувствовал, что топь начала тянуть сильнее.

— Мои ноги! Они горят! Вытащите меня отсюда! — Лизу затрясло. Она не удержала тонкий ствол неокрепшего дерева. Высвободившееся дерево сбило с ног Хоббита, отбросив его. Девушку резко унесло вниз. Топь, словно обезумевший от голода хищник, неумолимо завершала начатое дело. Опешивший Олег выпустил ее из рук. Лиза уже не кричала. На лице холодной маской застыла гримаса боли. Через секунду она скрылась в болотной жиже. На поверхности появились пузыри. Они лопались, изрыгая зловонный пар.

Олег бросился к девушке, уже глотавшей комья мха и болотной слякоти. Лиза пыталась схватиться за что-нибудь спасительное. Он безуспешно пытался вытащить ее, оперившись ногами о стволы деревьев.

Раздался выстрел. Олег почувствовал на лице брызги теплой крови. В голове девушки зияла дыра. Он озирался, пытаясь понять, с какой стороны идет стрельба. Олег отполз к Хоббиту, лежавшему ничком, прикрыв голову руками.

— Бежим, она уже мертва! — сказал он, глядя, как Лиза погружается в таежную топь.

5

Эмиль вслушивался в тишину, пытаясь определить природу странного звука. «Бенгальские огни? Наждак? Напильник?» — он сравнивал его в уме с теми, что ему доводилось слышать раньше. Когда раздался выстрел, он прижался к земле. Поняв, что мишенью является не он, геолог побежал по узкой косе, балансируя между пропастью по обеим сторонам, словно канатоходец. Коса сужалась — не удержав равновесия, он сошел с тропки и начал скользить на дно оврага.

Ободранные локти и плечи отзывались острой болью. Эмиль приземлился на жижу из глины и листьев, едва не угодив лицом о торчавший из земли сук. Выбравшись из грязи, он начал подниматься вверх. То, что он принял за сук, оказалось обломком кости.

На ветках ивы висела высохшая грудная клетка человека. На ветру развевались остатки одежды. Эмиль вытянул руку и дернул за рукав. Останки упали к его ногам. На нагрудник оборванной тюремной спецовки из грубого сукна была вшита надпись: «2-отряд. МВП. Каланчин М.Г.». Костяшки пальцев сжимали ложку с заточенной ручкой. Эмиль оглянулся, надеясь увидеть на земле отвалившийся череп.

Сплюнув, он начал выбираться из оврага. Геолог цеплялся за корни и траву, собирая под ногтями занозы и грязь. У самого края обрыва сильные руки схватили его за подмышки и помогли подняться на ровную землю.

— Не страшно одному по тайге бродить? — Олег рукавом вытер грязь со щек друга. — Нашел Карину?

— Не нашел. Там внизу труп. Вернее, скелет в тюремной робе. Наверное, тот зэк, с которым ты рассказывал. А где Лиза?

— Он застрелил ее... Сукин сын выстрелил ей в голову, когда мы вытаскивали ее из болота.

— Надо добраться до поселка и вызвать помощь, — Эмиль рассеянно покачал головой, — надеюсь, Карина прячется, и не будет высовываться.

— Есть один момент... Я понимаю, конечно, странно звучит, но уверен, Лиза умерла еще до выстрела, — Олег первым пошел вдоль обрыва и старался говорить тихо.

— Не понял, он же ее... — Хоббит попытался возразить, но Олег перебил его.

— Там было что-то еще. Она кричала, что ее ноги горят. Я не думаю, что нас хотят убить ради забавы.

— А может он просто сумасшедший? Жил отшельником, ну и выжил из ума?

— Сумасшедший это ты. Если бы ты не выбросил рюкзак, Лиза была бы жива.

— Значит, в ее смерти виноват я? — надменно спросил Хоббит.

— Она пошла за рюкзаком, который ты выбросил, и угодила в топь.

— Когда все это закончится я с огромным удовольствием набью тебе морду, парень, — Эмиль гневно улыбнулся и похлопал Хоббита по плечу.

— Испугал... Господи, как мне страшно! — Стажер попытался съехидничать и, обойдя обоих, пошел первым.

Еще было достаточно темно — небо было затянуто тяжелыми грозовыми облаками. Ночь еще тягалась с подступающим утром. В таежной тиши подозрительным казался каждый шорох. Хоббит стрелял в направлении каждого источника звука, пока в обойме не закончились патроны.

Цветок хочет есть.

Это единственное, что сейчас важнее всего. Нельзя позволить им уйти. Топь отдала тело, но цветок хочет еще. А затем, когда оно наестся, снова заснет. Я смогу освободиться. На этот раз я все сделаю как надо и убегу от этой твари. Я не дам ей утащить меня в спячку.

Лучше умереть в своей постели в луже мочи от старости или туберкулеза, чем быть частью этой твари и жить так долго.

Тело женщины оказалось маленьким. Но такая добыча лучше, чем дюжина зайцев или волков. ОНО снова мечется в поисках еды. Что может быть ужасней, чем бродить ночами по тайге в поисках еды для этого монстра.

Ухудшилась память. С трудом могу досчитать до десяти. Медленно превращаюсь в омерзительное животное, единственной целью которого будет поиск пищи. Я устал от этого.

Из вскрытых вен не идет кровь, и холодная сталь не может одолеть плоть. Раны затягиваются на глазах. Страшно подумать, что стало бы со мной, если бы я решил повеситься. Сколько можно провисеть, в петле, не умирая? Неделю, две, месяц?

Цветок хочет есть. А потом он уснет.

Вторая женщина сидела на дереве. Полагаю, надеюсь, что я не найду ее там. Она дрожит и ждет спасения. Холодный ветер приносит ее шепот. Она молится. Девушка ждет мужчину.

У ее страха необычный, особенный запах. Она любит мужчину. Жаль, что они не смогли убежать.

Цветок быстро найдет ее.

Олег остановился. Он поднял руку, требуя, чтобы Хоббит и Игорь остановились. Не заметившие этого парни встали рядом с ним.

— Слышите? — оглядываясь, спросил Олег.

Земля неожиданно ушла из-под ног, и троица провалилась в пустоту. Каждый пытался схватиться за что-нибудь спасительное. Недолгий полет ознаменовался жестким приземлением.

— Что это было? — Эмиль пытался нащупать в темноте оброненный пистолет.

— Кажется, землянка, — Хоббит первым встал на ноги, — куча ветоши, на которую он приземлился, смягчила посадку. — Постучимся на чашку чая?

За плетеной дверью в другой комнате горел свет.

— Надо выбираться отсюда, если он здесь, наверняка слышал шум, — Эмиль подобрал пистолет, но не спешил засовывать его за ремень. — Ужасный запах. Думаю, землянка психа, который охотится за нами.

— Запах гниющего мяса, — Олег перешел на шепот — они подобралась к двери, — воняет как в полевом госпитале.

Выставив пистолеты, они вошли в комнату. Здесь запах был особенно резким. Убранство комнаты было весьма мрачным. Горели две керосиновые лампы. В углу громыхал

генератор. Рядом с ним лежали пустые канистры и ружье егеря. У стен были установлены широкие деревянные скамьи. По комнате были разбросаны волчьи шкуры и газеты. На полу лежал перевернутый котел, почерневший от копоти. На маленьком столе лежали две книги и свечка. Где-то в другой комнате играла музыка. Иголлка проигрывателя терзала пластинку.

Эмиль поднял одну из шкур, но тут же выронил ее. Он тронул за локоть Олега, обратив его внимание на свою находку. Носком ботинка Эмиль отодвинул котел, под которым лежала отрезанная голова Семена. Егерь встретил смерть, широко раскрыв глаза и плотно сжав челюсть. Рядом лежали останки волчьего тела и окровавленная лопата.

Хоббита вырвало. Достав платок, он вытер рот, и старался не смотреть на пол.

— Пойдем отсюда. Он может вернуться!

— Успокойся, сейчас пойдем! — Олег рассматривал черно-белые фотографии и газетные вырезки, расклеенные по стене.

«Запущен первый космический спутник земли» — гласил один из заголовков. Олег попытался найти что-нибудь о Сталине или об окончании войны, но бросил это занятие.

— Давайте, подвинем стол, под «новую дверь», — Эмиль, не дожидаясь помощи, взялся за мебель.

— У тебя есть план? — Хоббит нервничал и трясся, словно его мучил сильнейший озноб.

Олег кивнул.

Через минуту пирамида из стола, канистр и котла была готова. Под котлом все также лежала голова Семена, с кишасами в глазницах белыми опарышами. Хоббит едва удержал очередной ком рвоты, подступивший к горлу. Он первым вышел из землянки и уже наверху начал шумно опустошать желудок.

Эмиль вышел вторым. Возможность внезапного нападения инстинктивно вынуждала оглядываться.

— Ты что, решил нагадить ему на стол? — Хоббит просунул голову в отверстие и заглянул в землянку. — Олег, чего ты там возишься?

— Не шуми, — Эмиль отстранил стажера от отверстия.

— Там свет погас... — Хоббит растерянно отодвинулся.

В землянке послышался грохот. Оба молниеносно выставили перед собой пистолеты. Хоббит спешно заменил обойму.

Руки Хоббита дрожали так, что он едва ли попал бы в стоящего неподалеку слона. Из отверстия показалась рука Олега. Он вытащил керосиновые лампы и следом вылез сам. На его плече была сумка и ружье.

— Решил его ограбить? — изумленно спросил Эмиль, помогая другу выбраться.

— Накакать ему на стол — отличная идея, но мне чертовски страшно это делать, — он вылил керосин в землянку и достал спички. — Мы тоже любим с огнем баловаться, око за око, сволочь...

Внизу вспыхнуло пламя. Они двинулись по узкой и извилистой тропе и отошли на довольно большое расстояние, когда раздался взрыв.

— Генератор... — проговорил Олег.

словно сосед, крошащий стену дрелью. Но больше пугающий, как плавник, проплывающей мимо акулы.

— Вы слышите? — Эмиль вслушивался в порывы ветра.

— Да, я слышу: чертовы твари, воют на луну и никак не могут заткнуться! — Хоббит обошел остановившегося Эмиля, едва не свалившись в бурлящее болото.

— Нет-нет! Не это! Послушайте...

— Я тоже слышу... Это крик... Господи, это... Это Карина! — воскликнул Олег, — Он убьет ее!..

— Я вернусь за ней! — Эмиль достал пистолет.

— Ты уже пробовал и у тебя не получилось! Ты не дойдешь до нее, этот псих доберется раньше! До поселка осталось паршивых пятнадцать километров! — Хоббит говорил, брызжа слюной.

— Я пойду с тобой, — Олег снял рюкзак и положил его у дерева, — надеюсь, мы вернемся по этой дороге.

— Ты пойдешь с Хоббитом и вызовешь помощь... Я сам вернусь за Кариной, — Эмиль взял Олега за плечи, — один я доберусь до нее быстрее. Мне нужна эта девушка.

— Ну, тогда, бог тебе в помощь, — Олег пожал руку Эмиля, — сделай одолжение для своего друга... Не лезь на рожон и не геройствуй. У тебя своя голова, я знаю, не подумав, ты нечего не будешь делать. Осторожно там!

— Договорились, — сказал Эмиль, и, скинув рюкзак, побежал обратно.

Олег стоял, глядя ему вслед, пока фигура парня не скрылась между деревьями. Геолог подобрал оба рюкзака и хромая, зашагал к поселку. Боль была нестерпимой. Ему казалось, что злосчастную ногу грызет невидимый хищник, с мелкими и острыми зубами. Вдобавок в ботинках противно хлопала вода. Он подобрал толстую ветку и шел, опираясь на нее.

Крик Карины доносился отчетливее. Из-за раскатистого эха он не мог определить примерное расстояние и сторону, в которой она находилась. Эмиль вытащил за цепь серебряный крестик и поцеловал.

Олег легко догнал Хоббита, мучавшегося от одышки.

— Зря ты это сделал, — сдавленно произнес он.

— Что сделал?

— Сжег хату... этого кретина, — порывистое дыхание выбивало некоторые слова. — Он будет мстить, и твоему другу... придется сложно.

— Я не знал, что Эмилю придется вернуться.

— Если он и Карина погибнут, это будет по твоей вине, ты же понимаешь...

— Слушай, заткнись... — сказал Олег. Он сжал ногтями клеща, ползавшего в волосах Хоббита, и положил его на ладонь парня.

Стажер отдернулся и вытер ладонь о куртку.

— Накинь капюшон. Хотя... Ты наверно уже собрал штук двадцать таких, — сказал Олег. — Клещ может остановить обмен веществ на восемнадцать лет и ждать пока мимо пройдет теплокровное существо.

Геолог не стал разворачиваться, чтобы посмотреть, как парень судорожно тербит залезшие волосы, пытаясь сбросить паразитов, с некоторой вероятностью подсевших к нему. Он уже знал, как это примерно выглядит и мысленно представил себе это.

— Трава везде еще зеленая, а в овраге высохшая. Хотя там течет ручей и должно быть наоборот, — отметил Олег.

— Да какая разница, какого цвета трава! Выбраться бы отсюда. А что у тебя в сумке?

— Позаимствовал у старика пару револьверов, нож... и кое-что ценное, думаю, оно ему в тайге совсем без надобности.

— Кое-что ценное? — спросил Хоббит, вставая, после очередного падения. Он все время оступался и норовил улететь в овраг.

Олег вытащил из мешка скомканную бумагу и протянул Хоббиту. Парень на ходу развернул ее.

— Это же... Погоди. Это же золото?! — изумленно воскликнул Хоббит и остановился, чтобы лучше рассмотреть самородок. — И много у тебя такого добра?

Олег встряхнул тяжелым мешком.

— Здесь два пистолета, а все остальное...

Хоббит продолжил шаг. Он включил фонарик и все еще любовался сверкающим металлом.

— Господи, да в одном таком камушке граммов пятьдесят, — он подбрасывал на ладони самородок, пытаясь более точно определить вес. — Тяжелый. Может он думал, что мы пришли сюда за золотом?

Олег развернулся и выхватил золото, когда Хоббит подбросил его в очередной раз.

— Не отвлекайся. Чем быстрее мы дойдем до поселка и вызовем помощь, тем больше шансов у Олега и Карины остаться в живых! — гневно проговорил Олег и спешно продолжил шаг, настолько быстро, как ему позволяла это больная нога.

Хоббит сжал пальцы опустевшей ладони в кулак. Он постоял несколько секунд, прежде чем догнал Олега.

— Слушай, надеюсь, ты не сильно обиделся, когда я назвал тебя кретином? Да и не стоит обижаться. Вся эта история — нервы ни к черту.

Геолог игнорировал парня.

— Если посчитать... Один такой камушек стоит тысяч триста-триста пятьдесят, а десять таких... Я даже и не думал, что бывают такие большие. Вернее, я слышал о них. Но чтобы так много...

— Я помогу Эмилю, — неожиданно произнес Олег.

— Как поможешь?

— Помогу набить тебе морду. Ты редкий засранец, Игорек. Лучше тебе узнать это от меня, чем от людей, которые тебя покалечат рано или поздно, за какой-нибудь твой поступок или слово.

Они продолжали идти. Стажер больше не проронил ни слова, надеясь, что Олег сам завяжет разговор.

5

Туман рассеялся. Уже достаточно рассвело, и Олег предположил, что осталось еще около семи-восьми километров. К ужасной боли стопы, усталости добавилась еще одна проблема: комары. Голодные кровососы норовили залезть в самые укромные места. Хоббит обвязал лицо тряпкой, оставив маленькую щель для глаз.

В один момент Олег перестал слышать шаги Хоббита. Он развернулся. Стажер смотрел

куда-то в сторону. Его взгляд лежал на трех холмах с тремя подгнившими крестами.

— Могилы, — еле слышно произнес Олег.

— Похоже... — ответил Игорь и хотел идти дальше, но остановился, когда геолог устремился к могилам. — Это плохая идея.

— Иди за мной! — фигура Олега скрылась за соснами.

Небольшая поляна была окружена плетеной оградой. Перед ними раскрылось небольшое кладбище. Могильные холмы находились очень близко друг другу в четыре ряда. Несколько из них еще не успели зарастить травой. У ограды были выкопаны четыре неглубоких ям.

— Интересно, есть ли какая-нибудь закономерность или периодичность в этих датах? — Олег осмотрел все надгробные камни. — 1946, 1964, 1972, 1980, 1988, 1992, 1996, 2000, 2004... Надо полагать, это годы смерти. Он не знал даты рождения и пишет год смерти. Я думаю, это наш маньяк хоронит жертв. Тридцать две могилы. По четыре убийства сначала раз в восемь, а затем в четыре года. Если так, то ему как минимум восемьдесят лет. Старенький.

Эхо разнесло по тайге отголоски выстрела.

— Это выстрел из пистолета. Пойдем, я уверен, если Эмиль и найдет Карину, они будут идти медленно, опасаясь встречи с этим... Надеюсь на помощь.

— Ты видел там выкопанные могилы? — перебил Хоббит Олега, — он готовится убить и нас...

— Заткнись и шагай, твоя пустая болтовня начинает порядком надоедать.

6

Они шли вдоль оврага — узкая полоса, свободная от колючих кустарников и зарослей, давала возможность идти быстрее. Между деревьями мелькали горящие глаза и скалящиеся пасти волков.

— Что будем делать? — Хоббит достал пистолет и снял его с предохранителя.

— Идем. Надеюсь, они отстанут.

Часть стаи неожиданно вышла перед ними. Другая часть окружала их сбоку и сзади, прижимая к обрыву.

— Спускаемся в овраг! — крикнул Олег и прыгнул вниз.

Растерявшийся Хоббит стоял, размахивая пистолетом. Расстояние между человеком и стаей сокращалось.

— Прыгай, Игорь! — голос Олега доносился уже снизу.

Хоббит прицелился в одного из хищников, бежавшего первым. Волк упал замертво — пуля угодила точно между глаз. Стая неслась на парня. Не целясь, Хоббит сделал еще несколько выстрелов в серую массу. Три волка, проскулив, упали под ноги сородичей. Парень развернулся и прыгнул в обрыв.

Олег стоял как вкопанный, изумленно глядя наверх.

— Они отскакивают от оврага как ошпаренные! — крикнул Олег, — смотри! Они не бегут за нами...

Волки бросались в овраг, но останавливались, и, скуля, словно новорожденные щенки, пытались забраться обратно. Набегавшие сзади собратья сметали их обратно вниз. Эта возня на краю обрыва продолжалась достаточно долго. Волки метались, словно воронье во время

грозы.

Олег начал взбираться на противоположную сторону, когда Хоббит споткнулся и растянулся, упав в воду.

— Твою мать... Что за... Олег! Ты видел?! Иди сюда! Тут кровь!.. Много крови... — Хоббит стоял на четвереньках посередине ручья шириной в два метра и что-то высматривал в воде.

— Что ты там возишься? Поднимайся уже!

— Здесь ручей... Кровь течет, и едкий дым поднимается, — Хоббит загипнотизированный необъяснимым зрелищем не мог встать на ноги.

Олег подошел к Хоббиту, чтобы помочь встать и замер от изумления: вода была красной. От ручья поднимался пар фиолетового оттенка.

— Запах такой же, как и в землянке, — сказал он.

— Господи... — Игорь наконец-то собрал волю в кулак и вскочил на ноги, — если волки боятся этого места, то нам тем более опасно здесь оставаться.

7

— Чужое брать не хорошо!.. Верните мне то, что вы у меня украли!!! — Из-за дерева навстречу к парням вышел высокого роста бородатый старик, обвешанный волчьими шкурами. В руках он держал ружье егеря, — Я дал вам возможность уйти — у вас не получилось. ЦВЕТОК хочет есть!.. Я его накормлю...

— Какой на хрен цветок! Да ты чего, мужик! — Олег выставил вперед пистолет.

— Просто верните то, что Вы забрали! — вены на щеках и шее старика вздулись от гнева.

«Франкенштейн жив!» — глупая мысль пронеслась в голове.

Олег начал сближаться с ним. Он смотрел на изуродованное лицо старика. Правая сторона лица была изуродована ужасным рубцом. Его кожа была зеленой, и на ней было множество бугорков похожих на почки, из которых весной распускаются листья. От левого виска до верхней губы лицо рассекал грубый шрам.

Старик метнул нож, угодивший в плечо Олега. Геолог выронил пистолет и вытащил нож, вошедший по самую рукоять.

— Хоббит ты со мной?... Баскаков!.. Игорь!.. — кричал Фил, вышагивая по кругу со стариком, словно боксер на ринге.

— К черту все это!!! — произнес Хоббит и, схватив сумку с золотом, побежал наверх, перепрыгнув через кровавый ручей.

— Ладно... Ладно... Посмотрим, чего ты стоишь... — сказал Фил и хотел кинуться к отшельнику. Однако тут же провалился по колени в землю.

— Что это? Вытащи меня!

Земля у ног начала гудеть. В месте, где провалился парень начал идти пар. Фил почувствовал, что его ноги что-то обжигает. Старик выхватил из-за пояса Олега кольт и засунул в свой карман. Геолог почувствовал, как медленно уходит под землю. Но от страшной боли поначалу не мог даже вскрикнуть. Из того места, где он провалился, на поверхность огромным гейзером забила густая зеленая масса и начала равномерно расползаться по земле. От неё поднималось смрадное испарение фиолетово-зеленого оттенка.

— ЦВЕТОК хочет есть... Хочет есть... Я нечего не могу поделатъ. Цветок проголодался, — бубнил отшельник.

За минуту Олег по пояс погрузился в бурлящую массу. Его крики разлетались на всю тайгу. Одежда и волосы загорелись, словно принадлежали не человеку, а кукле. Лава стала поглощать парня с еще большей скоростью. Фил пытался ухватиться за ветки стоящих рядом деревьев. В один момент крик прервался, и таежное спокойствие нарушал только один звук. Кипящая масса обглаживала кость за костью, издавая чавкающие звуки.

Еще через несколько минут в овраге воцарилась мертвая тишина.

8

Рассвет... Манящее волшебство... А для некоторых это таинство, которое может принести с собой что-то страшное, неизведанное. В душу вселяется непонятная Тревога и Страх. И непременно чувство Ожидания. Остается лишь ждать, когда пройдет этот Страх. Пропадет беспокойство.

Выпускник Горного института, специалист по геофизике — Игорь Баскаков был из тех людей, которые привыкли видеть себя в центре внимания. Король вечеринок, любимец девчонок — сейчас, не оглядываясь, бежал по дну оврага, и по его щекам катились крупные слезы. Он плакал и боялся... Боялся умереть.

Его кроссовки давно разодрались, и он уже долго бежал босиком. Он бежал несколько часов, иногда замедляясь, чтобы не устать. Игорь два раза останавливался, чтобы попить воды из окровавленного ручья. И все это время недалеко от него бежала волчья стая, которая, казалось, уже сходила с ума от голода. Когда парень, сбившись с сил, упал на высохшую траву, заметил глядевших на него хищников.

Ошарашенный парень вскочил и побежал с новой силой.

«Я буду жить!!! ЖИТЬ!.. только бы добежать, только бы добежать!..»

Впереди блестела водяная гладь.

«Добежать... Вроде отстали... Вот и река...».

С разбега Хоббит бросился в воду и принялся плыть в сторону домиков на противоположном берегу. Волки же побежали вдоль реки. «Видимо где-то есть мост» — подумал парень.

Выбежав на берег, И принялся стучать в дверь первого домика. Дверь не открывали. Хоббит оббежал дом и взглядом попытался найти какие-нибудь зацепки, чтобы вскарабкаться на крышу. За спиной были слышны рычания набегающих голодных зверей.

Хоббит запрокинул ногу, чтобы залезть на небольшой выступ, но почувствовал острую боль в икроножной мышце. Через несколько секунд десятки зубов впились в тело парня. Обезумевшие хищники, скуля, словно радуясь такому везению, рвали плоть на мелкие части. Хоббит потеряв равновесие, рухнул на землю. С губ сорвался продолжительный и отчаянный крик, словно позывной — приглашение для той, что приходит в черной мантии и с косой наперевес.

Со всех сторон набегали остальные члены стаи.

Он шел к телу, разодранному волками. Звери отходили от тела при каждом его шаге. Ощетинившись, хищники рычали. По земле словно растекалась зловещая энергия, отпугивавшая хищников от долгожданной добычи. Хоббит дышал и отплевывал кровь, когда старик одной рукой поднял его и положил на плечо.

— ЦВЕТОК хочет есть и я его накормлю... Хочет есть... — процедил он сквозь зубы, повернувшись к волкам.

И быстро зашагал к мосту.

Глава 5. Знакомьтесь: Матвей Данилевский

Москва

Июль 2009

1

Матвей прошел по длинному коридору и, немного постояв у двери, вошел в кабинет главного редактора. В кабинете пахло свежесваренным кофе. В воздухе витал едва уловимый аромат сигар. На белоснежных планках жалюзи сидели мухи. Ветер, врывавшийся в открытое окно, сметал их, но насекомые неизменно слетались обратно. Маленький вентилятор тщетно трудился над тем, чтобы разогнать завесу духоты.

— Не прошло и года, — недовольно пробурчал Денис Викторович, толстый и потный мужчина лет сорока пяти с импозантной проседью, бесцеремонно выхватил из рук журналиста листы бумаги.

Редактор достал из-за уха карандаш и начал читать. Он покусывал нижнюю губу и изредка делал пометки на полях. Пару раз он бросил короткий взгляд на топтавшегося у двери журналиста. Помимо своего цинизма и скептичности, Денис Викторович славился еще тем, что никому из подчиненных никогда не предлагал присесть.

— Хорошо... Уже неплохо, — сказал редактор и сел на вращающийся стул. — С третьего раза и этот вариант намного лучше первых двух. Есть, конечно, пара ляпов. Но, слава Богу, есть я. Я исправлю и сам сдам на верстку. Можете идти.

— Пара ляпов? — недоумевающий Матвей сделал пару шагов к столу шефа, но, увидев недовольный взгляд главного редактора, остановился посередине кабинета, — я думаю, что статья полу...

— Я не понимаю, что происходит с одним из моих самых перспективных журналистов, — перебил редактор и откинулся на спинку кресла. — Понимаешь, нужен горячий материал. Нужен резонанс, шаровая молния. Ты из возможной сенсации делаешь скучнейшую и нечитабельную тягомотину. Пора забыть то, чему тебя учили в университете. Сейчас так никто не пишет. Посуди сам, — редактор сложил ладони, как это делают молящиеся католики, — у нас есть заместитель прокурора, регулярно посещающий бордель. У нас есть начальник отдела внутренних дел, закрывающий глаза на работу этого притона. Есть знаменитый в прошлом артист, вероятно (я повторяю «вероятно») организовавший легендарный бордель. И наконец, в наших руках фотография, на которой эта святая троица запечатлена в компании дам, ну никак не похожих на их жен в ресторане.

Парень, ты пишешь заглавную статью. Ты не Алексей Пиманов и не Михаил Леонтьев. Мы не разоблачаем их. Мы никого не выводим на чистую воду. Мы просто освещаем события и даем, так, скажем, пищу для размышления.

Матвей, почувствовал, что рубашка на спине порядочно взмокла и через минуту другую, его поясница будет походить на Красноярскую ГЭС. Он вытер платком лицо и продолжил делать вид, что чрезвычайно заинтересован речью Дениса Викторовича.

— По первому варианту статьи действительно получается так, что они все это

организовали и промышляют этим, наплевав на все. — Редактор встал с кресла и, взяв графин, полил азалию в глиняном горшке на подоконнике и кактус у монитора, — хотя мы с тобой прекрасно знаем, что все это вилами, как говорится, по воде писано. И если мы напечатаем это в таком виде, нашу «Трибуну» закроют или мы потонем в исковых обязательствах выплаты компенсации за моральный ущерб. Понимаешь о чем я?

— Да я все понял, — Матвей кивнул и выпрямил спину так, чтобы рубашка не липла к спине.

— Вот и замечательно. В последнее время ты очень странный. Может, хочешь в отпуск?

— Я в полном порядке, — растерянно ответил Матвей — знаки заботы от шефа были странным, если не сказать из ряда вон выходящим, событием. — Просто понимаете, все эти истории...

— Ощущение, словно рылся в чужом грязном белье, да? — на лице редактора появилась ухмылка.

— Именно, — проговорил Матвей, довольный тем, что шеф избавил его от трудности подбора необходимых слов.

— Послушай у тебя отличный потенциал. Ты привыкнешь к этому чувству и тогда начнешь получать невысказанное удовольствие от своей работы.

— Я определенно надеюсь на это...

— Тебе нужно отдохнуть. Полежи дома пару дней, своди свою девушку в кино или в театр. А в среду на работу со свежими силами и мыслями. У меня будет для тебя новое задание, — сказал редактор и прильнул к монитору, давая понять, что беседа закончена.

— Хорошо, спасибо, Денис Викторович, — произнес Матвей и вышел из кабинета. В его голосе читались обреченность и усталость.

Журналист кипел от ярости и злобы.

«Старый макаронник, опять добавит пару предложений и поставит свою фамилию рядом с моей. Пара ляпов. Чертов кретин, не может связать пары слов для хорошего предложения. Но присвоить чужое — мастер. Интересно, чей зад он лизал, чтобы стать главным редактором?...

Надо успокоиться Матвей Данилевский, у тебя этот внутренний монолог, наверное, на лбу написан».

Он вышел из здания редакции и, спускаясь по ступеням, закурил сигарету. Мужчина почувствовал невероятное облегчение, когда снял пиджак. Подул ветер, обдав многострадальную спину приятным холодком. Матвей кинул скомканную сторублевую купюру старику, просившему милостыню, и, ослабив узел галстука, направился к парковке.

Он всегда считал, что последний и серьезный удар по его самолюбию был произведен школьным преподавателем, присвоившем его повесть. Тогда Матвей стиснул зубы и пережил это. На выпускном вечере он за полчаса до праздничного концерта налил в ботинки преподавателя керосина и посадил на висевший в шкафу дорогой костюм котенка. Испуганное животное обильно помочилось на парадный наряд.

Но сейчас месть в виде глупой подростковой шутки была бы не уместной. Матвей решил, что в среду напишет заявление об увольнении, а сейчас купит упаковку пива, несколько дисков «Comedy-club» и ляжет на диван перед телевизором. И встанет с него исключительно в среду.

«Старичок развернул бумажку» — пронеслось в голове парня, когда за спиной послышалось: «Да храни тебя Господь».

Матвей выгнал свою девятку из стоянки и повернул на проспект Вернадского. Проезд через улицу Грина был короче вдвое, но ему не хотелось проезжать мимо двухэтажного дома на Смоловой Аллее.

Он всегда считал, что причиной его развода с Анной были ее родители. Отец, владелец сети ресторанов и несносный скряга, открыто заявлял на каждом углу, что «бульварный писака» женился не на Анне, а на его состоянии. Мать понукала тем, что она заслуживает куда большего.

В конце концов, Анна, ретиво защищавшая жениха в течении двух лет, сдалась. Она вернулась в отчий дом, и первое время звонила ему. Адвокаты богатого семейства ускорили бракоразводный процесс. И уже спустя три дня после того как Анна собрала чемоданы, в почтовом ящике Матвей обнаружил конверт со свидетельством о разводе.

На зеркале заднего вида болтался незатейливый брелок. Маленький мышонок словно приветствовал каждую кочку легкими кивками головы. Анна купила его на распродаже, в одном из магазинчиков на окраине Нижнего Новгорода.

Матвей сорвал его и выбросил в окно. Он почувствовал облегчение, словно избавился от жавшей ногу обуви. Брелок, украшенный стразами и сверкающими камушками — последнее напоминание о бывшей жене — угодило под колесо микроавтобуса.

2

В магазине напротив дома Матвей купил несколько пакетов с чипсами, жареную курицу и упаковку пива. Он оставил машину у подъезда, и, поставив ее на сигнализацию, поднялся к лифту. Резкий запах мочи и хлор вынудил прикрыть нос рукавом. Матвей нажал кнопку вызова и стоял, переминаясь с пятки на носок. Его взгляд упал на почтовый ящик. Сквозь узкие отверстия дверцы был виден белый конверт.

Матвея передернуло. В почтовом ящике было то, что он перестал ждать несколько недель назад. Руки судорожно вытащили конверт. Дверца ящика осталась не закрытой. Журналист выдохнул и закрыл глаза. За спиной захлопнулись створки лифта. Снова нажав кнопку вызова, Матвей вошел в кабину. Он неспешно распечатал конверт.

— Добрый день, — в лифт вошла соседка по лестничной площадке, миловидная вдова с маленькой собачкой.

Подняв голову, Матвей улыбнулся и кивнул ей. Он бросил короткий взгляд на пекинеса и вернулся к письму.

«Уважаемый Матвей Данилевский!

Редакция ознакомилась с рукописью вашего романа «Дорога домой».

Как правило, мы не поясняем причины отказов. Но для вас мы решили сделать исключение, так как ваш роман представляет собой огромную художественную ценность.

К сожалению, Ваше произведение не подходит к нам по нескольким причинам:

Во-первых, 357 тысяч слов — это слишком большой объем. Предпочтительным для нас являются произведения объемом от пятидесяти до ста сорока тысяч слов.

Во-вторых, приоритетным в настоящее время являются серии детективных и

фантастических романов «Шаг за шагом» и «Грани невероятного». С удовольствием примем ваши романы, написанные в этих жанрах. Подробности можете узнать на нашем сайте.

Благодарим Вас за сотрудничество».

В нижней части листа был красочный логотип «Кросслинг-пресс», печать издательства, и размашистая подпись редактора. Матвей выронил скомканный конверт на пол. Он вошел в квартиру и, сняв ботинки, подошел к холодильнику. Взяв магнитную бабочку, Матвей прижал ее к стальной двери письмо с отказом. На холодильнике уже висели три десятка таких листов, с логотипами разных издательств. Практически все были распечатаны с компьютера, только «Кросслинг-пресс» работал обыкновенной почтой.

«Будешь тридцать шестым, приятель!» — сказал он, глядя на пополнение своей коллекции.

Матвей сел за стол и включил компьютер. Он порывался написать хотя бы несколько предложений. Но нужные слова не приходили в голову.

«Дорога домой» был восьмым по счету романом и на него начинающий писатель возлагал большие надежды. Из всех были изданы только три, но только «Бесконечный рассвет» имел успех. Трагическая история семейства Ельшинских — принесла ему несколько минут славы и сто тысяч рублей. «Печальная Лира», «Вечная осень» и остальные романы ежемесячно пополняли коллекцию писем с отказами. Матвей просидел, глядя на мигающий курсор, пока не закончилось пиво. Он выключил компьютер и вышел из дома.

Бар «Золотой Дельфин» встретил его мерцающими неоновыми огнями. Он занял место у стойки и заказал кружку пива.

По своему обыкновению наблюдал за людьми, примечая все особенности, которые мог использовать для создания персонажей. В последние месяцы он частенько бывал в этом уютном местечке, оформленном в стиле западных рок-клубов. Количество посещений бара совпадало с количеством отказов, развешанных на двери холодильника. Но Матвей не думал об этом. Последнюю неделю он вынашивал идею нового романа. До этого творческий кляп он не мог вытащить изо рта около месяца — в голову не приходило ни одной дельной мысли. Его осенило, когда у входа в редакцию появился старик с протянутой рукой. После первой встречи с ним Матвей задумался об одиночестве. Его интересовало то, что происходило в душе человека, отчужденным от окружающих. Он уже четко представлял себе этот образ: худой, лысый старик в изношенном свитере, внимательно выбирающий овощи у прилавка, перебирающий корявым пальцем кучу мелочи на дне ладони и торгующийся за каждый рубль с продавцом, не догадывающемся о том, что старику банально хочется простого общения. Матвей чувствовал его запах: это был запах дешевого индийского чая и лапши быстрого приготовления.

Писатель думал о мотивах поступков и среде, в которую можно было бы поместить главного героя.

Бармен переключил с музыкального канала на шестичасовые новости.

— Прибавьте звук, пожалуйста! — крикнул Матвей.

Его однокурсник Виктор Бахманов вел репортаж, стоя на краю обрыва и расхаживая между деревьями.

«...серийный убийца был пойман именно в этом месте. При задержании он не

оказал никакого сопротивления. Михаилу Двинину девяносто два года и он находится в неплохой физической форме. Оперативники и кинологи с собаками преследовали его по этой местности несколько часов. Тогда в тайге было обнаружено могилы двадцати восьми жертв «хозяина тайги», как его прозвали жители близлежащих сел.

Следствие длится три года, но точку ставить еще рано. Пока доказана вина Двинина в трех убийствах. В интересах следствия детали следствия не разглашаются. Виктор Бахманов. Данил Измайлов. Абаканский район Красноярского края».

Репортаж привлек внимание всех посетителей бара.

На экране появилась черно-белая фотография отшельника.

Где-то в глубине мозга Матвея переключился «тумблер». Это было то, что нужно. Древний старик, с длинными до поясницы и седыми волосами, изуродованным лицом и маниакальными припадками станет главным героем его нового романа.

«Тумблер» щелкнул еще раз. Страшная внешность — как причина одиночества. Книга — повествование о том, как человек сходит с ума от одиночества и становится другим. «Неплохо, пожалуй» — подумал он.

Матвей заказал еще пива и сел за один из столиков. В записной книжке появилось несколько строчек. Писатель записал несколько имен, из которых предстояло выбрать наиболее подходящее для главного героя. Матвей где-то читал, что «мама Поттера» Джоанн Роулинг, придумывая названия мячей для игры квиддич, работала именно так. После того, как он начал работать по похожему методу (расписывать содержание будущих глав и места событий) работа значительно облегчилась и ускорилась. «Дорога домой» был написан за двадцать шесть дней после двухнедельной подготовки.

У Матвея был узкий круг людей, которым он рассылал черновик, после нескольких перечиток. Эльза — официантка из «Золотого дельфина». Дамир Лисовский — театральный режиссер, друг детства. Вика — спортивный обозреватель. Все они с нетерпением ждали, когда загорится строчка «Входящие» электронной почты, со словом «Новое» в теме письма. Помимо восьми романов за последние годы этим людям Матвей разослал шесть повестей и четыре десятка рассказов.

Через несколько дней он получал ответные письма. От девушек, как правило, похвалы и восхищения. От Дамира перечень нестыковок и несоответствий. Режиссер мог на нескольких страницах разнести произведение по кирпичику, вынуждая переписывать. Или же написать короткую рецензию, с цитатой мест, где писатель не дотянул или «перегнул палку».

Но «Дорога домой» пришла по вкусу всему «узкому кругу». Даже режиссер написал сообщение всего лишь в одно слово: «Шедевр!». Правда, постскриптумом следовало: «4 глава слишком затянута», но это было не особо важным.

Покойная мать всегда любила повторять: «Результат будет, если получать удовольствие от процесса и не отпускать руки, даже в том случае, когда промежуточный результат нравится только тебе». Он прекрасно помнил это и отказы, развешанные на холодильнике, оказывали на него стимулирующее действие.

Матвей выпил еще три кружки пива. Прижав солонкой к столу купюру в пятьсот рублей, он вышел из бара и, пошатываясь, направился домой.

— Он снова это делает! — соседка сверху, скрученная старостью в дугу Клавдия Петровна, встретила его у лифта.

Ее дрожащий шепот всегда раздражал Матвея. Он с трудом сдержался, чтобы не развернуться и побежать по лестницам. Что там говорят по этому поводу психотерапевты? «Дышите глубже и попробуйте досчитать до десяти»? Бред. Метод, который не работает.

Старушка смотрела на него сквозь толстые линзы очков маленькими испуганными глазками. Она плотно сжала бесцветные губы и подняла вверх крючковатый палец.

— Слышите? Вот опять!

— Клавдия Петровна, кто и что снова делает?

— Этот, который надо мной живет, — («этот» звучало как «ентот») — Диверсант он. — Старушка закивала головой. — Опять закладывает мину. Все крошит и крошит... стенку-то. Я по батарее постучу, а он замирает. Подождет, значит, ирод; как засну, начинает снова.

Открылся лифт и старушка, взяв парня за локоть цепкими пальцами, завела в кабину. Матвей опешил. Клавдия Петровна нажала на кнопку своего этажа. Старушка не отпускала руку парня, словно опасаясь, что он вырвется и сбежит от нее, как только откроются двери лифта.

Клавдия Петровна на миг высунула голову и осмотрела лестничную площадку.

— Никого. Пойдемте, пойдемте! — потащила парня к своей двери. — Во всем подъезде слышно, что он делает. Антихрист!

Старушка долго пыталась попасть ключом в замочную скважину. Трясущиеся руки не позволяли ей этого сделать. Матвей представил себе, как Клавдия Петровна пытается попасть кончиком нитки в ушко иголки и невольно усмехнулся.

— Позвольте мне, — Матвей легонько отстранил старушку и взял у нее ключи.

Они вошли в квартиру. Клавдия Петровна вновь вцепилась в локоть парня и повела его в зал.

— Вон смотрите! — она указала на потолок, — сюда даже не захожу теперь... Вот-вот слышите?

Над Клавдией Петровной жил дед Евдоким — неисправимый пьяница и весельчак, прозванный Пучком за редкую бороду. Но Матвею порой хотелось наброситься и задушить его, каждый раз, когда старик оказывался у его порога и заводил свою излюбленную шарманку: «Извините, что я к вам обращаюсь», чтобы выпросить «сколько не жалко, до пенсии».

Матвей прислушался и чуть не рассмеялся. В трубах журчала вода. Писатель закрыл лицо руками и присел на антикварное кресло.

— Матвей Алексеевич! Вы как журналист, должны провести независимое расследование и вывести на чистую воду этого диверсанта.

Парень встал с кресла, и едва сдержал смешок, услышав забавное «ентого» с ударением на второй слог.

— Клавдия Петровна, можно я воспользуюсь вашим туалетом?

Старушка кивнула ему и, бросив взгляд на потолок, потянулась к микстуре с валерианой. Матвей выкрутил до упора вентили на стояках, полностью открыв напор воды. Потоптавшись с полминуты, он вышел обратно.

— Перестал крошить, ирод проклятый, — старушка трижды перекрестилась.

— Я разберусь с этим, обещаю вам. Я проведу тщательное журналистское расследование...

— И по телевизору покажут ентого? — она снова подняла наверх крючковатый палец.

— Да вы что, нет, конечно! Это же государственный преступник! — Матвей перешел на шепот и приложил указательный палец к губам.

Старушка на секунду закрыла глаза и, сжав губы, кивнула в знак согласия и одобрения.

Сильная усталость и пивные пары валили с ног. Матвей вернулся в квартиру и заснул в кресле у входной двери. На его губах застыла добродушная улыбка.

Матвей не любил вспоминать годы супружества. Воспоминания утягивали в глубокую апатичную меланхолию, каждый раз неизменно перераставшую в депрессию. Он спрятал все, что напоминало об Ане в кладовой. Все, что она не увезла с собой в отчий дом. Это были фотографии в рамках, сувениры, которые они привезли из совместного отдыха из Испании, Таиланда и Китая. Открытки и поделки из бисера, форма для леденцов и коллекция фарфоровых полумесяцев, старые журналы моды и тонкие женские романы в мягком переплете. Среди всего был и вязаный свитер Ани, хранивший ее мягкий и нежный запах, который Матвей также не решился выбросить.

Единственным, пожалуй, напоминанием об Анне, маячившим все время перед глазами, был Фимка. Подаренный на последний день рождения маленький, черный котенок с белой отметиной на груди вырос в прожорливое и беспрестанно мурлыкающее существо. Кот, словно назло, тут и там оставлял маленькие лужицы, от которых исходил далеко не безобидный запах. Для чистюли и педанта Матвея это было испытанием уравновешенности и терпения.

— Ну что, дружище, позвоним ей? — сказал парень, поглаживая спину кота, развалившегося на его коленях. — Ты ведь тоже хочешь ее услышать? Хочешь?

Матвей потрепал кота и потянулся к трубке телефона. Он сомневался с минуту и смотрел на палец, на котором еще совсем недавно сияло кольцо. Узкая полоса осталась не загоревшей.

Он кашлянул, прочистив горло, и набрал номер бывшей жены. После седьмого гудка он услышал приятный, бархатный голос Ани. Первые дни после знакомства и особенно, после развода, Матвей таял от него и терялся. Но сегодня этого не произошло.

— Алло!

Матвей почувствовал, как по его телу пробежала мелкая дрожь.

— Привет, Анечка. Как дела?

— Привет... — Аня ошутимо растерялась от неожиданного звонка.

— Я не помешал тебе?

— Говори, Мати... — Аня осеклась, — Матвей, что тебе нужно?

— Мне нужен... Я ищу Витю Бахманова, у тебя нет его номера? — Матвей слышал плескание воды и представил себе купающуюся в ванной девушку.

— Хм... А зачем тебе номер телефона моего бывшего парня?

Матвея словно ударило током.

— Ты с ним встречалась? Впрочем, это сейчас неважно. Мне необходимо найти его, это необходимо для работы... Долгая история. Ну, ты мне можешь помочь?

— Ммм, секретные журналистские штучки? Подожди минуточку, пока можешь приготовить ручку с бумагой. Сейчас доберусь до записной книжки, — послышался плеск воды и шлепающих по кафелю босых ног.

Матвей зажмурился и покачал головой. Он не мог отогнать навязчивый образ обнаженной жены, листающей записную книжку, прижав трубку к уху изящным плечом.

— ... пишешь? Алло, Матик! — неожиданно вырвалось привычное ласкательное

обращение.

— Да-да, записываю.

Матвей записал номер телефона, после чего возникла неловкая пауза.

— Матик, с тобой все в порядке? Ты какой-то... странный. Ты записал?

— Да, спасибо, ты здорово помогла.

— Ты, правда, позвонил только для того, чтобы узнать номер телефона Виктора?

— На самом деле я хотел услышать твой голос, поговорить с тобой и узнать встречаешься ли ты с Бахманчиком. (Забывтое прозвище однокурсника всплыло в памяти). Ну и придумал глупый предлог.

— О, теперь это больше похоже на правду.

— Слушай, может, мы как-нибудь поужинаем вместе? — сказал Матвей. Он улыбнулся, когда кот взглянул на него, словно был удивлен поведением хозяина.

— Ужин ради ужина? Или ты хочешь сказать мне что-то важное? — Аня легла обратно в ванну, прошелестев шгоркой. — Матвей, мы ведь обсуждали это с тобой. Я думала, что мы поняли друг друга.

— Не хочешь в ресторан, можем погулять по набережной, поесть мороженого в летнем кафе, там снова подадут то ванильное с грушевой стружкой и орехами, которое ты любишь, — в какой-то момент Матвей поверил в успех.

— Извини, Данилевский...

— Наверно, твоим родителям это не понравится. Ну, ладно. Я тебе нечего не говорил. Тебе большой привет от вечноголодного Фимки. Спасибо, что не бросила трубку. До встречи.

Аня никогда не говорила «Пока» или «Удачи». Она непременно говорила «Еще увидимся». Вот и сейчас, она произнесла заветную обнадеживающую фразу и нажала кнопку сброса, оставив Матвея наедине с короткими гудками.

Не вставая с дивана, Матвей набрал номер Виктора Бахманова.

— Да, слушаю, — голос был заспанным.

— Доброе утро, господин Бахманов. Приглашаем Вас на пресс-конференцию генерального прокурора посвященное грандиозному коррупционному скандалу.

— В такое время и так глупо может шутить только несколько людей. Один из них Евгений Петросян в воскресное утро. Голос знакомый до боли как прыщик на заднице, — Виктор рассмеялся.

— Может ваше величество соизволить поднять свою тощую задницу с постели и взглянет на фотографию с выпускного вечера факультета журналистики. Третий справа, во втором ряду.

— Матик!!! Сукин сын... — Виктор воскликнул, словно проснулся не в постели, а в сокровищнице Скрудж Макдака.

— Ты так быстро достал фотографию?

— Да нет, она в рамке стоит на столе.

— Слушай, может, как-нибудь встретимся, мне нужно поговорить с тобой кое о чем. Дело очень важное для меня, хотя предупреждаю заранее, тебе может показаться обратное.

— Если ты по поводу наших отношений с Анной...

— Нет-нет, — перебил Матвей, — это по поводу твоего последнего сюжета по новостям. Это серьезно, и повторюсь, очень важно для меня.

— Интересно, тогда давай встретимся. Когда ты так говоришь, значит, затеваешь что-то

необычное. Давай через три часа в «Золотом дельфине», предполагаю, что тебе до сих пор нравится это местечко. Я прав?

— Именно так, Ну тогда, до встречи?

Попрощавшись, Матвей нажал кнопку сброса, и последние слова были проглочены короткими гудками.

2

Доводчик медленно закрыл за Матвеем входную дверь. Соседка Клавдия Петровна свято верила, что эти приспособления на дверях, не что иное, как одно из изобретения Сатаны, как и банкоматы и турникеты. Вспомнив об этом, Матвей невольно усмехнулся.

Виктор сидел за столиком у окна в самом дальнем углу бара. Перед ним лежала тарелка яичницы, и чашка кофе с легкой дымкой. Журналист подмигнул официантке, уносившей меню и бросил одобрителный взгляд на ее виляющую задницу.

Матвей заметил то, что Виктор значительно изменился с последней их встречи. Худощавое тело стало более вытянутым. Залысины на голове превратилась в лакированную и блестящую плешь. Щеки впали, и на них, был уже не юношеский пушок, а жесткая черная щетина. Журналист как обычно носил рубашку и засучивал до локтя рукава.

Увидев Матвея, Виктор вытер салфеткой рот и встал со стула.

— Привет! Давно ждешь? — Матвей пожал протянутую ладонь.

— Только пришел, решил позавтракать, — Виктор уселся обратно, — так о чем ты хотел поговорить? Слушай, «Бесконечный рассвет» отличное чтиво. Я два раза перечитал. А Нинка, девушка моя, твердит, что по ней кино снимать надо. Старший сын оказался редкостным засранцем... — Виктор покачал головой.

— Я рад, что тебе понравилось...

— Только не «зазвездись» ради Бога, это начало пути. Фундамент заложен хорошо. Когда нам ждать второй книги?

— Я к тебе как раз по этому поводу, сказал Матвей и, вращая головой начал искать официантку.

— Приветик, — Вика подошла со спины, и, поставив перед ним бокал с кока-колой и пиццу, поцеловала в щеку. — Как ты любишь.

— Спасибо, ты чудо, — Матвей улыбнулся и поцеловал в ответ.

— Ух ты, а мне всего лишь пожелали приятного аппетита! — воскликнул Виктор, провожая взглядом девушку и не отрываясь от созерцания ее форм, даже после того как девушка зашла за стойку.

— Мы давние друзья, — сказал Матвей.

— Тоже хочу таких друзей и как можно больше. Ну, выкладывай, что там у тебя?

— Работаю над новой книгой. Собираю материал, так скажем, — Матвей выдержал паузу.

— О чем?

— Об одиночестве, о постепенном сумасшествии. Меня заинтересовал твой репортаж о серийном убийце...

— Тебе нужен прототип, обстановка, типажи?

— Именно. Хочется максимальной реалистичности. Я хотел бы узнать некоторые тонкости, подробности, чтобы использовать в книге, — Матвей надкусил пиццу.

— Запутанная и сложная история. Я уже получил по голове от руководства за этот репортаж, — усмехнулся Виктор.

— За что? По-моему, отличный репортаж, — удивился Матвей.

— Смеешься что ли? Это называется верх непрофессионализма, — пробурчал Виктор, дожевывая последний кусок яичницы, и принимаясь за кофе. — В нашем распоряжении оказалась только жалкая черно-белая фотография из уголовного дела 1938 года. В прокуратуре интервью удалось взять у заместителя какого-то заместителя. К убийце в психиатрическую клинику не пустили. У его палаты круглосуточная охрана. Много интересного рассказал врач, осматривавший старика после работы, это меня и спасло. Зато медика уволили за это с работы. У престарелого убийцы целый букет болячек: псориаз, открытый туберкулез и злокачественная опухоль на пищеводе. И по его словам, рак в такой стадии, что старичок давно должен лежать в могиле и кормить червячков.

— Что прямо так сказал или это у тебя профессиональная болезнь все приукрашивать? — усмехнулся Матвей.

— Ну, примерно так.

— Лоно природы продлило ему жизнь?

— Не знаю. Тот же врач, при разговоре без камеры, сказал мне, что осматривал двух уцелевших из экспедиции. Девушка, ученый-фармацевт и мужчина, геолог. Имена под семью печатями. Вернее настоящие имена. Девушку сняли с дерева, она была в таком состоянии, что отходила пару месяцев в той же клинике, только в палате без решеток на окнах. Геолог работает в одном из вузов Москвы, если постараться, можно его найти, но времени у меня было мало.

— Как им удалось выжить?

— Пожар... Старик сжег дом и спалил два акра леса. На дым прилетели два вертолета МЧС и подобрали парня. Потом нашли и девушку. Старика ловили по тайге четыре дня, согнали милиционеров и солдат со всего края. Без вести пропал старший сержант милиции.

— А откуда этот шрам на лице неизвестно? Эти язвы, ожоги... — Матвей расправился с пиццей и потянулся за салфеткой.

— В 1947 году он сбежал из лагеря. Заключение в тех краях работали на лесоповале, на вредных карьерах или грузили каменный уголь. Там наверно, покалечился. Я хотел довести цикл репортажей до финальной точки в этой истории. Раздобыл адрес одного профессора, друга выжившего геолога. Если хочешь, можешь разыскать этого парня. Еще могу дать телефон номера врача. Хотя, предполагаю, что теперь журналистов он ненавидит больше всего на свете, — Виктор протянул визитку и листок с номером, вырванный из записной книжки. — Теперь это мне без надобности.

* * *

Расплатившись, бывшие однокурсники потянулись к выходу. У самой двери Матвей послал воздушный поцелуй Вике и, получив ответный, вышел в солнечный яркий день.

— Ну, давай, удачи тебе, Матвей Данилевский. Вот, возьми визитку, там мой электронный адресок. Пришлешь мне рукопись? Слышал, издательства не взяли твой последний роман. Его тоже пришли. Я буду ждать, — сказал Виктор и побрел к микроавтобусу с логотипом телекомпании.

Матвей махнул на прощание рукой и побрел к своей машине. Сев в нее, он не спешил трогаться с места. Он закурил сигарету и посмотрел на телефонный номер.

8 916 218 4132 — профессор Маревский Д.Н.

Писатель потеревбил ламинированную бумажку и засунул ее во внутренний карман. Он решил поразмышлять о необходимости поисков дома, расположившись в своем кресле. Сплюнув сигарету, Виктор закрыл окно и повернул ключ зажигания.

«Абонент отключен или находится вне зоны действия сети».

Матвей бросил мобильник на сидение и выехал на проезжую часть.

3

Порой кажется, что врачи психиатрических клиник ходят на своих пациентов. Можно лишь предполагать, что кроится за вкрадчивым голосом, тщательно подобранными словами и простодушной, на первый взгляд, улыбкой.

Главный врач встретил Матвея в вестибюле. На его лице была глупая улыбка, пробуждающая желание стереть ее хорошим апперкотом или хуком слева. Человек, представившийся доктором Шуваловым, пригласил писателя в свой кабинет.

Стены коридоров были выкрашены в голубые, небесные тона. Из дверей, то и дело, выглядывали люди. Некоторые улыбались и махали Матвею рукой.

— Что вас привело к нам? — Спросил Шувалов, предлагая присесть на стул, напротив своего рабочего стола. — Кстати, пока мы не начали разговор... Ваша Екатерина необыкновенно похожа на мою первую жену. А старший сын?... Одно разочарование — как можно так поступить с отцом. Потрясающая история! А какие характеры! «Бесконечный рассвет» с недавнего времени стал моей настольной книги.

— Спасибо, — Матвей смутился.

— Ну, так рассказывайте, милейший Матвей Алексеевич, что вас привело ко мне? — доктор все так же глупо улыбался и часто моргал глазами.

— Я работаю над новой книгой, и собираю рабочий материал...

За дверью послышался шорох. Шувалов медленно встал со стула. На его лице была все та же улыбка. Он резко опустил косяк и распахнул дверь. На пол с шумным грохотом упал высоченный парень.

— Ну, Юрий Николаевич!.. Опять вы за свое? Мы же с вами об этом неоднократно говорили и вы мне даже обещали, что не будете подслушивать. Милейший мой, подслушивать, не хорошо, — доктор помог встать парню на ноги, — идите к себе, вам нужно больше отдыхать.

Парень размашисто кивал головой и улыбался примерно так же, как это делал Шувалов. Из уголка его рта вытекала тонкая слюна, которую он вытер рукавом.

— Я н-не к вам, — он нагнул голову, словно провинившийся ребенок и посмотрел на Матвея, — он п-поговорит с вами... он в-вам все р-расскажет...

— Ну, все, милейший Юрий Николаевич, — доктор вышел из кабинета и прикрыл дверь, — Юлечка! — доктор окликнул проходившую мимо медсестру, проводите,

пожалуйста, Юрия Николаевича в его палату и позаботьтесь, чтобы его никто не тревожил, — он развернулся вернулся за стол. — Итак, мы остановились на том, что вы пишете новую книгу, — он положил руки на стол и скрестил пальцы.

— Да. Я хотел бы встретиться с одним из ваших пациентов и взять у него интервью. Его зовут Прохор Двинин.

Улыбка исчезла с лица доктора, и выражение его лица стало тревожным. Он вновь часто заморгал.

— А почему именно этот пациент? — доктор едва уловимо заикался и заметно растерялся. — У нас есть много людей, чьи судьбы поражают и могут стать основой для неплохого сюжета.

— Мне интересен именно этот пациент, доктор. Вы позволите мне с ним пообщаться?

— Это особый пациент. Он под круглосуточной охраной. Если я дам добро, вас все равно к нему не пустят. Нам запретили давать комментарии прессе, а тем более пускать к нему журналистов. А насколько я знаю, вы еще работаете и в газете. Я ведь прав? При всей моем почтении к вашему таланту, поймите меня правильно, у меня могут быть серьезные неприятности.

— Уверю вас, это исключительно для книги. О моем визите сюда никто не узнает. Поверьте, для меня это очень важно.

— Как я уже говорил, палата охраняется круглосуточно, — последнее слово доктор произнес по слогам, — времена нынче страшные. Люди находятся под сильным воздействием масс-медиа. Как только в прессу просочились первые новости о «хозяине тайги» у него появилось масса подражателей и одновременно, врагов. По краю прокатилась волна поджогов, помните? Есть секты, в которых огонь ассоциируется с адом и возводится в культ. И не мудрено, что Двинин стал воплощением Сатаны. Это еще полбеды. Говоря о врагах. За два года на его жизнь покушались двенадцать раз.

У меня есть одна идея, — доктор заговорщически перешел на шепот, но я смогу устроить встречу при двух условиях.

— Интересно, что это за условия? — спросил Матвей, нащупав в кармане бумажник.

— Ну, во-первых, с собой у вас не будет никаких диктофонов, микрофонов, ни ручки, ни блокнота. Никаких шпионских штучек. Детектор сработает, и вы попадетесь. У вас не будет ничего. У вас будет ровно сорок две минуты. Потом объясню почему. Во-вторых, извиняюсь за наглость, но ничего не могу с собой поделатъ, — на лице доктора вновь появилась глупая улыбка, — я буду одним из первых, кто получит рукопись вашей новой книги.

— Я согласен. Когда? — Матвей почувствовал необыкновенное удовлетворение от первой победы.

— Завтра в восемь утра. Подойдите заблаговременно. К половине седьмого — к началу смены, — доктор встал со стула, давая понять, что разговор закончен, — зайдете со служебного входа.

— Замечательно, большое вам спасибо.

— Пока не за что. Я вас провожу.

Матвей с огромным удовольствием покинул здание клиники. Несмотря на все старания архитекторов, такие здания, как правило, получаются весьма мрачными и уродливыми. От них веет тяжелой энергетикой и холодом. Хотя по-другому и быть не может. Разве может, допустим, хоспис или морг выглядеть как воскресная школа или ночной клуб?

Матвей бросил короткий взгляд на клинику и отправился домой.

Ночью Матвею приснился кошмарный сон. Старик с изуродованным лицом склонился над ним, лежащим в постели. Его цепкие руки вцепились в челюсть и разжали ее. Жесткие седые волосы кололи лицо Матвея. Старик открыл рот, обнажив гнилые и редкие зубы. Из широко раскрытой пасти выползали маленькие белесые насекомые и вываливались наружу. Поток становился плотнее. Вскоре Матвей лежал на движущемся покрывале. Насекомые заползли ему в рот и нос, пробираясь в глубины его парализованного тела.

Липкая паутина кошмара все еще опутывала его разум, когда мужчина, озираясь, провел рукой по простыне и затем закрыл лицо. Стрелки часов показывали половину восьмого. Где-то внизу живота пульсировала артерия.

Матвей прошел на кухню и выпил стакан воды. Кошмар разогнал все остатки желания выспаться. Холодный пол обжигал ноги. Мелкая дрожь мучила тело, напоминая о насекомых из сна.

По телевизору показывали комедию о французских жандармах.

«То, что надо!» — подумал Матвей и устроился в кресле. Луи де Фюнес был подходящей компанией для остатка ночи.

Сон пришел вновь только перед самым рассветом. Повисшая в воздухе рука выронила пульт (локоть держался на поручне кресла). Грохот разбудил Матвея.

Он прошел по комнате, залитой лучами утреннего солнца, и распахнул окна. Свежий воздух потрепал настенный календарь и пролистал журнал на столе. Будильник, одиноко лежавший на полу, должен был зазвонить еще только через полчаса.

Матвей почувствовал во рту вкус свежесваренного кофе и потянулся на кухню. Когда-то это было любимой традицией. Кофе на рассвете после прекрасного утреннего секса (господи, по воскресениям они занимались любовью два, а то и три часа после пробуждения) был больше чем привычкой. Это был своеобразный обряд или ритуал, без которого день был бы напрасным.

Аня надевала его рубашку на голое тело (она смотрелась в них просто великолепно) и выходила на кухню. Прежде чем заваривать кофе, она открывала окна и впускала в их семейное гнездышко утренний ветер, теребивший ее волосы и подол рубашки, делая ее невообразимо очаровательной.

Доктор Шувалов встретил Матвея у служебного входа. Дрожавшие губы и бегавшие глаза выдавали его волнение. Но глупая улыбка не сходила с его лица и казалась вымученной.

— Сорок две минуты он будет под системой, в процедурной палате, — сказал он, и протянул писателю колпак и халат светло-зеленого цвета.

— Я думал, они будут белыми, — проговорил Матвей, переодеваясь в медбрата.

— Помилуйте, Матвей Алексеевич, двадцать первый век за окном, вы же не пекарь и не

хирург. Вы санитар психиатрической клиники.

— Скажите мне, он не опасен?

— Старик с трудом передвигается. Для правдоподобности я дам вам планшетку, не забудьте перед тем, как войти в палату, оставить ее на этажерке, справа от двери. Обычно с рядом ним в процедурной палате находится медсестра, которая наблюдает за тем, чтобы давление и пульс были стабильными. Надеюсь вы не вызовете подозрений. У нас тут часто бывают практиканты и все к ним привыкли, — доктор по-отцовски поправил Матвею воротник. — Ну, все, пойдете! Будьте предельно собраны, и делайте вид, что вы отлично понимаете все, что слышите и все окружающее для вас привычно.

Необыкновенная тишина металась между светло-голубыми стенами широкого коридора. Где-то сталью скрипнула дверь. В одной из палат кто-то разразился диким кашлем. В другой на несколько секунд открыл кран с водой. Матвею показалось, что он слышит, как кто-то стряхивает с рук капли в раковину. Он представил себе, как душевнобольной в больничной пижаме тянется к полотенцу и вытирает влажное лицо и ладони. Звук шаркающих по линолеуму тапочек эхом доносился с отдаленного крыла клиники.

Такие моменты любят «смаковать» голливудские режиссеры в своих готических фильмах ужасов и достаточно давно довели эти сцены в апофеозные штампы. Но в осязаемой реальности гамма противоречивых чувств и эмоций терзают так, что начинает казаться: ни один постановщик не смог глубоко передать это чудовищное напряжение и пьянящий азарт. Череп, наверное, вот-вот лопнет от неустанно пульсирующей в висках крови.

Четыре чашки кофе начали напоминать о себе. Переполненный мочевой пузырь сковывал движения, превращая писателя в беспомощную марионетку физической потребности. Увидев дверь с буквой «М», Матвей едва не воскликнул от радости.

— Подойдете к моему кабинету, и не забудьте надеть маску, когда будете прогуливаться здесь без меня, — негромко произнес доктор и протянул ключи от служебного туалета.

На стене висело огромное зеркало, обрамленное искусно обтесанным деревом. После того как спустил воду, Матвей осмотрел себя с ног до головы и поправил колпак. Что-то было в этой одежде бесчеловечное и жестокое. Он почувствовал себя санитаром, вынужденным усмирять душевнобольных резиновой дубинкой или уколом. Сиюминутное желание скинуть халат и уехать домой было с легкостью подавлено. Матвей закрыл лицо руками и начал глубоко дышать, пытаясь освободиться от напряжения и волнения.

Он отскочил от зеркала и, споткнувшись, упал на холодный пол. С зеркала на него смотрел седовласый старик с обезображенным лицом. Он стоял посередине огромной кучи копошившихся белесых насекомых.

Матвей хотел закричать, но его голос не растекался по воздуху. Парень взглянул на свое отражение. Рот был стянут грубыми черными швами.

Старик начал двигаться к Матвею, опровергая предположение. Писатель попытался встать на ноги, но не мог сдвинуться с места. Короткий взгляд на пол и парня охватил ужас — кисть вросла в плитку, распутив корни-пальцы. Матвей зажмурился, стиснул зубы и попытался выдернуть руку.

Собственный крик привел его в чувство. Осознание того, что пальцы шевелятся, и страшное видение уже отступило, пришло не сразу. Ровная зеркальная гладь, ставшая свидетелем минутного сумасшествия, отражала лежавшего на полу мужчину, с широко раскрытыми глазами и растопыренными пальцами.

Вскочив на ноги, Матвей направился к двери. Перед тем как выйти из туалета, он еще раз посмотрел на зеркало.

Писатель отдышался и отряхнул грязь с халата.

— Где ваша планшетка? — доктор ждал его у своего кабинета.

— Черт... Там в туалете, в зеркале... То есть, я почувствовал себя плохо, и забыл ее там возле раковины. Я схожу за ней, — Матвей хотел развернуться, но доктор взял из его рук ключи и кивнул головой в сторону кабинета.

— Не нужно. Я сам заберу ее позже, вам выдам другую, — доктор буквально втолкнул писателя в кабинет и взглянул ему в глаза. — Вы себя хорошо чувствуете? Может, стоит все отменить?

— Я в норме, доктор. Легкое недомогание... Вчера переутомился на солнце и перебрал с пивом. Со мной все хорошо...

— Вы уверены?

— Абсолютно. Я в норме.

— Ладно, слушайте! Сейчас будете сопровождать меня на обходе. Останетесь с медсестрой у его палаты — я дам вам поручение. Не забудьте, что я вам сказал об этажерке — не забудьте оставить планшетку. Все практиканты носят такие. И старайтесь вести себя естественно. Старайтесь не смотреть на охрану. Запомните, все окружающее вас — привычно до тошноты. Договорились?

Матвей коротко кивнул, и пошел вслед за доктором. На ходу он придвинул маску, прикрыв рот.

— Знаете, — доктор говорил еле слышно, — с тех пор как этот старик появился здесь, мне часто снится один и тот же сон. Мне снится, что я лежу в своей кровати, но рядом нет моей жены. К моей постели подходит этот старик и склоняется надо мной. Я не могу пошевелить ногами или руками. Своими руками он разжимает мою челюсть, открывает свой рот, из которого вываливаются жуки и они... Это ужасно...

7

— Здравствуйте, милейший Юрий Николаевич! — доктор вошел в очередную палату, — как аппетит, как вам спится?

— Х-х-орошо, доктор, — мужчина, накануне пытавшийся подслушать разговор в кабинете, сильно заикался. Он сидел на краю кровати и слегка покачивался. — С-с-сегодня, очень х-х-орошо. Перловка вкусная была. И компот! — пациент захлопал в ладоши.

— Вот и замечательно, милейший, милейший Юрий Николаевич! Старайтесь много не думать. Больше спите. Не читайте много. Принимайте лекарства, которые вам дают медсестры, они очень полезны для вас. Хорошо?

Мужчина оглядел сопровождавших доктора медсестер и санитаров. Узнав Матвея, он рассеянно улыбнулся и подмигнул ему.

— Кислород, ванны... Курс лечения прежний, — проговорил доктор, закрывая тоненькую папочку с паспортной фотографией больного на обложке. — Жалобы, милейший Юрий Николаевич, у вас есть?

Мужчина пожал плечами.

— А-а! Вспомнил! К-кашу д-д-давали б-б-ез масла! Доктор, б-б-ез м-масла б-была! — мужчина старался говорить быстрее, отчего начинал заикаться сильнее.

— Ну, это дело поправимое, голубчик! Обязательно исправим. Так ведь, Никодим Сергеевич? — доктор обратился к одному из мужчин. — В каше обязательно должно быть масло. Так-с, пойдете дальше, господа. Всего хорошего, милейший Юрий Николаевич.

Люди вышли из палаты. Звуки шаркающей обуви эхом разносились по лабиринтам коридоров. Сердце Матвея начала биться баскетбольной чеканкой. Два высоких парня в форме цвета хаки встали с кресел, когда к узкому окошку палаты № 18 подошел обход. Они поочередно взглянули на каждого из подошедших служителей Эскулапа. Один из них взглянул на планшетку Матвея.

«палата № 16 — расстройство психики, рассеянный склероз — кислород, эвкалиптовое масло.

Палата № 17 — шизофрения — кислород, ванны. Каша-Масло!»

Ровный почерк писателя был достаточно мелким и осознанно не разборчив, благодаря крючковатым загогулинам. Ухмыльнувшись, охранник отошел.

Матвей сделал запись: **«Палата № 18».**

— Здесь как обычно. Наш особый пациент. Двести грамм глюкозы, обработка помещения, физраствор и электрофорез. Надечка, Григорий Петрович (доктор взглянул на Матвея) отвезите милей... — доктор осекся, — пациента в процедурную палату. Не забудьте измерить уровень сахара в крови. Так, господа! Пойдемте дальше!

8

Это был один из тех моментов, когда хочется провалиться сквозь землю или испариться. Матвей стоял в процедурной палате рядом с кушеткой старика. Данилевский не знал, куда деть руки, освободившиеся от планшетки.

Медсестра установила капельницу и поправила одеяло. Старик уже был не похож на человека, изображенного на фотографии, показанной по новостям. Голова была обрита наголо. Лицо старика было чрезвычайно бледным и худым. Он лежал на кушетке и глядел в потолок. На вопрос медсестры «Не больно?», старик покачал головой.

Медсестра неожиданно мигнула санитару и вышла из палаты.

— Растерялись? Предполагаю, что вы уже жалеете о том, что решили прийти сюда. Я вас ждал, — старик смотрел на Матвея.

— А откуда вы, и этот пациент... из соседней палаты знали, что... я приду? — опешивший на миг парень с трудом подобрал слова.

— Он подслушал ваш разговор с доктором по параллельному телефону, а потом напел мне. Наши палаты соединены одним нехитрым устройством связи из воска и пластиковых стаканов, только пусть это останется нашим маленьким секретом. Вы предполагали, что за этим кроется что-то мистическое?

— Наверное, да.

— Уверен, доктор, сказал вам, что я охотливо беседую, — старик отвел взгляд обратно на потолок, — так и есть. Я мечтал об этом лет семьдесят. А меня заперли в палату с решетками. Слава Богу, кормят прилично, и радио дают слушать. Это блаженство. Люди изобрели телевизор. Превосходная вещь. Разрешили его смотреть. Мне нравится смотреть фильмы про разведчиков. Про космос. Мне нравятся старые комедии. Они такие смешные.

Раньше газеты читал, но глаза очень плохо видят. Окулист вчера приходил, очки прописал, сказали, сегодня купят. Добрые люди. И доктор добрый. Вы ведь не доктор и не санитар. Что вам нужно?

— Я писатель. Матвей Данилевский. Я хочу написать о вас книгу.

— Вы хотите написать книгу о жестоком серийном убийце? — в голосе старика читалась ирония. Он оскалился в скудной улыбке, обнажив несколько уцелевших, черных зубов.

— Нет, я пишу книгу об одиноком человеке.

— Что вы можете знать об одиночестве? — старик изменился в лице и его голос дрогнул. — Что вы знаете об одиночестве?

— Ничего. Поэтому я и здесь. Вы мне поможете?

— Книги — это хорошо. Неужели вы не могли выбрать другой темы? — старик снова улыбнулся.

— Я не могу писать о том, что мне неинтересно.

— Хорошо. Наверное, вы хороший писатель. Если доктор пустил вас ко мне, значит вы еще и хороший человек, и у вас нет плохих мыслей. У нас мало времени, а я все болтаю, давайте начнем. Что вам интересно узнать?

Матвей поколебался.

— Расскажите мне о своем детстве. — Писатель хотел что-то добавить, но вместо этого повторился, — да, о детстве. Где вы родились, учились?

— Доктор говорит, что если человек совершает плохие поступки, я бы сказал очень плохие поступки, такие как те, что совершил я, то причины такого поведения нужно искать в детстве. Наверно, вы к этому ведете, писатель Матвей Данилевский. Ну, черт с вами, я расскажу. Расскажу, сколько успею, и не только о детстве. У меня есть просьба. Поговорите с доктором, может мне разрешат смотреть футбол?

Я не буду рассказывать слезливую историю своей жизни. Все получилось так... так как получилось. Иногда задумываешься о том, что моя жизнь могла сложиться иначе. Но от этих мыслей становится только тоскливо. Я стараюсь не думать об этом. Пытаюсь не думать вообще ни о чем.

Я родился в Казани. В свидетельстве указан 1914 год. Но думаю, что родился гораздо раньше. Уж очень взрослым был на фотографиях тех лет.

Родители мои были преподавателями в гимназии, и быт наш была весьма скромным. Отец погиб в 1920 году. Мать в тот же год заболела туберкулезом и отправила меня к бабушке в Симбирск. Там я вырос, учился. В сельской школе было интересно, отучился семь классов. Мать я свою больше не видел. Бабка говорила, что она умерла, сразу же, как отправила меня к ней.

На маленькой печке-буржуйке бабушка на сковородке готовила картошку. Я ел ее каждый день и проклинал. Но в тайге забыл этот вкус уже на шестой год и безумно скучал по нему. А теперь здесь он мне опять начинает надоедать.

(Старик откашлялся).

Работал в порту. Разгружал судна с солью. Я, как многие мальчишки тогда, мечтал о далеких странах. Мечтал увидеть занзибарских львов и Килиманджаро. Я хотел стать мореходом, но в речное училище не приняли из-за слабого зрения. Было время перемен, все участвовали в кружках, объединениях, а у нас мальчишек, в голове были свои тараканы.

Потом был завод. Четыре года непрерывного грохота в ушах, несмываемой сажи и бесконечной усталости, от которых хотелось убежать, и по которой я скучаю вот уже семьдесят лет. Мы собирали трактора и жили в бараках. Жизнь была бедноватой, но веселой: комсомол, по пятницам и субботам танцы, Первомай. Я даже девушку умную и добрую встретил — начали строить планы.

Еще я в футбол играл. За заводскую команду. Разумеется, называлась она «Трактор». Даже успел вступить в спортивное общество «Торпедо». Как-то к нам приезжал Старостин. Великолепный человек. А спортсмен великий. Мы слушали, раскрыв рты, когда он на доске рисовал тактические схемы и разъяснял хитрости игры. Потом я встретил его на одном из этапов, на пересылке. Он узнал меня, пожал руку, обнял по-братски. Проговорил «Судьба, судьба» и отошел.

В лагеря попал за стенгазету. К Первомаю мы ее вывесили в клубе. В одной из карикатур кто-то усмотрел намек на Сталина и его страсть к курению трубки. Еще анекдот под ним про лентяев и тунейдцев завода. Всю редколлегию арестовали и таскали на допросы. Они были ежедневными и длились по пять часов. Следователь сидел за столом, пил чай. Ему заносили обед. А я все это время стоял на ногах. После второго допроса икроножные мышцы распухли так, что сапоги пришлось разрезать.

В тюрьме я часто встречал хороших людей. Среди них были известные писатели, артисты, ученые и офицеры Красной Армии. Один бывший парторг для меня сплел лапти. Мы познакомились, после того как он узнал, что я из Казани. Только потом, когда его переслали, я узнал что он известный татарский поэт. Он забыл самодельную тетрадку со

стихами, которую я хранил полжизни. Она сгорела в пожаре, там... в тайге. Я его имени даже не помню. Все звали его Туфан.

На одном из допросов я уже был готов подписать все, что угодно ради избавления от постоянных пыток. Но этого не потребовалось. Суд дал мне семь лет.

В лагере меня уже в первый день чуть не посадили на «перо». Я уронил «чифирбак» на пол. Руки слабые были. За меня тот самый поэт из Казани и заступился. Он пользовался огромным уважением у воров. Пахан, «погоняло» у него было Кадык, только рявкнул, как все разбежались по нарам, и дал мне две недели для поиска новой алюминиевой кружки. С которой меня вновь выручил этот поэт.

Я пришел с новой блестящей кружкой, Кадык кивнул мне головой на табуретку, приглашая присесть. Даже помню, что он мне сказал. «Рассказывай анекдот, за который сюда угодил».

После этого я частенько сидел с ними, чифирил помаленьку. Каждый день рассказывал анекдоты и веселые байки. Так стал «чесным бродягой» со звучным «погонялом» Артист. Зэки подходили ко мне, не только перекинутся парой слов, но и рассказать пару анекдотов. Кадык нашел где-то две тоненькой тетради. Одну для меня, другую — поэту. За ночь коротеньким карандашом написал сборник анекдотов, который начал ходить по рукам. Так я стал лагерной знаменитостью. Все это происходило так сложно. Было опасно держать такую тетрадь. Анекдоты за которые расстреляли сотни людей были собраны в одной тетради, словно дразня арестантскую судьбу. «Шмоны» проводились часто. Но вечно везти не может. Дурмана, зэка у которого нашли тетрадь, расстреляли без суда. Даже вывозить из лагеря не стали. Оформили как «при попытке побега».

Больше я ничего не рассказывал и не писал.

Мы валили лес, потом меня перевели в ткацкие цеха. Работали с пяти утра до восьми вечера. Шили ткань для спецодежды и рукавицы. За голодовки, листовки и поджоги мне прибавили еще пятнадцать лет. В сумме получилось двадцать пять.

В одну из весенних ночей меня разбудил Кадык. Он повел меня в цех. Вокруг бочки на корточках сидели три зэка: Бонька, Грач и Каланча. Они разглядывали маленькую карту в тусклом свете свечки. Мне протянули наполовину полную консервную банку тушенки и кружку с чифирем.

Грач был авторитетным вором, Каланча и Бонька были сопляками, только с малолетки поднявшиеся и, как я полагал, были «ходячими консервными запасами».

Побег мы планировали несколько недель, наблюдая за охраной, записывая время приездов грузовиков и все, что могло нам пригодиться. Нас хватились через пару часов. Казалось, лай доносился со всех сторон. Боньку и Кадыка застрелили, когда мы переплывали реку.

Мы блуждали по тайге четыре дня, и все время выходили к реке. Карта утонула с Кадыком, и я не помнил дорогу. Еды не было. Только корни и шишки. К вечеру четвертого дня, волны прибили к берегу тело Боньки. Я так и не смог забыть этот запах, вкус этого мяса. Каланча поначалу блювал, но позже тоже привык. Впрочем, не будем об этом.

Парень умер на третью неделю. На четвертую нас снова начали искать. А может еще кому-то удалось сбежать. Я спрятался в тесной пещере и некоторое время жил в ней. Тело Каланчи, как Боньки, хоронить не пришлось. Думаю, не нужно пояснять почему.

Кое-как дотянул до лета. Там появились грибы, ягоды. Иногда мне удавалось поймать птицу. Было время, когда долго не ел, и я, как мне казалось, начинал сходить с ума. Я бегал

по тайге в непонятных припадках. Терял сознание от бессилия. Мучился от галлюцинаций. В один из таких дней я нашел в пещере кое-что странное...

Старик схватил Матвея за руку и попытался поднять голову с подушки, но услышав лязганье ключа в замочной скважине, отпрянул назад.

— Оно еще живо! Оно живо и будет убивать! Оно боится гор. И соль!!! Не забудьте! Соль...

2

В процедурную палату вошла медсестра. Она вытащила иглу из руки старика и убрала систему. Люди в форме встали с кресел, помогли выкатить скрипящую коляску со стариком и сопровождали ее до палаты с табличкой «№ 17» на двери.

Сжимая подмышкой планшетку, Матвей направился к кабинету Шувалова.

— Получилось? — доктор вскочил с места, — вы общались с ним? Расскажите мне, пожалуйста!

— Да, мы поговорили. Он рассказывал о своей жизни, мы не касались убийств в тайге. Я не успел расспросить обо всем. Могу я прийти завтра? После этой беседы, я все вам подробно расскажу.

— Полагаю, что можно. Но завтра это будет в последний раз.

— Договорились, доктор, — Матвей снял халат и, сложив его, протянул его доктору.

Секунду писатель поколебался. Он хотел рассказать доктору о ночном кошмаре, но передумав, попрощался и вышел из кабинета.

3

Мозг укладывал по полочкам рассказ старика. Воображение рисовало перед глазами картины прошлого. Напряжение было настолько поглощающим, что костяшки пальцев хрустнули от сильного сжатия руля.

Матвей выехал на набережную и оставил машину на парковке. От реки дул приятный свежий ветер. Спокойная обстановка, чтобы разобраться с мыслями была как нельзя кстати. Матвей купил бутылку кока-колы и устроился на скамейке.

Во внутреннем кармане запиликал телефон.

— Привет! Не отвлекаю? — Виктор жевал, вероятнее всего, это был его любимый хот-дог.

Это была известная вредная привычка журналиста. Матвей представил себе парня, перекусывающего на ходу, и одновременно разговаривающего по телефону.

— Нет, не отвлекаешь. Ты так и не научился сидеть во время принятия пищи?

В трубке послышался звонкий смех.

— Слушай, я узнал настоящие имена выживших. Тебе это еще интересно?

— Да, конечно!

— Пиши, Карина Абдуразакова и Эмиль Аскарров. Как дела-то у тебя?

— Я общался с подозреваемым. Вот теперь сижу на набережной, пью колу и нахожусь под впечатлением, — Матвей прижал телефон плечом к уху и закрыл бутылку.

— Фантастика!.. Как тебе это удалось, черт тебя подери?! — показалось, что от изумления журналист выронил из рук хот-дог.

— Нарядился медбратором. Как ты любил говорить, вступил в сговор с кем надо. И «вуаля», мне доверили поставить клизму серийному убийце и попутно взять интервью.

Виктор поперхнулся.

— Вот сукин сын! — журналист снова засмеялся.

Попрощавшись, Матвей нажал кнопку сброса и засунул телефон обратно.

4

— Извините, пожалуйста! — Матвей стоял рядом у окошка будки охранника.

Толстый мужчина разгадывал кроссворд. Казалось, пуговицы его тесной рубашки вот-вот слетят с петель. Его занятие овладело им так, что он не обратил внимания на писателя.

— Добрый день! — чуть громче произнес Матвей, — я ищу профессора Маревского.

Охранник бросил короткий взгляд на журнал выдачи ключей.

— Аудитория 209. Через двадцать минут последняя лекция в этом семестре, — пробубнил он и вновь прильнул к газете, вписывая в квадраты угаданное слово.

— Спасибо, — Матвей направился к лестнице.

— Как ваша фамилия?! — высунул голову из окошечка.

— Романцев! Олег Иванович! — выкрикнул Матвей имя легендарного тренера московского «Спартака» и, не разворачиваясь, продолжил идти. Довольный охранник скрылся в окошечке словно енот, юркнувший в норку.

Дверь в аудиторию была распахнута. Мужчина в элегантном костюме и изящных очках на переносице сидел за столом и читал. Аудитория утопала в лучах летнего солнца. Между столами, закинутых на ними стульями, сновала уборщица. Услышав шаги, мужчина поднял голову.

— Добрый день! Лекция еще только через двадцать минут, — произнес он и вернулся к чтению.

— Я не студент... Добрый день, профессор. Я по одному важному делу, — Матвей взглянул на уборщицу, намекая на желание поговорить тет-а-тет.

Профессор встал из-за стола. Он оказался очень высоким — на целую голову выше Матвея. Он подошел к двери и, сняв очки, начал протирать их белым платком.

— Чем могу быть вам полезен?

— Я писатель Матвей Данилевский, — парень протянул руку, — я ищу Эмиля Аскарова, мне сказали, что вы можете мне помочь.

Профессор прикусил нижнюю губу.

— Я не общался с ним уже три года. После одного несчастного случая он пропал, и мы даже не созваниваемся, — Маревский отвел глаза.

— После того как на его экспедицию напал маньяк-отшельник?

— Именно. Говорят, последователи маньяка хотели завершить начатое «мессией преисподней» дело, и подожгли дом геолога. Следили за членами его семьи. После этого он переехал и сменил несколько вузов, в которых преподавал. А собственно, чем геолог может помочь писателю?

— Я пишу книгу, основанную на этих событиях, — Матвей почувствовал себя весьма неловко. Он сейчас был не писателем, а вновь, пронырливым журналистом, всюду сующим свой нос.

— Хм, занятно. Интересная тема, — профессор кивнул, — жаль, что я вам нечем не

смог помочь. — Профессор вернулся в аудиторию, на задних рядах которой начали занимать свои места студенты.

Матвей выехал домой. Он был уверен, профессор лгал, когда говорил, что не знает, где сейчас Эмиль Аскарлов. Уверенность в том, что ученые регулярно общаются, возможно, даже вместе пьют водку или смотрят футбол, укрепились. Может даже сегодня вечером, они будут обсуждать визит любопытного журналиста, возмнившего себя неординарным писателем.

Но Матвей всегда чувствовал ложь, особенно вынужденную. Тем более в исполнении людей, делающих это крайне редко и потому не очень удачно. Его бесило, когда собеседник избегал взгляда в глаза.

Искать Карину, чтобы мучить ее глупыми, навязчивыми расспросами ради правдивости и реалистичности повествования, было крайне глупым и жестоким. Матвей уже искренне жалел, что ездил в институт. Но намерение ехать к старику было твердым. Писатель подумал, что неплохо было бы вернуться домой, и поразмышлять над вопросами, которые он завтра задаст старику.

Он уже чувствовал эту искру, грозившую перерасти в грандиозный пожар. Предвкушения удовольствия сильно томило: чашка дымящегося кофе, мягкое кресло за письменным столом и слова. Слова, собирающиеся в предложения и лежащие ровным шрифтом четырнадцатого размера на листе текстового редактора WORD. Это было особое таинство, и как полагал Матвей, о котором знают только те, кто испытывал эти чувства когда-либо.

У подъезда собралось множество людей. В основном, это были жильцы дома. «Наверное, кто-то сбросил из окна домашнее животное» — подумал Матвей. Он подошел к старику Извинителю, стоявшему особняком от толпы. «Диверсант» курил дешевую сигарету без фильтра, выпуская едкий, густой дым.

— Вот и Клавка померла, — произнес он, — шла себе и вдруг упала на ровном месте.

Прорезав толпу, двое мужчин в серых брезентовых халатах, вынесли на носилках тело и погрузили в фургон. Тело с головой было покрыто полотном того же цвета, что и халаты мужчин.

— Болела много, — старик ловко метнул окурок в бетонную урну, — в последнее время совсем плоха стала. Имена забывала, этаж путала, меня не признавала... Памяти не стало. Да и сердце пошаливало.

— А вы откуда знаете? — изумился Матвей.

— Ну как же, — старик удивленно взглянул на писателя. — Сестра моя. Слушай, Би-би-си (старик всех работников СМИ называл только так), одолжи до пенсии на поминки, сколько не жалко?

Матвей грустно улыбнулся и протянул деньги. Он никогда не давал ему на выпивку, но сейчас был особенный случай. Старик в благодарность кивнул и засунул купюру во внешний карман клетчатой рубашки.

— Вот и я остался один. Хотя... Когда и при Клавке один был. Мамка когда слегла, за день до смерти, наказывала ей, чтобы она заботилась обо мне. А получилось наоборот. Несколько лет думала, что я мужик посторонний, с намерениями пошлыми и не подпускала к себе. Да еще и «кляузы» на меня в жилконтору писала.

К старику подошел один из мужчин, несший носилки и протянул планшет с бланком. Он указал жирным пальцем на строчку, на которой нужно было поставить подпись.

Вернув планшетку, старик уселся на низкий металлический забор. Матвей легонько

похлопал Пучка по плечу и направился домой. Он вновь задумался над тем, что чувствуют одинокие люди.

Матвей проснулся на клавиатуре. Перед глазами мелькала заставка режима ожидания. Водопровод строился, наверное, уже в тысячный раз. От легкого толчка мышки на мониторе появилась белизна листа. Он написал достаточно много, прежде чем опустил голову на сложенные руки. Писатель прокрутил два десятка страниц, и, сохранив файл, выключил компьютер.

Остывший кофе приятно смочил горло. Матвей выглянул в окно. Старик сидел на том же месте, но рядом с ним лежал венок. Он сжимал его ленту в руке, глядя куда-то вдаль. Его состояние было похоже на глубокий ступор, чем на простую задумчивость.

Пара физических упражнений стоя посередине комнаты и Матвей почувствовал приток энергии на затекшей спине. Холодная и наполовину полная бутылка водки и стакан с легкостью уместились в кармане куртки. В другом была пачка Winston и зажигалка. Там же оказалась литровая пачка томатного сока.

Матвею сильно нравилась эта куртка. Он не хотел думать об этом, но более сильной причиной этого было то обстоятельство, что он купил ее сам. Без участия Анны, считавшей, что у нее безупречный вкус. Безусловно, в этом она была права. Соответствие последним тенденциям моды при выборе было последним критерием для Матвея. Честно говоря, плевать он хотел на эти тенденции. Куртка была невероятно удобной и теплой, и это было главным.

Матвей надел выцветшую бейсболку, когда-то раздражавшую Анну и вышел из квартиры. В кармане гремел стакан, ударяясь о бутылку.

Старик сидел, также бесцельно глядя в известную только ему точку. Он не обратил внимания на присевшего рядом писателя. Пока Матвей спал за столом, старик успел не только купить венок, но и начисто выбриться. Сменил рубашку (клетчатую на старомодную белую с удлиненными ушками воротника), и причесал волосы. На вид Пучок скинул десяток-другой годков.

Молча, они просидели около двадцати минут. Матвей не решался завести разговор, боясь оказаться некстати.

— Начисли грамм пятьдесят. Не погреть же вышел? Или так и будем сидеть? — Пучок неожиданно оживился и посмотрел на Матвея.

— Прямо здесь?

Старик шумно выдохнул, затем поднял венок.

— Туда, — он направился вглубь двора, к скамейке под ветвями старой липы, закрытой от прохожих Пучок выпил стакан водки и пренебрежительно фыркнул, когда Матвей предложил выпить сока. — Себе плесни, хороша чертовка... не спирт.

Старик разглядывал венок, поглаживая лепестки искусственных цветов, широкую черную ленту. Он едва уловимо покачал головой.

— Книги любила. Прямо мания была. Всю жизнь их собирала. В холодильнике пусто, зато на нем книги до самого потолка. Слушай, Би-би-си, тебе книги не нужны? Я тебе за так отдам, — Пучок впервые за день взглянул в глаза Матвея. — Ты образованный, тебе нужнее. Там много всяких. Даже этот есть... Как его... Хемингуэй! Полное собрание сочинений. Я

подарил ей, когда-то. А мне вся эта макулатура без надобности.

— Даром брать неудобно как-то. С меня еще одна, — Матвей кинул в урну опустевшую бутылку, — я зайду как-нибудь.

— О, точно. Это ты, верно, хорошо придумал, — Старик выпил водки и звонко ударил стакан о скамейку. — Как-то давно, в детстве еще, она принесла домой маленький цветок. Я не знаю, как он называется, и неважно это. Клавка посадила его в горшок, в котором уже росла герань. Она поливала его, смягчала почву под ним. Ухаживала, как могла. Как это умеет девятилетний ребенок.

Она заболела желтухой. Это был пятидесятый... или пятьдесят первый. Я не мог навещать ее, до райцентра было километров сорок, учебу прогуливать мне не разрешили бы даже и для такого дела. Отец рассказывал, что она вся желтая как мать-и-мачеха. Клавка пролежала в больнице около месяца. Ну, мы хотели приятное сделать к ее возвращению. Обои новые поклеили, потолок побелили. С отцом новую кровать ей сколотили. Ну, когда заносили в комнату, нечаянно скинули горшок на пол. Матушка пересадила цветок в маленькое ведерко. Поставила его на подоконник ближе к свету. А он возьми и высохни!.. Клавка вернулась исхудавшим стручком. Глаза ее из орбит вылезли, как будто ей по затылку лопатой дали, щеки впали. Через живот можно было позвоночник пощупать. Как переступила за порог, так сразу к подоконнику бросилась.

Я сидел за маленьким столом и разглядывал картинки в журнале, и старался не смотреть на то, как она рыдает. Не мог смотреть, как вздрагивает маленькое тельце, ставшее похожим на высохший цветок. Потом я хотел ее как-то утешить, поддержать. Крутился возле нее, пытался заговорить. А она улыбалась. Грустно так, улыбалась, а потом уложила цветок в коробку от гуталина и похоронила, — старик сжал губы и расплакался.

6

Матвей вернулся домой к полуночи. Он едва держался на ногах, но имеющих сил было достаточно, чтобы отнести Пучка домой. Старик рухнул на покалеченный временем диван и сразу же захрапел.

За вечер парочка дважды сходила в магазин. За это время Матвей успел раздать автографов дюжине милиционеров и выслушать от них мнения о персонажах «Бесконечного рассвета» и о своих статьях. Каждого он заверил, что шел домой, вместе со стариком, распевавшим песни, и не выйдет за порог, пока не проспится.

В эту ночь навязчивые сны не истязали мозг, и Матвей спокойно проспал до самого утра. Перед тем как заснуть он вспомнил заплаканные глаза старика, удобную куртку и мимолетно подумал о незапертой двери.

Утренний кофе разогнал последние остатки алкогольных паров.

Все валилось из рук, и писатель подумал о том, что начинающийся день еще только готовит свои сюрпризы. Ныла рука, обожженная разлитым кофе. У подъезда его поджидала пчела, обозленная за раздавленный кем-то цветок. Щека заметно опухла за несколько минут. Шнурки одного ботинка оторвались и остались в его ладонях.

Покорно выждав оформления протокола за не пристегнутый ремень, Матвей помчался к больнице. На одном из перекрестков он едва не выехал на красный цвет. Пронизывающий скрежет и заглушенный двигатель вывели из глубокой задумчивости, словно звонкая пощечина. В нос ударил резкий запах жженой резины, от жары казавшийся более приторным.

Проезжавшие мимо водители крутили указательным пальцем у виска. Особо злобные размахивали средним пальцем.

Матвей включил аварийную сигнализацию и откинулся на спинку. Лицо и спина были мокрыми. Потянувшись во внутренний карман за платком, он заметил маленькие зеленые волдыри на запястье. Место, за которое его схватил старик, покрылось твердой и гладкой корочкой. Матвей рассматривал руку, забыв о том, что находится посередине движения.

Сигналы клаксонов привели его в чувство, и писатель завел мотор. О необходимости выключить аварийную сигнализацию он вспомнил только у ворот клиники.

Доктор Шувалов в нарушение всех законов о местах для курения, пускал дым на крыльце, нервно поднося сигарету к губам. Увидев машину Матвея, он двинулся к стоянке.

«Должен быть повод для такого странного поведения», — предположил Матвей.

— Его увезли сегодня под утро, — доктор был сильно взволнован, — приехали, сунули под нос удостоверение, втиснули старика в какой-то скафандр и увезли.

Матвей пожал протянутую руку. Доктор был совсем другим. Он был настолько взволнован, что иногда заикался, как один из его пациентов.

— Кто это был?

— Удостоверения министерства юстиции. Но номера грузовиков были черными...

— Военные?... — Матвей закурил.

— Не знаю. Вчера, кстати, после вашего ухода пришел мужчина. Мы с ним поговорили около получаса. Он сначала просил меня о возможности поговорить со стариком, расспрашивал о вас. После того, как я ему сообщил о невозможности встречи с больным, он словно с цепи сорвался. Начал кричать, предлагал деньги. Потом бросился к его палате, где его скрутила охрана. Я не думаю, что этот человек был из маниакальных последователей Двинина.

— Кем он представился?

— Профессором Маревским. Предполагаю, что он служил в особых войсках или занимается восточными единоборствами. Он разобрался с этими двумя «качками» в два удара, — доктор заметил смятение писателя, вы с ним знакомы?

— Да, довелось пообщаться, — Матвей в три затяжки докурил сигарету, — спасибо, вам за помощь. Надеюсь, это произошло не из-за моего визита. Я поеду.

— Будьте осторожны. И еще... Матвей Алексеевич, если что-нибудь узнаете, пожалуйста, позвоните мне, — доктор протянул визитку.

Писатель кивнул в ответ и взял визитку.

Вырулив из медгородка, Матвей поехал в редакцию. Желание написать заявление переросло в твердое намерение.

— Редактор у себя? — спросил Матвей у секретарши, опешившей от внезапного вторжения в ее владение-приемную.

— Пока еще, не пришел, Матвей Алексеевич. Можете оставить сообщение, я передам.

— Отлично, так и сделаем! — писатель сел за стол. Наспех написав заявление, он согнул лист надвое и протянул его секретарше.

Сюрприз дня ждал его в подъезде дома. Он шарил в карманах, пытаясь найти затерявшиеся ключи. Тупая боль оглушила его и растекалась от затылка. Размякшее тело не устояло на ватных ногах, и Матвей упал на четвереньки. Чьи-то руки удержали его на весу, не дав распластаться на полу. Через секунду писатель погрузился в темноту.

— Ну, давай уже, приходи в себя! Потом поспишь, времени мало, — кто-то легонько бил Матвея по щекам.

Мужской голос показался знакомым. Запах нашатыря вывел писателя из обморочной слабости и головокружения. Руки были связаны за спинкой стула. Запястье ныло еще сильнее, словно по чувствительной корочке провели наждачной бумагой. Попытка вытащить руку из петли обернулась сильным кровотечением.

— Ну, зачем же так? Сидите смирно, я не задержу вас. У меня есть несколько вопросов и мне нужны правдивые ответы, — мужчина снял повязку с головы Матвея и обвязал ей запястье. Писатель открыл слипшиеся глаза. Маревский сидел напротив.

— Что вам нужно от меня?

— Вопросу буду задавать я. Договорились? — профессор проверил веревку на запястьях Матвея. — Для начала, расскажи мне, почему этот дохляк следил за тобой? — профессор кивнул куда-то в сторону.

На полу между креслом и диваном без сознания лежал связанный Виктор.

— Я не знаю.

— Хм, ладно. Я вижу, вы общались со стариком? — Маревский осматривал больную руку писателя. — Зачем вы искали Эмиля Аскаророва? Вы сектант?

— Я писатель. Пишу книги. Собираю рабочий материал. И только.

— Ты думаешь, я поверю в это дерьмо?! Не надо вынуждать меня применять силу! Допустим, ты не врешь. Это тогда кто?

Виктор начал приходить в себя.

— Он журналист и готовил репортаж о старике, — Матвей почувствовал зуд в запястье. Он придвинулся к спинке, чтобы ослабить натугу.

— Сладкая вы парочка, ребята, — Маревский перелистал документы писателя.

— Интересно, вам это зачем?

— Дело в том, что Эмиль Аскароров это я и мне нужен этот старик.

— И зачем же он вам? — Виктор пришел в себя и присел, оперившись спиной о стену.

— Кто у нас проснулся... — профессор разрезал веревки на запястьях Матвея, — я думаю, теперь он и тебе нужен.

Рука Матвея была покрыта зеленой корочкой от тыльной стороны ладони до локтя.

— Нам потребовалось много времени, чтобы забыть этот кошмар, — Маревский — Аскароров достал из аптечки микстуру с какой-то мазью и обильно обтер ей руку писателя. — Куча параноиков и психопатов перестали преследовать нашу семью когда мы сменили несколько квартир и фамилии. Два года назад у меня родилась дочь. Все было замечательно. Семья, отличная работа, почти достроенный загородный дом. Недавно у моей дочери появились язвы на коже. Мы думали это псориаз или что-то в этом роде. Но когда язвы начали принимать зеленый цвет, я чуть не сошел с ума. Я полагаю, что только старик знает как избавиться от этой болезни.

— Господи, — Матвей перевязал руку, и сквозь бинты смотрел, как взбухшие как мизинец вены пульсировали верх — вниз, верх — вниз. — Слушай, Виктор...

— Я все объясню, Матик! Только без эмоций, ладно? Я был уверен, что тебе удастся встретиться с ним, а также разыскать... — Виктор покосился на Эмиля. — Я хотел доработать с этой историей.

— Ладно... Замяли. — Матвей встал со стула. — Что будем делать? Его забрали военные, а может и не военные.

— Его забрали ученые из министерства обороны для изучения. Вернее, для изучения твари, которую ему удалось приручить. Сомневаюсь, что вы мне поверите на слово. Это надо видеть.

Эмиль сел на табуретку в коридоре и принялся зашнуровывать ботинки.

— Оно похоже на какого-то зверя? Скажем, огромного волка или может это крыса-мутант? — предположил Матвей.

— Он приручил неизвестное науке аномальное существо. Я не знаю, есть ли у него плоть. Но эта тварь убивало раньше, разделалась с четырьмя членами экспедиции, и я уверен, убивает до сих пор. Я долгое время мечтал отомстить отшельнику. После того как его поймали, я изучил его медицинскую карту, воспользовавшись связями в министерстве. У него ампутированы указательные и большие пальцы обеих рук. Вместо одной ноги деревянный самодельный протез, неизвестным образом вросший в кость. Старик — ходячий мертвец, который давно должен кормить в могиле червей. Это существо каким-то образом продлило его жизнь, — Эмиль надел куртку, и потянулся к выходу.

— И все же, что оно собой представляет? — спросил Матвей.

— Кипящая лава зеленого цвета, обладающая интеллектом. Питается мягкими тканями млекопитающих и земноводных. Я хочу найти старика и выяснить, как избавить мою дочь от кожной болезни. — Эмиль взглянул на руку Матвея, — думаю, ты отправишься со мной? Я подожду в машине. Кстати, пока ты был без сознания, к твоему соседу приезжала «скорая». Умер какой-то старик.

Эмиль вышел из квартиры, и, спустившись по лестнице, направился к машине. Черный «Шевроле» дожидался хозяина на стоянке бара «Золотой дельфин».

— Ты только подумай, Матвей! — Виктор бежал за Матвеем и старался говорить быстро. — Это будет величайшее открытие в биологии. Я смогу поставить точку в этой истории. О вас узнают все.

Матвей резко развернулся, едва не поскользнувшись на натертом полу. Он засучил рукав и согнул в локте руку.

— Мне поможет только величайшее открытие в медицине или этот старик. А ты говоришь мне о каком-то репортаже!

Виктор рассматривал пульсирующую зелеными язвами руку, пока Матвей не одернул ее.

Писатель сел на переднее сидение и пристегнул ремень. Послышался мягкий рев двигателя. И прежде чем машина тронулась, хлопнув дверью, на заднее сидение «заскочил» Виктор.

— Я поеду с вами! — твердо выговорил он.

Ответа он не дождался. «Шевроле» выехал из стоянки и влился в густой поток автомобилей, направлявшихся в центр города.

— С чего начнем? — Виктор уперся локтями в спинки сидений и посмотрел сначала на Эмиля, затем на Матвея.

— Мы начнем с того, засунем тебе в рот кляп и закинем тебя в багажник. Споешь нам пару веселых песен, как в рекламе шоколадного батончика, — Эмиль бросил раздраженный взгляд на Виктора. Журналист покраснел до корней волос и откинулся на спинку. Даже сквозь шум мотора был слышен его глубокий выдох.

— Где нам его искать? — спросил Матвей.

— В министерстве обороны служит мой школьный друг. При удачном стечении обстоятельств и везении есть вероятность узнать, куда его увезли.

— Везде есть связи. Просто VIP-персона какая-то, — язвительно отметил Виктор отчужденно глядя в окно, как это обычно делает обидевшийся человек.

— А у кого-то их нет, и справится с должностными обязанностями уже в тягость. Да к тому же шпион из тебя никакой, — парировал Эмиль. — Заедем на минутку в одно место. А потом обдумаем план действий.

Троица сидела в вестибюле Центра кожных заболеваний на узеньких скамейках. Виктор сидел, задумчиво глядя на людей в очереди у гардероба, на женщину, суетливо выкладывавшую халаты и бахилы на стойку. Все трое, иногда, (почти синхронно) поглядывали на настенные часы, ожидая окончание тихого часа.

Эмиль сжимал пакет с фруктами и соком. Поверх всего лежала кукла. Профессор судорожно сжимал ручки, словно боясь выронить содержимое. Его взгляд был устремлен на затылок медсестры, усердно заполнявшей какие-то бланки. Он терпеливо ждал, что она поднимет голову и кивнет головой, сообщая, что часы посещения начались.

— Знаете, о чем я подумал на днях? Просто подумал... Наивная аллегория, конечно. Вы когда-нибудь видели в игровых салонах автомат с маленькими монстрами? Суть в том, что нужно максимально быстро ударить молотком по выскочившему из отверстия монстру. Так вот, мне кажется, что жизнь походит на этот аттракцион и мы похожи на этих бедняг, показывающих голову из отверстия. Только ты поднимаешь голову, начинаешь жить, ощущаешь свет и радость, и получаешь молотком. После удара ты вынужден снова склонить голову. Иногда кажется, что мы беспомощные марионетки, ведомые безжалостным кукловодом.

— Я тоже задумывался об этом. — Виктор оживился, — только мне кажется удачным сравнение с пробками от шампанского.

— С пробками? — изумился Эмиль.

— Именно. Все мы пробки. Деревянные пробки. Какие-то от дорогого, элитного шампанского, другие от дешевого напитка, по восемьдесят рублей за бутылку. Но все они плавают по волнам. Иногда их настигает шторм. Все они с нетерпением ждут штиля. Некоторая часть разбухает и идет ко дну.

— Интересная аллегория, — проговорил Матвей, — слушай, Виктор, а старик дотронулся до твоей дочери?

— Нет. Моя будущая жена была членом той экспедиции...

— Так вы женаты на Карине Абдуразаковой? — Виктор отвлекся от наблюдения за движением у гардероба.

— Да... Она говорила, что возможно заразилась этим, когда возилась с образцами неизвестных ранее грибов. В ладонь попала заноза. Она гноилась очень долго, но потом рана зажила. Когда дочери было несколько месяцев, на ее коже появилась зеленая сыпь. Правда она прогрессирует не так, как твоя язва.

Матвей расстегнул пуговицу манжеты и взглянул на руку. Язва обрела темно-зеленый цвет и местами покрылась черными пятнами.

Перед ним возник образ Ани. Она улыбалась и смотрела на него грустными глазами. Матвей очень хотел, чтобы она оказалась сейчас рядом. Он без труда вспомнил ее запах. Он очень любил нежный, сладкий аромат ее духов «Midsummer», запах ее волос, масляных красок. Матвей закрыл глаза и вспоминал, как она танцевала в гостиной, накинув на себя лишь его шелковую рубашку, через ткань которой угадывались очертания ее упругих, тяжелых грудей и плавные изгибы бедер.

Матвей любил Аню, чем раздражал ее отца. Первое время после развода, он оставлял сообщения на ее автоответчике. Вероятность того, что их прослушивал и стирал этот старый пердун, была велика. Но он старался не думать об этом. И верил, что одно из двух десятков сообщений дошло до нее.

Больше книг на сайте - Knigoed.net

Ревность грызла его самолюбие. В какой-то момент он поймал себя на мысли, что хочет наброситься на Виктора и молотить кулаками это лицо, пока с него не пропадет эта злорадная улыбка. Он не мог смотреть на него, боясь, что позыв ярости возьмет вверх. Ему становилось мерзко от той мысли, что это проныра со сверкающей плешью целовал, возможно, и спал с Аней.

— Пора, — проговорил Эмиль, — поднимешься со мной? На третьем этаже есть аптека, купишь бальзамы, антибиотики. Скоро начнет мучить зуд и чесотка. Это из-за того, что воспаление сужает поры, и кожа не может дышать. Я уверен у старика есть какой-то секрет. Прожил же он как то полвека. Следовательно, есть панацея.

— Хотелось бы вы это верить, — проговорил Матвей. Корка на его руке действительно начала мучительно зудеть. Он расчесывал ее, собирая под ногтями пласты отмершей кожи.

Мужчины поднялись на третий этаж. Эмиль протянул Матвею согнутый вдвое лист бумаги, исписанный неразборчивым врачом почерком, и побрел по коридору. Профессор остановился у палаты в конце коридора, и замер, глядя в окно. Жалюзи были подняты — лучи летнего солнца вливались в коридор.

Матвей зашел в тесную аптеку, распахнув стеклянную дверь. Звон маленького колокольчика заставил его вздрогнуть. Подойдя к стойке, Данилевский протянул в окошко рецепт. Аптекарь, молча, сложил в пакет микстуры и мази. Он изумленно осмотрел Матвея. Поправив очки на переносице, аптекарь облизнул верхнюю губу.

— Какие-то проблемы? — спросил Матвей.

— Нет... Извините меня... Просто вы набрали так много сильнодействующих и дорогих средств... Ни один и пациентов этой клиники за семь лет моей работы здесь не набирали так много. — Аптекарь, долговязый мужчина лет сорока, с сединой на висках, рассеяно

покачал головой.

— Значит, все так плохо... — обреченно произнес Матвей и направился к Эмилю, неподвижно стоявшему у окна.

Профессор сжал челюсти, поигрывая желваками. В палате под белоснежными простынями спала белокурая девочка лет трех. Из палаты вышла медсестра и поздоровалась с мужчинами. Эмиль протянул ей пакет.

— Ваша супруга отлучилась на минутку и попросила меня присмотреть, — сказала она.

Эмиль кивнул и направился к пожарному выходу. Дверь была не заперта. Мужчины спустились вниз на два пролета, прежде чем увидели Карину. Она сидела на широком подоконнике, у распахнутого окна, обхватив колени руками. Между ее пальцами мелькала тоненькая сигарета. Фильтр опоясывал след от помады. Увидев Эмиля, она затушила сигарету и бросилась в объятия мужа.

— Когда-нибудь они поймают тебя... Привет, родная... — Эмиль обхватил жену могучими руками.

— Ей стало легче. Жар спал и она, наконец, заснула. — Карина припала к широкой груди Эмиля.

— Замечательно, это — хорошая новость. — На лице Эмиля появилась улыбка. — Познакомься, это Матвей Данилевский, пронырливый журналист, пострадавший из-за своей любопытности. Матвей — это моя супруга — Карина.

— Мне нравятся ваши произведения. Жаль, что мы познакомились по такому печальному поводу, — ответила Карина. В ее глазах читались усталость и бессилие. Она улыбалась также печально, как и Эмиль. Даже со следами бессонных ночей на лице, заплаканными глазами она была необыкновенно красивой.

— Старика увезли. Мы отправимся за ним. Вот возьми, — Эмиль протянул супруге внушительную пачку денег и пластырь от курения. — Я не знаю, надолго ли это. Звонить буду сам. Я обязательно его найду.

— Будь осторожен, — Карина потеревала его волосы и поцеловала.

Матвей оставил семейную пару наедине и спустился к Виктору. Журналист сидел на скамье, поедая мороженое. Он разглядывал плакаты, которыми были завешаны все стены коридоров клиники. Матвею не хотелось общаться с Виктором и он вышел на улицу.

3

— Если его присутствие неприятно тебе, мы можем от него избавиться. Это будет несложно, — Эмиль незаметно подошел к Матвею и положил руку на его плечо. — Мне он совсем не нравится.

— Ты о чем? — писатель попытался сделать лицо неосведомленного человека.

— Я же вижу, что он раздражает тебя. Если хочешь, мы выбросим его за борт. Похоже, что господь вознаградил его замечательными родителями — он же как-то выучился, но всевышний явно обделил его мозгами.

В дверях показалась фигура Виктора. Расчехленный фотоаппарат висел на его груди. Ловко метнув палочку от мороженого в урну, он направился к мужчинам.

— Мне все равно, — проговорил Матвей.

— Ну, куда теперь поедем? — спросил журналист, поправляя волосы.

— Подождите меня в машине, — Эмиль снял свой «Форд» с сигнализации. Хэтчбек

мигнул фарами и габаритами, затем поднял фиксаторы на дверях. — Мне нужно сделать пару звонков.

Профессор достал из бардачка таксофонную карту и направился к телефону-автомату. Зайдя в кабинку, он набрал номер и отвернулся, словно боясь, что сказанное им будет прочитано по губам.

Матвей не спешил усаживаться в машину. Он избегал гнетущей тишины и молчания.

— Знаешь, я хотел кое-что сказать тебе еще тогда, в баре, — Виктор подошел к Матвею и встал рядом с ним, оперившись о машину. Журналист снял с груди фотоаппарат и положил его на сидение сквозь открытое окно. Он неспешно закурил и выдержал недолгую паузу, подбирая слова. — Через месяц после вашего развода Аня позвонила мне. Я пригласил ее в кино, потом мы гуляли по набережной. Она все время рассказывала о тебе, показывала ваши любимые места. Мы встречались пару недель. За это время мне удалось всего лишь раз поцеловать ее. Всякий раз она отстранялась от меня. Говорила, что ей нужно какое-то время. Ее отец — чертов маразматик, рад был нашим отношениям. Выглядело это так ужасно с его стороны, словно он хотел скрестить сучку славной породы с каким-нибудь французским догом с безупречной родословной. Ей было со мной скучно. Она тосковала по тебе, и я принял решение. Не скажу, что оно далось мне сложно. Мы разбежались так же легко, как и сошлись. Хотя вряд ли это слово уместно сейчас. Мне кажется, что она все еще любит тебя.

Матвей взял из рук Виктора пачку сигарет и зажигалку. Писатель закурил, но первая затяжка превратилась в долгий кашель. Придя в себя, он вновь оперся о борт машины и взглянул на телефонную будку — Эмиль все еще разговаривал, переминаясь с одной ноги на другую.

— Когда кажется, крестится нужно, — Матвей выпустил струю густого дыма, — это определенно хорошая новость. Когда все это закончится, мне стоит серьезно поговорить с ней и еще серьезнее, с ее отцом.

— Тебе стоило сделать это гораздо раньше, но думаю, и сейчас еще не поздно. Еще долгое время будет не поздно.

— Надеюсь, я не опоздаю.

Эмиль вернулся через полчаса. Спешно открыв дверь, он уселся и опустошил содержимое бардачка. В хаосе различных канцтоваров, компакт-дисков и инструментов, он нашел две визитницы. Желанное нашлось не так быстро как хотелось. Затертая таксофон карта лежала в одном кармане с визиткой салона красоты. Удовлетворенно выдохнув, Эмиль выскочил из машины и побежал к телефонной будке. Бесцеремонно вытолкнув подростка из кабинки, он вновь набрал номер.

— Не наговорился, наверное, — проговорил Виктор.

— Если был бы пустяковый разговор, звонил бы с мобильного телефона. Значит, что-то важное для нашего мероприятия. — Матвей сложил «хаос» обратно в бардачок.

Эмиль вернулся через пятнадцать минут. На его лице читалась злоба. Он пристегнул ремень и передвинул рычаг коробки передач в нейтральное положение.

— Они увезли его обратно, — Эмиль нервно завел машину, — ставят опыты, изучают.

— Увезли обратно... — эхом повторил Виктор. — Да-а-а, задача усложняется. Ты выяснял это полчаса?

— У школьного друга есть приятель, у которого есть знакомый генерал, который все нам рассказал. Нужно достать два билета на гостевой матч ЦСКА с Астон Виллой. На VIP трибуну.

— И ты можешь достать такой билет? — усмехнулся Матвей.

— У моего друга есть хороший друг, у которого тоже есть друг, который работает в футбольном союзе. Он с легкостью может достать мне любой билет.

Мужчины рассмеялись.

— Слушай, у тебя столько друзей. У тебя наверно записных книжек в четыре тома, — подшутил Виктор.

— Я отправлюсь налегке, если хотите, можем заехать за вашими вещами. Я заказал три билета на самолет до Красноярска, — Эмиль припарковал машину на стоянке у супермаркета, — хотя я бы порекомендовал прикупить все здесь. Попасть в пробку не лучшая перспектива. Время — на вес золота.

Интерлюдия 4

Почему ты стоишь?

Почему ты стоишь???

Отчаянный крик из далекого, забыто прошлого. Крик помощи, преследовавший с самого детства. Виктор не мог вспомнить ничего, что могло бы стать причиной ночных кошмаров. Визит к льстивому психотерапевту, называвшему всех не иначе как «милейший» и «голубчик» расставил все по местам.

Почему ты стоишь? Помоги мне!

То, что было забыто, подавлено в памяти, всплыло при сеансе гипноза. Виктор тысячу раз переслушивал запись. Иногда ему хотелось плакать, но слезы не накатывали на глаза.

Сначала он вспомнил этот запах. Запах подъезда, состоявший из вони канализации, гниющего картофеля в деревянных ящиках. Когда-то такие сундуки украшали лестничные клетки практически каждой парадной. Увесистые замки на них напоминали об амбарах гоголевского Плюшкина.

В этом коктейле «ароматов» угадывался запах свежих газет, хлорки и кошачьей еды.

Позже он вспомнил настольную игру. Металлические хоккеисты раскатывали шайбу по льду из фанеры. Глухие стуки — шайба ударялась о пластмассовые бортики. Она остается в игре и «шоу продолжается». Вокруг импровизированного стадиона — плотное кольцо детворы, активно поддерживающие «кричалками» игроков.

Кто-то, усевшись на деревянном сундуке, наблюдал за происходящим с высоты. Звонкий мальчишеский голос комментировал матч, подражая в возгласах телевизионным комментаторам.

Кого-то из детворы позвал обедать женский голос. Маленький мальчик поднялся с тренерского мостика и убежал вниз по лестницам. Его место занял другой. Внезапно на этаже раскрылись створки лифта. Шум и крики стихли на секунду и возродились с новой силой.

Светловолосый мальчик лет семи с другой стороны ледовой коробки умело вращал и водит фигурками хоккеистов. Воспользовавшись коварным отскоком от изгиба борта, он вогнал шайбу в ворота и вскинул руки в победной радости. Затем протянул ладонь для рукопожатия.

Турнир по олимпийской системе закончен, победитель выявлен. Толпа расходится. Светловолосый мальчик заносит игру домой и выносит пару яблок, одно из которых,

протерев о подол рубашки, протягивает маленькому Вите.

— Димка, долго не гуляй! Смеркается уже. — Пожилая женщина на секунду высунула голову из двери.

— Хорошо, бабушка! Мы ненадолго! — Мальчик подождал, пока дверь закроется. — У моей тети кошка разродилась вчера. Четыре котенка с ладошку. Маленькие такие. Сбегаем посмотреть?

— Конечно!

Виктор словно слышит свой детский (писклявый?) голос.

Они выбежали из двора и побежали в соседний микрорайон. Перепрыгивая через низкие ограды и клумбы, они добежали до дома, в котором жила тетя Димы. Вечерний ветер приятно обдувал холодком вспотевшие тела.

— Стоять-бояться! Какая джаз-банда... Ну-ка, ну-ка! — Долговязый парень лет четырнадцати встал со скамейки. — Куда летим? Чего не здороваемся? Разбогатели что-ли?

— Извините... — оробевший Дима протянул руку.

— Чего тянешься, щенок? — Долговязый отвесил Диме звонкую пощечину. Где-то в темноте раздались смешки. Из подъезда вышли еще трое. Двоих Витя знал — они учились в его школе. Долговязый ловким движением выхватил у одного из них бутылку пива.

— Ну что? Может пивка? — он поднес горлышко к носу Вити.

— О! Так это же хоккеист! — один из подростков обнял Диму и отвел в сторону. — Ты мне обещал подарить свой настольный хоккей. Помнишь? Когда принесешь? М?

— Я нечего не обещал. — Тихий голос Димы дрожал. Очередная пощечина вызвала гулкое ржание и аплодисменты. Едва удержавший равновесие Дима выставил вперед руку, словно отдающий честь пионер, опасаясь возможного удара.

— Ой, да ты испугался что-ли? Да ну ты брось! Мы же друзья?! — Крикнул Долговязый в лицо Димы и словно нечаянно выронил бутылку пива.

— А есть что ли деньги? Нам много не надо. Рублей сто, двести, триста? — один из парней, прыщавый с кривыми зубами схватил Витю за воротник.

— Нет... И если бы и было...

Резкий удар раскрыл нос. Витю упал на землю.

Дима вырвался из цепкого захвата и ударил прыщавого в пах. Стоявший рядом парень получил аналогичный удар. Оба рухнули рядом с Витей. Опешивший Долговязый стоял в безумном оцепенении, словно не зная, прятать ему пах от коварного удара или бежать.

Из подъезда выскочил еще один и с разбегу ударил Диму в грудь. Долговязый пришел в себя и несколько раз пнул Диму в живот.

— Этого не трогай, у него брат из этих... из Мирчинских, — «новенький» кивнул на Витю, севшего на бордюр. Остальные сворой накинулись на Диму.

Почему ты стоишь???

Стоишь???

Помогите!

Сквозь пелену боли Витя слышал свой голос.

Голос хотел, чтобы он встал и бросился в гущу событий.

Долговязый положил ногу Димы на бордюр, и прыгнул на нее. Послышался хруст. Но крика боли не последовало — мальчик лежал без сознания.

— Бежим! Сейчас народ соберется! — Прыщавый отошел от неподвижного тела.

— Что творите, сволочи!!! Ах, я вам сейчас! — остервенелый крик одного из жильцов

заставил всех броситься врассыпную.

Через минуту подъехал «УАЗ», с мигающими сиренами. Из машины выскочили трое мужчин и побежали вдогонку подросткам. Через несколько минут подъехала карета «скорой» помощи.

* * *

Переезд прошел быстро. Десяток родственников и друзей отца загрузили фургон за пару часов. Витя сбегал в соседний подъезд и несколько минут стоял, нажимая на кнопку звонка. Металлическую дверь никто не открывал.

В почтовом ящике лежали телефонные счета и газеты за несколько дней.

Мама говорила, что Диму выписали еще неделю назад. Отец Долговязого работал в прокуратуре, и следствие остановилось, даже и не начавшись. Бабушка и мать, очевидно, приняли решение на время перебраться в деревню под Липецком, где у Димы жила тетка.

Почему ты стоишь?

Почему ты стоишь?

Мог ли он что-то сделать против шестерых — Виктор не знал. Но то, что он не сделал абсолютно ничего, удручало его. Обида от своей беспомощности поглотила так, что не получалось даже заплакать. Особенно после того как участковый врач рассказал о том, что Диму увезли на лечение в Москву.

Москва встретила семью известного адвоката весьма радушно. Новых друзей Витя нашел очень быстро. Один из них подарил Вите настольный хоккей. Все фигурки блестели лаком. Фанера — «лед» пахла краской. Никто не мог понять, почему мальчик спрятал игру под кровать и не доставал её.

Воспоминания обрастали новыми деталями. Гнетущее чувство вины вернулось.

Распуская по ветру магнитную ленту, аудиокассета вылетела из окна и разбилась об асфальт за две недели до звонка Матвея.

5

— Соки, чай, подушку? — голос обаятельной стюардессы вытянул Виктора из воспоминаний.

— Да, будьте добры, водки с апельсиновым соком. Со льдом, если можно, — проговорил журналист и снова закрыл глаза.

— Хорошо, сейчас принесу, — девушка удалилась.

Виктор вытянул ноги, затем размял шею. Рядом сидел Эмиль. Геолог рассматривал топографическую карту, изредка нанося на нее цветными и остро заточенными карандашами галочки или кружки.

Матвей спал, во сне расчесывая больную руку. Сквозь плотный слой бинта сочилась кровь. Виктор обмотал ее полотенцем и поправил подушку под головой писателя.

— Что будем делать по прилету? — спросил Виктор.

— Возьмем напрокат машину. Заедем в одно местечко прикупим кое-чего, — Эмиль показал большой и указательный пальцы, изобразив пистолет, — и отправимся на поиски. Я знаю, что у тебя есть видеокамера и ты снимаешь все подряд. Единственная просьба. Даже

условие. Не снимай людей, которые будут нам помогать. Все они рискуют своей работой, карьерой, репутацией. Договорились?

Виктор утвердительно кивнул. Затем выдохнул, словно генерал, которому доложили о потерях.

Стюардесса поставила перед ним два стакана, с водкой и соком, тарелку с тонко нарезанными ломтиками лимона. Опустошив стаканы, журналист откинулся на спинку и через минуту заснул.

6

Мобильник Матвея зазвонил, когда троица вышла из терминала аэропорта. Рука онемела до самого плеча. Он еле мог пошевелить пальцами. Чтобы достать телефон из внутреннего левого кармана, пришлось скинуть куртку и попросить помощи у Виктора.

Прочитав имя звонившего человека, Матвей на миг опешил. Он отошел немного в сторону и нажал кнопку «Ответить».

— Привет, Матик... — голос Ани был взволнованным. — Мне нужно с тобой срочно поговорить. Ты можешь ко мне приехать?

— Солнышко, я сейчас в Красноярске. Примчусь к тебе, как только прилечу обратно в Москву.

— Матик... — возникла недолгая пауза, давшая возможность услышать неровное дыхание Ани. — Я хочу, чтобы ты знал: я очень люблю тебя, и буду любить.

Она заплакала. Матвей растерялся, но тут же подобрал нужные слова.

— Я тебя тоже очень люблю. Я вернусь и украду тебя. И никому тебя не отдам. А пока расскажи мне, что случилось?

— Похищать меня не нужно, — Аня едва уловимо усмехнулась. — Я несколько раз пыталась поговорить с родителями о нас. Я поссорилась с отцом. Я люблю тебя, Матик! Умоляю только, не слова о его деньгах. Мне плевать на его наследство. Мне нечего не нужно. Я хочу быть твоей женой и все...

— Я тебя очень люблю, и сделаю все, чтобы ты не пожалела об этом решении. — Матвей сел в такси, в котором его уже ждали Эмиль и Виктор. — Где ты сейчас?

— На нашем месте. Скамейка на набережной. Помнишь ее?

— Конечно, солнышко, я бывал там каждый день и вспоминал о тебе. Послушай, ключи и Фимка у тети Нади со второй квартиры. Помнишь эту старушку с таксой? Жди меня у нас дома. Деньги на продукты на том же месте, что и всегда. Я надеюсь, мне удастся завершить дела в короткое время.

У нас дома?... я сказал у нас дома?

— Матик, в редакции мне сказали, что ты уволился. У тебя все хорошо? — ее голос стал спокойным и вкрадчивым.

— Это длинная история. Возможно, я буду рассказывать ее не один вечер. Нам нужно о многом поговорить. Ты не представляешь, как я счастлив!..

Они разговаривали, пока такси не остановилось у трехэтажного здания из красного кирпича. Аня рассказывала о своей новой выставке картин, о теплом свитере, который она связала для Матвея за одну бессонную ночь. (Писатель представил шерстяное обтягивающее одеяние, с нелепым слоником на груди). Аня пыталась выяснить причины столь внезапного отъезда и грустного голоса, но Матвей виртуозно ушел от этой темы и аккуратно обходил ее.

Эмиль, улыбаясь, вытащил из нагрудного кармана паспорт и зашел в двери. Виктор двинулся следом. «Красноярское ОГПН-24. Министерство чрезвычайных ситуаций» — гласила выцветшая вывеска.

Достав из кармана бумажник, Матвей переложил пластиковую карту, и водительское удостоверение в другой отсек. Фотография Анны была сделана на третий день после свадьбы. Она обнимала пальму и смотрела на апельсиновое зарево заката. Матвей погладил фотографию и засунул бумажник обратно.

— Профессионалы-альпинисты, наш маршрут до Лисьих гор, — произнес появившийся в дверях Эмиль, — отправляемся для покорения вершины 714.

— Предусмотрительно, нечего не скажешь, — кивнул Матвей.

— Да, на ошибках учимся.

— Далеко до этих Лисьих... гор?

— Двести километров до поселка Вьюхино. Оттуда километров сорок по таежным дорогам. Надеюсь, господа у вас есть деньги на охотничье снаряжение. Без палатки, болотных сапог и ружей — это чересчур авантюрное предприятие.

— Это тоже работа над ошибками?

— Именно.

7

Продавец — мужчина с огромным пивным животом и бородой бывалого байкера — лениво подавал с витрины все, что просил Эмиль. Толстые руки продавца были украшены татуировками. Одну из них — стилизованное изображение пантеры долго рассматривал Виктор. Смутившись такого внимания, мужчина распустил высоко засученные рукава рубашки.

Магазин был поделен на два больших отдела. В одном продавались принадлежности и снасти для рыбалки, в другом чучела животных и охотничье снаряжение. На стене у кассы висел плакат с героями популярной комедии о рыбалке.

«Ну, за рыбалку!» красочная надпись была выведена от руки красным маркером.

Продавец терзал жвачку, и оценивающе разглядывал троицу.

— На кабана идете? — спросил он едва слышно, глядя на то, как Матвей рассматривает внушительные патроны.

— Именно, — ответил писатель и неспешно отошел от витрины. В его рюкзаке уже лежали бинокль, сапоги, фляжка и травматический пистолет.

Три рюкзака были заполнены под завязку за полчаса, что заметно обрадовало толстяка за прилавком. Он сплюнул в корзину жвачку и стал более торопливым. Его помощник, подросток лет пятнадцати, сновал в соседнем отделе, обслуживая остальных клиентов магазина.

Довольный продавец проводил троицу к выходу и, вручив каждому дисконтную карту, пожал руки.

8

Матвей взял на прокат выдавший виды «УАЗ». Залив полный бак, они двинулись к выезду из города.

— Надеюсь, он не развалится, — проговорил Эмиль, после того как в очередной раз для переключения скорости ему пришлось приложить значительные усилия. На что автомобиль ответил душераздирающим треском.

— Менеджер клялся, что он только после капитального ремонта, — ответил Матвей. — Послушай, я даже не представляю, что военные могут делать посередине тайги и для чего им измученный, еле живой старик.

Писатель полулежал на заднем сидении. Зеленая корочка уже перекинулась на спину, сковав ключицу и лопатку. Мази и бальзамы избавляли от зуда, но Матвей уже не мог пошевелить пальцами парализованной руки.

— Я видел деревья, оставшиеся без коры и веток до самого верха. На моих глазах большой олень провалился под землю, словно крокодил утащил его в воду, — Эмиль глотнул газировки, — сейчас я поверю во что угодно, хотя раньше был убежденным скептиком и смеялся над уфологами и всякими парапсихологами.

Машина выехала на полевую дорогу. Каждый ухаб и кочка сопровождалась скрипом. Вскоре смолк и старенький радиоприемник. Покрутив ручку настройки, Виктор выключил его.

Стрелки показывали десять часов. Гревшее с утра солнце скрылось за облаками. К полудню заработали и «дворники» — мелкий морозящий дождь не стал сюрпризом. Дорогу размывало, и Эмиль старался ехать быстрее, чтобы успеть проехать большую часть пути.

Виктор включил камеру и проговорил несколько фраз. Засунув ее обратно, он повернулся к Матвею. Писатель наносил на руку новый слой мази.

— Слушай, Матвей, — Виктор с трудом подбирал необходимые слова. — Думаю, ты еще не отказался от идеи книги обо всем этом. Я уверен, все это закончится... Благополучно... В соавторстве, так сказать. В документальном жанре. Снабдим фотографиями. Это будем настоящая бомба... Что думаешь?

Матвей бросил короткий не заинтересованный взгляд. Эмиль нажал на тормоза. Профессор выскочил из машины и обошел ее спереди. Открыв дверь, он выволок Виктора наружу. Поднятый вверх за воротник журналист опешил от такого поворота событий.

— Мы же договорились. Ты не будешь приставать ни к нему, ни ко мне. Сегодня у него не работает рука, завтра другая. Через пару дней он не сможет встать. Через пару недель его сердце начнет покрываться зеленой коркой. Тебе хотелось бы писать об этом книгу?

Виктор покачал головой. Эмиль поставил его на землю. Вены на шее профессора вздулись от гнева и усилия.

— Вот и замечательно, — Эмиль поправил воротник Виктора и похлопал его по плечу. — Не забывай, что в любой момент можешь оказаться за бортом. Тише воды, ниже травы. Договорились?

Виктор кивнул. Он смотрел на профессора снизу вверх. Журналист был ниже на две головы.

— Замечательно, — Эмиль открыл дверь автомобиля, приглашая Виктора присесть, — я рад, что мы нашли точки соприкосновения и мило поговорили.

— Не стоило, — проговорил Матвей, когда Эмиль вернулся за руль, — но, спасибо, за внимание.

— Всегда, пожалуйста, — проговорил Эмиль, и, смахнув с лица капли летнего дождя, двинул машину.

— Твоя дочь... Как она?

— Какое-то время она была полностью парализована. Но вчера она начала шевелить руками и ногами. Появился аппетит. Ела сама. Но волдыри и корочка не сходит.

УАЗ проехал мимо очередной заброшенной деревни. Окна и двери были заколочены широкими досками. На фасаде разваливающейся церкви росла трава. Небольшая воронья стая кружила над несколькими соснами у одного из домов. Съехав с дороги, Эмиль заглушил двигатель.

— Привал. Минут двадцать, — сказал он. Выйдя из машины, профессор накинул дождевик и принялся разминать спину.

9

Есть моменты жизни, которые неизменно всплывают в памяти. Словно кадры, вырванные из фильма, они прокручиваются перед глазами. В хороших воспоминаниях можно купаться очень долго. Сидя, например, с бокалом коньяка и сигарой у камина или в гамаке на летней веранде, просматривая фотографии.

Детали событий трехлетней давности постепенно улетучивались из памяти Эмиля. Они сменялись новыми воспоминаниями о прошедших приятных моментах продолжающейся жизни.

В тот декабрьский день снег шел с самого утра. Огромные хлопья падали с неба, словно кто-то там наверху отряхивал гигантскую пуховую перину. Эмиль проснулся очень рано. После звонка Карины в четверть четвертого утра он не мог уснуть. Он дважды переглядел внушительную стопку приготовленных пеленок и распашонок. К шести часам детская сияла от чистоты. Новоиспеченный отец пытался усидеть перед телевизором, но волнение и воодушевляющая радость, то и дело поднимали его с места.

К родильному дому он подъехал за сорок минут до начала приемных часов. Время измерялось не в привычных минутах и секундах, а выкуренных сигаретах. Один окурок равнялся трем-четырем минутам.

Когда стальная дверь скрипнула за спиной, Эмиль вздрогнул от неожиданности. Он метнул недокуренную сигарету в бетонную урну и прошагал мимо старого охранника, ворчавшего по поводу отсутствия терпения.

Халат лег на его широкие плечи небрежно брошенным платком. Эмиль едва не растянулся на полу, на ходу одевая бахилы. Улыбающаяся медсестра нашла нужную фамилию в длинном списке со второго раза.

Не дождавсь лифта, Эмиль помчался на шестой этаж по лестнице. Санитарки и уборщицы, привычные к такому поведению, провожали его взглядом и прижимались к стене. Эмиль остановился у дверей и отдышался. На цыпочках он вошел в светлую палату и положил пакет на тумбочку. В воздухе витал запах молока.

От легкого шума проснулась Карина. Она улыбнулась и встала с кровати. Эмиль присел на корточки. Маленькое создание спало, причмокивая крохотными губками.

— Какая прелестная, — шепотом произнес отец, глядя в выразительные черты.

— Я тебя ждала. Побудешь с ней? — Карина подняла девочку и положила на руки мужа, — схожу к врачу.

— Погоди, а если проснется? — опешил Эмиль.

— Не проснется, я скоро. — Карина поцеловала растерянного мужа в щеку и вышла из палаты.

Ребенок почмокал губами и завертелся в тесных узах пеленок. И тут же открыла глаза. Девочка смотрела на отца и едва ощутимо шевельнула ручками. Эмиль поцеловал девочку в лоб.

Через минуту вошла Карина и взяла ребенка, приготовившегося заплакать. Укачивая девочку, она положила ее в кушетку.

Глава семьи пробыл в палате около получаса.

10

Эмиль подобрал с земли грязного плюшевого медвежонка. Его шея была обвязана ярко-красной лентой. Профессор хотел взять его с собой, но тут же передумал. Он усадил медвежонка на поленницу и прошагал к дому, окна которого были не заколочены.

У собачьей будки лежали кости животного. Шейные позвонки опоясывал кожаный ошейник. Распахнутая дверь держалась на нижней петле. Ветер лениво играл с ней, словно ему нравился этот мерзкий скрип. Матвей заглянул в хлев. Груды костей погибших животных лежали на земле. Округлые ребра белесыми клыками торчали из земли.

— Не похоже, что кто-то переехал, — Виктор озирался, стараясь не наступить на кости, — просто бросили все и ушли.

— Зайдемте в дом? — предложил Эмиль и первым зашагал по скрипящим половицам сеней.

— Не гуманно — оставлять животных взаперти или на привязи, не давая возможности самим добывать пищу, — Виктор последовал за профессором.

Удушающий, резкий запах ударил в нос.

— Думаю, есть причины внезапного ухода. Едва кто-то добровольно бросил нажитое добро и просто сорвался с места, — заметил Матвей.

Они прошли в гостиную. Тяжелый запах заставил приложить каждого руку к носу. В комнате кружил рой мух.

— Вот и причины, — проговорил Эмиль и кивнул на кровать.

В постели лежало разлагающееся тело. Немая скульптура смерти была наполовину скрыта одеялом. Руки лежали поверх одеяла. Голова была повернута в сторону стены. Длинные седые волосы лежали на подушке, словно копна тонкой рыболовной лески.

Виктор выскочил из дома. Через миг слышались характерные звуки опустошающегося необычным образом желудка.

— Волосы седые. Старик не проснулся одним прекрасным утром. — Эмиль накрыл тело тряпкой.

Мужчины направились к выходу. В сенях пахло дымом — Виктор поджигал хлев. Солому на крыше уже охватило буйное пламя.

— Зачем?! — Эмиль выхватил у Виктора зажигалку.

— На похороны нет времени, — равнодушно ответил Виктор и отступил назад. Жар стал очень сильным.

— Пусть горит. Не оставлять же его гнить, — проговорил Матвей. — Поедем. Сколько еще ехать до этого поселка?

— Поселок останется далеко в стороне, — Эмиль завел машину, — поедем по полевой дороге, так ближе. Оставим машину за пару километров. Уверен, все в округе охраняется. Не забывайте, мы — альпинисты. Пройдем пешком до места, где было пристанище отшельника.

Военные, наверное, устроились где-нибудь там. Нам ехать еще километров пятьдесят.

С грохотом обвалилась обгоревшая крыша хлева. Огонь перекинулся на дом и баню.

— У меня есть роман. «Долина осени», — Матвей лег на сидение. — Роман об умирающей деревне и прерывающейся связи поколений. Издательства отказались от него. Как правило, они не объясняют причин отказа. Но один редактор сослался на неправдоподобность сюжета. Теперь я знаю, что был недалеко от истины и справился с описаниями. Правда теперь хочется добавить кое-какие детали и изменить финал. — Последние слова писатель произнес, глядя на пылающий в огне деревянный дом.

— Хорошая тема. Философская, я бы сказал. Не то, что та, последняя тема, из-за которой ты оказался здесь, — Эмиль бросил укорительный взгляд на Виктора. — Каким был финал, и каким он теперь он будет?

— Сюжет прост. Из когда-то процветавшей деревни уезжает молодежь, и трудоспособное население также перебирается в город. За два года из четырех сотен человек в селе осталось два десятка стариков. Один из них всячески избегал разговоров о доме престарелых. Он помогал соседям и родственникам с переездом. Присматривал за осиротевшими домами. Кормил свору бездомных собак и кошек. Когда из деревни уезжала последняя жительница, он подарил ей икону, семь тетрадей с собранным за сорок лет фольклором и проводил ее. Старик жил в одиночестве семнадцать лет и сохранил рассудок. Держал скотину и хозяйствовал на всех огородах. На дороге он нашел оброненный соседкой узел с иконой и тетрадами.

Старик жил в своем мирке, пока не надоело одиночество и призраки стали чересчур назойливыми. В финале он уехал из деревни в дом престарелых к еще живым односельчанам. Но сейчас я знаю, что он должен закончить свои дни, также как и этот старик. Я абсолютно уверен в этом.

— Аллегорично. Я бы хотел почитать, — сказал Эмиль, после недолгой паузы. — Глубокий смысл.

— Я где-то читал: Толстой как-то признался, что если бы знал, какие увидят смыслы в его произведении, вряд ли бы написал «Войну и мир», — проговорил Виктор.

— Автор сам никогда не знает, какую мысль, помимо основной, может донести до читателя. Для некоторых это путь к славе, для других к порицанию и не пониманию. Марка Твена хотят запретить в американских школах из-за слова «нигер». Хотя во времена, когда он жил это было обычное слово.

— Хорошая профессия — писатель. Работаешь дома. Утомительная, конечно. Но никаких тебе строгих выговоров и депремирований. Сверхурочные по добровольному желанию. Надеюсь, у тебя все получится, — проговорил Эмиль, объезжая свалившееся на дорогу дерево.

Снова заморосил дождь. Резиновые прослойки закрипели по лобовому стеклу с новой силой.

Виктор разбудил заснувшего Матвея. С удивлением и долей радости писатель обнаружил, что правая рука работает. Он несколько раз сжал ладонь в кулак. Корка стала значительно мягче. Матвей достал из багажника рюкзак, накинул дождевик и принялся вместе с Эмилем накрывать машину ветками. Дорога была далеко в стороне, но лишние

меры предосторожности были не лишними. Близлежащие деревья были обвязаны тряпками для ориентирования.

— Думаю, это лишнее, — сказал Эмиль, глядя на то, как Виктор бросает за собой белые камешки. — Тайга становится густой. Есть компас, карта, навигатор.

Журналист смущенно высыпал горсть камней.

Они прошли около двухсот метров, прежде чем овраги и обрывы начали замедлять темп хода. На дне большинства оврагов текли ручьи. Эмиль всматривался в воду — все они были чистыми и прозрачными.

Местность была уже знакома, хотя дождь и ветра изменили лицо земли. Из глубины тайги доносились звуки завывающей сирены.

— Доходим, — проговорил Эмиль. — Один нюанс: если навстречу выйдет медведь или стая волков, придется стрелять, и нас обнаружат. Лучше резиновыми пулями. Хорошо подумайте, прежде чем сделать что-нибудь шумное.

Сирена стихла. Вслушиваясь в звуки, они шли дальше, иногда спотыкаясь о корни деревьев. Где-то наверху стучал по дереву дятел. Шелест веток на ветру не давал различить остальные звуки, но звук двигателей грузовиков, доносимый эхом, был весьма отчетливым.

Эмиль остановился на склоне очередного обрыва, вскинув вверх руку. Все замерли по команде.

— Места очень знакомые. Почти дошли, будьте внимательнее, — шепотом сказал профессор, и направился вверх. Дойдя до края, Эмиль приложил палец к губам.

Матвей выглянул на секунду из оврага. Большая поляна была расчищена от деревьев. Все было засыпано щебнем. На земле была установлена огромная полусфера серебристого цвета. На площадке стояли два вертолета. У ворот стояли двое постовых с автоматами наперевес.

Они обошли сферу с другой стороны и рассмотрели ее лучше. Она была в тридцать метров в высоту и в диаметре около пятидесяти метров. С другой стороны стояли четыре грузовика с черными номерами. Завелся трактор, и через секунду заработала бензопила. Воспользовавшись шумом, троица обошла полусферу. Из ворот выехала цистерна. Вырулив между вертолетной площадкой и грузовиками, она удалилась.

На выезде из территории стояла вышка, в которой расхаживали двое.

— Это хорошо, что они в масках. Облегчает нам работу, — сказал Эмиль и взглянул на Матвея.

— Вы хотите попасть внутрь? Вы с ума сошли, вас вычислят даже в массах, только вы заступите за порог! — проговорил Виктор.

— Можешь остаться здесь, — шепнул Эмиль. Достав из-за пазухи пистолет, он закрутил глушитель.

— Что-то я не припоминаю, как ты покупал эту «игрушку» в охотничьем магазине, — усмехнулся Матвей, — наверное, это интересная история. «Как протащит пистолет мимо металлоискателя в аэропорте?». Зачем тогда эти «бла-бла-бла» про резиновые пули?

— Очень занимательная история. Расскажу как-нибудь. Давай за мной, — Эмиль начал продвигаться под вышку. Спрятавшись за скальную породу, он поднял мелкий камень и бросил его в один из грузовиков.

— Что там? Ты слышал? — донеслось сверху.

— Да опять, наверное, лось о бампер рога чешет.

— Спустись и посмотри сержант. «Кто его знает» не принимается. Предположения

могу и я строить. Я тебя прикрою.

— Поднять зад со стула, почесать ягодицу и сесть обратно теперь называется «прикрывать»?

— Иди уже, и посмотри что там! Господи, ну почему же ты такой кретин?!

— Уже иду!

Щуплый военный спустился с вышки и обошел грузовики. Шорохи рации выдавали его перемещения. Эмиль отошел за другой валун, где по его расчетам, он мог оглушить дозорного не заметно для оставшегося сверху.

Послышался звук расстегивающейся молнии ширинки. Затем шелест сухой листвы и травы.

— Эй, рогатый! Опять гуляешь здесь?

Эмиль подступил к солдату сзади и, обхватив шею и голову удушающим приемом, уложил его на землю. Затем навалился на него всем весом. Солдат пытался освободиться из крепких объятий. Его рывки становились слабее, пока вовсе не прекратились. Эмиль взял его за руки и утащил на дно оврага.

Вновь раздался звук сирены. Профессор отбросил тело и лег на землю. Опасения оказались напрасными. Из ворот выехала еще одна автоцистерна.

— Он ростом с тебя, — Эмиль оценивающе взглянул на Виктора. — Поднимешься наверх и накроешь второго. Переодевайся!

— Я не могу... Они обнаружат меня!

Эмиль схватил Виктора за шею и прижал к дереву, но не успел нечего сказать.

— Я сам, — сказал Матвей и принялся переодеваться.

— Справишься? — спросил Эмиль.

— Конечно, — ответил Матвей. Переодевшись, он несколько раз сжал ладонь в кулак, и согнул руку в локте.

Раздался шорох рации.

— Ну, и где ты там застрял? Скоро смена придет, тащи свой тощий зад наверх! — голос второго солдата заставил Матвея действовать быстрее.

Эмиль поднял рацию и сдавленным голосом проговорил «Угу, уже иду», и прокашлялся. Затем протянул ее и пистолет Матвею. Каска оказалась великоватой, но писатель затянул ремешки под подбородком. Он попытался вспомнить, когда в последний раз нервничал так сильно. Пожалуй, только перед свадьбой.

Собравшись, Матвей поднялся из оврага и направился к вышке.

— Ну и где тебя черти носят?! — Второй солдат помог Матвею подняться в вышку, — что там, в овраге публичный дом открыли?

— Ага... — едва слышно выдавил писатель и нащупал рукоять пистолета. Солдат был высоким и широкоплечим. На нем было такое же снаряжение. Единственным уязвимым местом на его теле была шея.

— Лейтенант Гаврютин сообщил, что по округе ходят охотники. Полковник в случае появления, приказал привести их на беседу. А Гаврютин шепнул, чтобы просто прогнали с глаз долой. На лося, наверное, пришли мужики. Рогатых здесь много. Хотя года три назад, говорят, здесь даже белок не было.

Толстяк отвернулся и приложил к глазам бинокль. Матвей решил выстрелить в шею. Это решение казалось единственно верным. Писатель вытер вспотевшую ладонь о жилет и потянулся к пистолету.

Но стрелять не пришлось. Толстяк вытащил из кармана платок. Сначала он вытер шею. Затем снял каску, стянул с головы маску и вытер лоб. Матвей зашел за спину солдата.

— Жарко...

Писатель размахнулся и ударил рукоятью по затылку солдата. Грузный мужчина перегнулся через перила и слетел на землю, где его уже ждал Эмиль. Через несколько минут профессор поднялся на вышку.

— Сапоги жмут... Что же все такие заморенные? Хорошо ты его оглушил. Мы его связали и засыпали листвой, напомни, что бы откопать. Не дай бог забудем еще.

— Напомню... Как там Виктор?

— Увидел кровь на затылке здоровяка и упал в обморок. Сейчас придет смена. Пойдем внутрь, если повезет, не обнаружат.

Сверху была видна вся база. От деревьев была расчищена поляна размером в два футбольных поля. Вышка стояла в одном из углов ровного квадрата. На остальных лежали обтесанные бревна и доски. Ближайшие овраги были засыпаны гравием.

— Я думал, что сейчас вышки делают из стальных конструкций, — сказал Матвей, — поднимают кранами, сваривают.

— Надо полагать, они не рассчитывают пробыть здесь долго. Настолько изменилась местность, я сразу и не узнал. Сооружение стоит именно в том месте, где была землянка отшельника. — Эмиль поправлял военную форму, сидевшую на нем весьма неуклюже. — Разберут вышки и купол так же быстро, как и собрали.

Неровным треском зашумела рация.

— Вышка один, как слышно? Я — «База», прием!

— Принято, «База». Конец связи, жду смены, — проговорил Эмиль и выжал кнопку.

Матвей встревожено взглянул на профессора.

— А если у них принято здесь отвечать по-другому? Вряд ли все так просто.

— Тогда поймают и поставят к стенке, — грустно отшутился Эмиль.

Скрипнув сталью, открылись ворота, в которых показались двое солдат. Следом за ними вышла группа мужчин, похожих на рабочих — первые несли ящики с инструментами, остальные катили тележки с мотками колючей проволоки и лопатами. Где-то за куполом завелся трактор. Через секунду он показался из-за серебряной глади полусферы и направился к сложенным бревнам.

Солдаты поднялись на вышку. Один из них указательным и средним пальцем ткнул Эмиля в грудь.

— Там в холодильнике моя копченая рыбка, толстяк. Запомни, пожалуйста. И куриное филе тоже мое. Если ты еще раз сожрешь какую-нибудь мою вкуснятину я мокну тебя головой в сортир.

— Угу, — пробурчал Эмиль и, отдав честь, последовал за Матвеем.

— Эй, лейтенант! Да я пошутил, там всем на обед рыба и курица. Ты чего, обиделся что ли, Паш?

Профессор мотнул головой и начал спускаться вниз.

— «База», прием! «Вышка один» на связи, четвертый караул заступил на смену. Третий караул сдал пост. Прием.

— Принято, «Вышка один», конец связи, — из рации послышался мужской голос.

Матвей ждал профессора на земле. Он испытывал сильнейший дискомфорт из-за взмокшей спины и начавшегося зуда в области ключицы. Если бы сквозь маску можно было взглянуть на выражение его лица, то, пожалуй, это было бы лицо человека, долгое время ждущего своей очереди у общественного туалета.

— Может, закусим его рыбкой или курочкой? — шепотом проговорил Эмиль, когда ни отдалились от вышки.

В ответ Матвей сдавленно усмехнулся.

Створки ворот открылись, едва мужчины приблизились к ним. Несколько длинных

коридоров уходили вглубь сооружения, изнутри казавшимся еще более грандиозным.

— Надо было спросить, где этот холодильник, — словно завершил начатую мысль Эмиль.

— Тсс... — Матвей кивнул на висящую под потолком камеру видеонаблюдения.

— Пойдем сюда, от входа к этой двери ведет больше следов, надеюсь, мы останемся незамеченными, нужно найти план эвакуации при пожаре, иначе заблудимся, — произнес Эмиль так тихо, что писатель не услышал некоторые слова, но интуитивно разобрался и последовал за профессором.

За дверью было жилое помещение. Два десятка двухъярусных кроватей были установлены вдоль стен. Посередине помещения стоял большой стол. Другая стена была скрыта за металлическими шкафчиками. На кронштейне был подвешен четырехдюймовый телевизор. В углу казармы стоял стол для настольного тенниса. У окна был установлен холодильник, в котором, очевидно, ждали своего часа куриное филе и копченая рыба.

— Весьма уютно, — отметил Матвей, разглядывая фотографии в рамках и плакаты с изображением обнаженных женщин.

— Да, только больше похоже на быт американских солдат, — Эмиль пренебрежительно взглянул на «пеструю стену». То что, было нужно, он нашел, не прилагая особых усилий: план эвакуации лежал на столе и был еще не доработан. Рядом с листом лежали метровая линейка и несколько карандашей.

— В яблочко! — удовлетворенно вздохнул Матвей.

По схеме у купола было три этажа над землей и еще два этажа подземных лабораторий. На схеме они были обозначены условным «Лабор» и обведены кислотно-зеленым цветом. Все коридоры и лестницы вели к огромному помещению на втором этаже, в самом сердце купола. Красными галочками были обозначены огнетушители. Красным кружком пожарные щиты и краны. Недоработанным остался самый нижний этаж под землей.

— Огнетушители на каждом шагу. Так сильно бояться пожара? — изумился Матвей.

— То чего они опасаются, может спалить дерево дотла за несколько секунд. Я думаю, старика держат здесь. Чересчур много пожарных кранов, Эмиль указал карандашом на большой квадрат — помещение, от которого лепестками отходило множество коридоров. — Как твоя рука?

— Кажется, корка добралась до поясицы, но рука еще работает. Сходим туда?

— Думаю, его хорошо охраняют. Нам нужен план.

2

— Нужно разведать. Рассмотреть, что к чему. — Матвей свернул план и убрал его в карман.

Они вышли из казармы и направились к лестнице, ведущей на второй этаж. Стены купола были такими, что внутрь не проникало ни звука. На потолке мигали лампы, при этом дружно издавая раздражающий звук, нечто среднее между гулом и жужжанием пчелы. Где-то шумел водяной насос, за стеной улавливался звук сварки и лязганье металла. Все это отдаленно напоминало секретные лаборатории из голливудских фильмов, с той лишь разницей, что здесь всюду были вывешены таблички с надписями «Выход», «Пожарный кран», «При пожаре дернуть рычаг».

От большого количества огнетушителей рябило в глазах. Красные баллоны были

вывешены с интервалом полтора-два метра в два ряда, превращая безупречно белую стену в выставку противопожарной индустрии.

Затрещала рация. От неожиданности оба мужчин вздрогнули.

— «База прием», на связи «Вышка четыре». На южной стороне задержано гражданское лицо. Изъято охотничье ружье, фотоаппарат и видеокамера. Прием!

— Вас понял «Вышка четыре», высылаю первый и второй караул для передачи задержанного.

Матвей взглянул на профессора. В глазах Эмиля промелькнуло минутное отчаяние. Профессор задумчиво кусал верхнюю губу.

— Да черт с ним! Мы оттащили солдат на метров тридцать, связали, засыпали листьями и обложили ветками. Их они не найдут. А Виктор остался у тех валунов. Идиот, хотя бы спустился на дно ближайшего оврага, — произнес он шепотом.

Матвей кивнул, и они прошли по коридору до металлической двери. У ручки был блок с карт-ридером и кнопочный дисплей. Дверь была не заперта. Открыв ее, мужчины вошли внутрь.

Большая лаборатория была обставлена столами, на которых были разложено множество колб и пробирок различных размеров, микроскопов, пинцетов, спиртовок и прочего добра, которое можно обычно встретить в школьных кабинетах химии. Помимо этого на некоторых столах стояли компьютеры, экраны которых мерцали, словно пытаясь загнипотизировать. На полках лежали металлические кейсы. На ручке каждого висел ярлычок. В одном из них — почерневшем от сажи — он не без труда узнал кейс Карины. На ручке были выведены ее инициалы.

Воздух был насыщен кварцем. Звук ламп казался здесь более громким.

В конце лаборатории была дверь, ведущая, очевидно в тот самый квадрат — огромное помещение посередине полусферы.

— Эй, вы двое! — Пожилой мужчина в белом халате окликнул их. — Закройте за собой и идите сюда.

Мужчина, судя по толстым линзам очков, блокноту и ручке в кармане, а главное халату, был ученым. Его лицо было изрыто бороздами морщинам. Голова была убелена сединой древнего старца.

— Всех забрали. Что мне здесь одному корячится? — доктор стоял у металлического шкафа. — Давайте, передвинем это к стенке. И, пожалуйста, нечего не трогайте!

Матвей почувствовал, как корка стягивает руку, сковывая движения. Не обращая внимания на боль, он принялся за тяжесть.

В лаборатории было не так ярко, как в коридорах. Длинные лампы висели на стенах и освещали светло-зеленым оттенком. Место для шкафа было приготовлено в углу лаборатории. На столе было разложено, вероятно, будущее содержимое шкафа. В закрытых пробками колбах была жидкость зеленого цвета. В каждой цвет был разного оттенка.

— Принесу остальные образцы. До того как поставить в шкаф, их необходимо выдержать в камере, — сказал ученый и развернувшись направился к выходу. — И кстати, можно маски снять, не президента охраняете. Вряд ли ваши лица кто-нибудь увидит в этой тайге.

Эмиль и Матвей проводили мужчину взглядом и принялись изучать лабораторию. Одна из стен была одним большим шкафом-хранилищем, словно холодильник в морге. Профессор попытался потянуть за одну из ручек, но дверца не поддалась. Отодвинув небольшую

крышку, он увидел сенсорный кодовый замок. Матвей набрал наугад несколько комбинаций. После череды коротких сигналов, он закрыл крышку.

Эмиль тронул Матвея за плечо, чтобы привлечь его внимание. Профессор кивнул в сторону двери, за которой было самое большое помещение.

— Ученый свою карточку оставил. Как мило, с его стороны. — Матвей поднял со стола пластиковую карточку с фотографией ученого и магнитной полосой. Замок отреагировал на карту продолжительным звуком. Из щелей двери пошел пар. Через секунду послышались щелчки.

Дверь из толстой стали впустила их в другое помещение, вероятно, которое ученый и называл камерой. Мужчин обдало терпким холодком. Пар стелился по полу, и словно подкрадываясь, добрался до ног Эмиля и Матвея. Прикрыв за собой дверь, они прошли в просторный зал.

То, что они увидели, повергло их в шок. Ноги обоих стали ватными и ни один не решался подойти ближе.

Посередине хранилища стояли восемь стеклянных шаров. В самом большом из них в густую зеленую жидкость было погружено тело старика-отшельника. Его кожа была бумажно-белой. Из открытого рта вытекала белесая масса. Слизь пузырилась и через несколько секунд принимала зеленый оттенок.

— Это доктор... — Эмиль, придя в себя после осмотра шара с отшельником, — он осматривал нас после спасения.

Пару раз в минуту в шар впрыскивалась вода, разбавляя ужасную массу. Глаза врача были раскрыты. Зрачки были бесцветными, словно в пустые глазницы вставили мячики для настольного тенниса. В следующем шаре было тело Лизы. Эмиль не без труда сдержал приступ рвоты.

Масса в ее шаре была прозрачной, и сквозь нее проглядывалось обезображенное тело девушки. Ее лицо было изрыто бороздами шрамов, такими же, как и у отшельника. Тело было выпарено — мягкие ткани едва держались на проглядывающихся тут и там белесых костях.

Главного врача психиатрической клинике, тело которого было в одном из шаров, Матвей узнал по сережке на ухе. Писатель отскочил от шара, когда неожиданно начался прыск воды. Жидкость зашипела, выпуская сизый дым с фиолетово-салатными оттенками.

Эмиль постучал пальцем по стеклу, в котором был отшельник.

— Как думаешь, он еще жив? — спросил он.

— Вряд ли, похоже, что там очень жарко. Пожалуй, градусов семьдесят. — Матвей постучал по стеклу дулом автомата, словно проверяя его на прочность.

Старик шевельнул пальцами. По зеленой массе пробежала рябь. Пальцы отшельника медленно сжались в кулак. Мужчины интуитивно отпрянули от шара. Матвей взглянул на Эмиля. Казалось, каждая мышца богатырского тела профессора была напряжена и готова к любой неожиданности. Он медленно подошел к шару и, вытянув руку, еще раз постучал по стеклу. Старик больше не подавал признаков жизни.

— Наверное, остаточные мышечные рефлекссы, или как их там называют? — спросил Матвей.

— Да, примерно так, — Эмиль выдохнул и хотел отвернуться. Старик поднял руку и приложил ладонь к стеклу. На его пальцах не было дактилоскопических линий, словно его ладони прижгли. Он попытался вывести указательным пальцем какое-то слово, но

обессилевшая рука упала в густую жижу. После впрыска воды лицо отшельника исказила гримаса сильной боли. Его тело вновь скрылось в зеленой массе.

Скрипнула дверь — в лабораторию вошел ученый. Он вкатил тележку с пробирками и инструментами. Эмиль и Матвей замерли.

— Вот вы где... Карточку потерял, пришлось воспользоваться запасной. — Он поправил на переносице очки. — Вообще-то вам сюда нельзя. Если полковник узнает, нам попадет. Но есть кое-какая работа, с которой я один не справлюсь. Нужно из каждой камеры взять образец.

Эмиль и Матвей приставили лестницу к шару, в котором было тело старика. Ученый, поднявшись, открыл люк и длинной пипеткой с металлическим наконечником и набрал зеленой массы. Спустившись, он наполнил две пробирки и закупорил их.

Эмиль почувствовал зловонный запах зеленой массы, который уже успел давно забыть. Он внимательно следил за каждым движением ученого. Ученый положил пипетку на поднос. Капнувшие с наконечника остатки жидкости прожгли дырочку в металлическом подносе.

— Не волнуйтесь. Поднос двухслойный. Нижний слой из титана и выдержит эту кислотную массу. Если поднос был бы из дерева, он сиюминутно воспламенился, — успокоил мужчин ученый.

— Хорошая новость, — проговорил Эмиль. — А вы не скажете, откуда взялась эта тварь?

— Это одно из древнейших форм жизни нашей планеты. В тысяча девятьсот двадцать втором году в Мексике нашли останки динозавра. Его кости были местами обуглены и имели зеленый оттенок. Ученые сошлись на мнении, что бронтозавр стал жертвой вулкана. Но я уверен, что эта тварь обитала на планете задолго до появления динозавров. — Профессор встал у лестницы, видимо, намереваясь вновь подняться на поверхность, чтобы закрыть люк. — ОНО — паразит. Ей нужен организм, благодаря которому оно из зародыша превратится в лаваобразного монстра. По моим расчетам этот процесс занимает около сорока лет. Но созрев, оно не покидает носителя. Организм нужен ей для охоты. У нее нет обоняния, слуха. Нет никаких чувств. Есть мозг. Это самое сенсационное открытие в биологии за последние сто лет. Следы этого существа я нашел в Центральной Америке, Австралии и теперь у нас.

— И как же эта тварь дожило до наших дней? — спросил Эмиль.

— У меня есть несколько теорий. Я остановился на более достоверной версии. Существо ждало своего часа под землей миллионы лет. Какая-то сила или природный катаклизм заставило ее скрыться под землей на глубине нескольких километров шестьдесят миллионов лет. Вероятнее, всего это был холод. Ледниковый период. Оно боится холода. Уменьшается в размере и приобретает белесый свет. Там, под землей, оно благополучно, скажем так, «законсервировалось». Ветер и дожди столетиями изменяли лицо земли, смывая верхние слои почвы, и открывая путь для этого существа. Все обрывы и овраги в этой местности — это работа всего одного такого существа. Выбравшись на волю, ОНО оставило после себя огромные пустоты, и почва просела. Вчера нашел окаменевшие экскременты этого существа. Еще не приступил к изучению образцов, но я уверен, там много любопытного.

— В радиусе двух километров множество оврагов, некоторые глубиной в пятьдесят метров. Даже представить себе трудно, оно, наверное, размером с грузовик.

— Молодой человек, оно размером футбольный стадион «Лужники». Если это существо доберется до большого города, такого как Красноярск или Барнаул, то стерет их с лица земли за считанные часы. Профессор поднялся по лестнице и потянулся к крышке люка. Он продолжал что-то рассказывать, но Эмиль и Матвей его уже не слушали. С изумлением они смотрели на то, что происходило в стеклянной сфере.

Голова и плечи старика показались из кипящей зеленой массы. Его зрачки быстро обрели серый цвет. Он медленно поднимался, глядя на возившегося с заевшим люком ученого. В следующую секунду старик облизнул бесцветные губы зеленым языком и, резко вскочив на ноги, схватил ученого за голову.

Опешившие Матвей и Эмиль смотрели на происходящее, выставив автоматы и судорожно сжимая рукоятки автоматов.

Раздался громкий хруст ломающихся шейных позвонков, похожий на треск ломающейся дощечки. Тело ученого обмякло и повисло на лестнице. Старик втопил его в густую массу, которая пришла в движение, как только началась схватка у люка. Она клокотала и тянулась вверх, поднимаясь по стенкам сферы.

Эмиль бросился к ученому и схватил его за ноги.

— Не стоит этого делать, — послышался хриплый голос старика. Он продолжал тянуть ученого за руки и голову, только уже одной рукой. Другую он протянул вверх. Эмиль достал из кобуры пистолет и снял его с предохранителя. — Это вам поможет. Еще не поздно, вам нужно торопиться. — В его раскрытой ладони лежала маленькая пробирка с прозрачной жидкостью.

Эмиль с некоторой брезгливостью взял пробирку, измазанную в зеленом желе.

— Не теряйте времени, — произнес старик и вновь погрузился по плечу в лаву, которая уже обглаживала мягкие ткани тела ученого. — Это именно то, что вам нужно, уходите.

Эмиль слез вниз. Он взглянул на просвете на жидкость в пробирке. После того как профессор встряхнул сосуд, со дна поднялась стая пузырьков, словно это была газировка.

Затрещала рация.

«Всем караулам собраться на построение! Тревога 01–14!.. Прием! Повторяю, всем караулам собраться на построение! Тревога код 01–14!..»

Последние слова были заглушены звуком заверещавшей сирены. Где-то послышался топот сапог.

— Нас вычислили. Нужно уходить! — Проговорил Эмиль.

— Нужно вытащить Виктора...

— А может не нужно, черт побери, Матвей! В любой момент ты разродишься монстром, как ты можешь думать об этом осле?!

— Ну, не по-человечески как-то... — ответил Матвей, глядя на то, как Эмиль вновь забрался на сферу и закрыл люк.

Тело ученого уже полностью растворилось. Доказательств его смерти не осталось. Взяв карточку, двойца направилась к двери.

— Лучше выждать. Нам нужен хороший план, — Эмиль первым вышел из двери. Следом вышел и Матвей. Пробежав по коридору, они влились в группу бегущих к выходу людей. Краем глаза Матвей заметил, как дверь заблокировалась, и погас сенсорный дисплей замка.

Матвей катился ко дну обрыва, обдирая локти. Немного позади параллельным курсом падал Эмиль, пытаясь, зацепится за корни кустарников. Звонкая сирена скрывала треск ломающегося хвороста. Профессор помог Матвею встать. Они бежали около десяти минут, пока Матвей не почувствовал, что корка добралась до бедренных мышц.

Остановившись, он сел. Холод земли пробежался по телу. Эмиль огляделся и присел рядом.

Успокоив дыхание, Матвей потянулся за фляжкой, но сделав пару глотков, сплюнул.

— Что там? — спросил Эмиль.

— Весьма неплохой коньяк.

— В моей фляжке вода, — профессор сделал глоток и протянул фляжку Матвею. После того как писатель утолил жажду, Эмиль взял его руку и засучил рукав. Зеленая корка достигла кисти, и уже приобрела фиолетовые и местами оранжевые оттенки. — Нужно возвращаться в город и попробовать то, что в пробирке. Если тянуть ты можешь превратиться в... лягушку.

Матвей рассмеялся. Заливистый смех разносился далеко по округе.

— Что?... Ну, что? — изумлялся Эмиль, и начал смеяться, когда Матвей завалился набок.

Это продолжалось до тех пор, пока неподалеку не послышался треск. Эмиль лег на живот, спрятавшись за ствол дерева. Матвей выхватил пистолет и взял на мушку кустарники орешника. Треск повторился.

Писатель вспомнил тот день, когда он напился со стариком во дворе. Почему-то показалось, что вот-вот из зарослей покажется голова этого забавного человека, по обыкновению успевшего напиться с утра.

Мелкий камень, брошенный Эмилем, вытянул Матвея из вакуума. Условным жестом он дал понять, что нужно наблюдать за краями обрыва.

Матвей бросил короткий взгляд на профессора. Лицо Эмиля было очень сосредоточенным и хладнокровным. В его рту доживала свой век резиновая жвачка.

— Откуда взял? — шепотом спросил Матвей, не сводя глаз с орешника.

— В кармане нашел, — Эмиль бросил Матвею почти полную пачку «Орбит» и тут же приложил указательный палец к спусковому крючку — хруст ломающихся веток был уже совсем рядом. Он был сдавлен и казался вынужденным, словно крался к ним, стараясь подобраться поближе.

Раз-два, раз-два, раз-два...

Матвей ощутил, как сердце успокоилось и уже не пытается «выскочить» из грудной клетки. Руки свела судорога, и, отложив пистолет, он лег на землю.

Сердце продолжало замедлять темп.

Раз-два, раз-два... раз-два... раз-два... раз-два... раз-два... раз-два-три...

Три?

Матвей набрал в легкие воздуха.

Раз-два-три... раз-два-три... раз-два-три...

Весьма странный пульс для человека. Невероятный пульс, хотя сердце и набрало прежний темп.

Собравшись с силами, Матвей поднял голову и потянулся за пистолетом. Эмиль

тревожно поглядывал на него, словно пытаюсь разделиться между необходимостью наблюдать за источником звука или броситься на помощь писателю.

Еще один сильный треск (в метрах четырех от Матвея) — Эмиль приготовился стрелять.

Из орешника показался лось. Его зубы перемалывали горсть листьев. Увидев лежащих на земле людей, он замер в оцепенении. Животное стало похожим на восковую фигуру. Эмиль сделал неловкое движение, пытаясь вытереть пот со лба. Испуганное животное убежало в гущу тайги.

Только сейчас профессор почувствовал, как по правой ноге растекается тепло. Сквозь ткань штанины сочилась кровь. Задрав штанину, Эмиль заметил вонзившийся в икроножную мышцу сук. Стиснув зубы, мужчина вытащил дерево и отбросил его. Наспех перевязав рану тряпкой, Эмиль подобрался к Матвею.

— Что-то с сердцем. Странный пульс, — писатель вытянул руку.

— Три коротких удара с интервалом две секунды. Если в тебе действительно зародыш этой твари, я бы хотел знать сколько времени, до того как оно захочет выйти наружу.

— Надеюсь, в этой пробирке вакцина. Меня страшит перспектива становления марионеткой монстра в двадцать стадионов, — сказал Матвей, откашлявшись в кулак. — Что будем делать?

— Пока не знаю. Но я уверен, тревога была объявлена не по нашу душу.

— Откуда такая уверенность? — спросил Матвей, растирая мазь по всей руке.

— Если бы нас обнаружили, нам бы не дали так уйти. Приказали снять маски, устроили бы проверку. Начали преследование, в конце концов. Полагаю, у них случилось какое-то происшествие. Может внештатная ситуация или пожар.

— Пожар? Кажется, у меня есть идея, — Матвей вернул тубик с мазью в карман и достал зажигалку. — Что если нам устроить пожар и в переполохе забрать Виктора? Внутри они потушат его быстро, а вот снаружи...

— Это хорошая мысль, — согласился Эмиль, — у меня есть немного бензина. Хотя я по-прежнему думаю, что нам лучше уехать. Они с ним нечего не сделают. Не убивать же его. Времени у нас мало. Нам нужно время вернуться домой. Некоторое время уйдет на изучение этой дряни в пробирке. Моя жена отлично в этом разбирается. А если мы не успеем и ты... тебе не станет плохо в самолете?

— Давай, по крайней мере, попытаемся.

Они приготовили несколько бутылок с зажигательной смесью. Эмиль опасался, что в планы мог вмешаться начавшийся дождь. К полусфере они подбирались с той стороны, где не было окон. На вышке по-прежнему стояли двое. Рабочие завершали установки второй.

В попытке подобраться к окну на расстояние броска, Эмиль едва не выдал себя — из кармана выпала бутылка и упала на камень. В округе было достаточно звуков — стук топора, жужжание пилы и гул работающего трактора — но отличающийся звук мог привлечь внимание.

Вой сирены вынудил двоицу вернуться на дно оврага. Они спрятались за небольшим валуном и изредка смотрели наверх с помощью небольшого зеркалаца.

Холодная гладь камня ощутимо снижала боль и зуд. Матвей прижался к нему всей спиной. Приятная дрожь пробежала по его телу, и, повинувшись облегчению, писатель закрыл глаза.

— Черт... Вот и все... — успел сдавленно произнести Эмиль, прежде чем дым молочного цвета окутал их.

Закрыв лица рукавом, двоица бросилась в бег. Но удушающий газ неумолимо проникал в легкие. Казалось, они становились деревянными на выдохе, не давая возможность сделать хотя бы глоток воздуха. Матвей упал навзничь, едва пробежав около тридцати метров. Ввалившийся его на плечи, Эмиль рухнул сначала на колени. Аккуратно уложив писателя, он сел рядом с писателем, и вдохнул газ.

Вы когда-нибудь ездили на трамвае? Сидя на этих жестких сидениях, прислонившись к перпендикулярным полу спинкам. О! Не забудьте купить билет, гражданин, на линии работает контроль. Лучше выбрать место рядом с окном.

Трамвай? В общественном транспорте не должно пахнуть нашатырем.

Твердый стул и связанные за спиной руки. Ноет спина. Ужасно сильно болит голова, словно ее заполнили свинцом. Она тяжела и беспомощно висит на груди. Кто-то бьет по щекам.

(Гражданин, это конечная остановка, проснитесь!)

— Вот и замечательно! Полковник он очнулся! — голос мужчины приблизился. Голова, грубо поднятая за волосы, заболела еще сильнее.

Сквозь молочную пелену, закрывавшую глаза, Матвей разглядел седоволосого мужчину в камуфляжной форме.

— Так, Матвей Данилевский. Как вы себя чувствуете? — спросил полковник.

Писатель хотел ответить, но сумел лишь выдавить что-то невнятное. Другой мужчина, хлеставший Матвея по щекам, осветил фонариком в зрачки.

— Чувствительность еще не восстановилась, — сказал мужчина, облаченный в белый халат. — Дела ваши плохи, господин Данилевский. Инкубационный период в самом разгаре и проходит весьма впечатляющими темпами.

— Другой вопрос: зачем вы здесь? — полковник сел за стол. — Доктор, дайте ему попить, у нас нет времени на длительную реабилитацию.

Матвей хотел припасть к краю кружки с водой, но схваченные коркой губы не слушались. Доктор достал из ящика стола трубку и заботливо напоил писателя. Затем взял заполненный шприц.

— Это экспериментальный препарат и нам неизвестны побочные действия. Но, думаю, у вас нет выбора, — доктор натер руку Матвея спиртом и ввел жидкость в вену.

— Мы искали вакцину, — произнес писатель, после того онемевшие губы удалось сложить в трубочку.

— Ваш товарищ говорил тоже самое. Но у третьего... — полковник взял в руки лист бумаги, — Бахманова Виктора Анатольевича были изъяты видеокамера, фотоаппарат, граната и крупная сумма денег. Американские доллары. Такую сумму журналист может заработать за два-три года работы, и то, только в том случае, если он крут как Отар Кушанашвили. — Военный особо нарочито засмеялся, посчитав свое сравнение очень удачным и смешным. — Ваши товарищи не дали вразумительного ответа. Вакцина нужна вам, это понятно. Но какие цели преследовали Аскарров и Бахманов? Я не думаю, что Бахманов ради сенсации решился бы идти в такой поход. У этого труса порошу не хватило бы. Если только ради денег... Едва ли Аскарров пошел бы еще в одну экспедицию в это место, после того как едва не погиб здесь. Ну, так что?

— Я не знаю, почему они решили ехать со мной, — ответил Матвей.

— Как давно вы знаете Бахманова?

— Мы учились вместе в университете.

— Предположим, вы не знаете, для чего прибыл сюда Бахманов. Но я уверен, вы знаете, для чего ему нужна была граната.

— Я не знаю. — Матвей хотел свесить отяжелевшую голову, но мужчина в белом халате поймал её за волосы.

Полковник задавал одни и те же вопросы, изменяя формулировку. Зуд отвердевшей корки, покрывшей уже почти все тело, стал мучительной пыткой. В ответ Матвей только стонал от боли, что приводило военного в ярость. Несколько раз полковник вскакивал со стула и набрасывался на писателя. Он без устали молотил кулаками по его лицу.

Устав, полковник сел в кресло и закинул ноги на стол. Он взглянул на потерявшего сознание Матвея и махнул рукой. Незаметно сидевший в углу солдат встал со стола и, обреченно выдохнув, унес Матвея.

5

Эмиль сидел на маленькой табуретке у кровати писателя. Когда Матвей открыл глаза, профессор смочил тряпку и вытер ему лицо.

— Я думал, они тебя живым не отпустят, — Эмиль грустно улыбнулся. — Как все вышло... Гады, пять зубов выбили. Ребра переломали. Оказалось, твой друг не только журналист. Он работает на кого-то еще. Предполагаю, он обещал кому-то образцы этого существа... или организма. Они хотят узнать кому. Тебя принесли двенадцать часов назад. И сразу забрали его.

Ты здоров. Зародыш в тебе умер. Они ампутировали твои руки. Доктор говорил, что другого выхода не было. — Эмиль легонько стянул простынь, — началась гангрена.

Увидев обмотанные культы, Матвей и закричал. Опешивший Эмиль тут же приложил ладонь к его рту и уложил обратно в подушку. Писатель пытался вырваться, усиленно мотая головой и отталкиваясь плечами от кровати. Только навалившись массой всего тела, Эмилю удалось успокоить писателя.

Боль горячей лавиной накрыла тело Матвея, унося его в бесконечную бездну.

* * *

Кошмарный сон неохотно покинул просторы измученного мозга.

Тонкий матрац, положенный на скрипящие пружины кровати, пах пылью и керосином. Матвей не торопился открывать глаза. Остатки боли слабым электрическим разрядом пронесли по телу.

Кожа рук была гладкой и чистой. Писатель гладил ладонью запястье и наслаждался ощущением дышащей кожи.

Глаза открылись с большим трудом — на ресницах спеклась кровь. Боль опухших губ и разбитого носа казалось шуточной, по сравнению с той, что покинула его тело.

Эмиль лежал на койке рядом, на расстоянии вытянутой руки. Его высохшие губы дрожали, взгляд был устремлен на белый потолок. Матвей дернул профессора за плечо.

— Посмотри, кто напротив... — ответил Эмиль, не отводя глаз с потолка.

Писатель сел на край кровати. В камере напротив, на низкой койке, лежал старик-отшельник. Он казался очень слабым и немощным. Но сейчас на его лице не было рубцов от ожога. Его кожа была розовой, без единого следа зеленого поражения.

— Не стоило вам возвращаться. Вы нашли то, что искали. На какое-то время мне показалось, что вы везунчики. Ваш лживый друг вам помешал. Я прав? К тому же подставил вас. Он рассказал им, что тот большой, — старик кивнул на Эмиля, — ищет лекарство для своей дочери.

Эмиль вскочил с койки. Он едва не упал, удержав равновесие, он оперся о решетку.

— Сука!.. — Он ударил кулаком по стене. — Чертов мудака! Надо было выкинуть его из машины! Нужно было вышибить ему мозги!.. Чертов мудака!.. — Эмиль вытер лицо и сел рядом с Матвеем.

— Надо выбираться отсюда, — произнес писатель после недолгой паузы. — Кстати, а пробирка? Они забрали ее?

Эмиль достал из-под матраца химический сосуд.

— Вот профессор! — Матвей усмехнулся, — как тебе удалось сохранить ее, черт подери? У меня даже кольцо из тайничка в подошве ботинка вытащили. — Журналист взял пробирку и покрутил ее в пальцах. — Слушай, а почему она пахнет... Ты прятал ее в заднице?

Матвей брезгливо, но бережно вернул пробирку и обтер ладонь об одеяло.

— Именно там. Как оказалось напрасно. Вещи в моих карманах на месте. Компас, брелок ручка и так по мелочи.

— Та пробирка, — старик откашлялся, — это хорошее средство. Самое лучшее. Один из химиков вывел формулу, до того как ОНО съело его. Он испытал его на мне. Я свободен. И счастлив.

6

Камера была тесной. Три метра в ширину и четыре в длину. Вдоль стен стояли две койки. На потолке, словно одинокий волосок на лысине, были установлен пожарный датчик и распылитель воды.

Сквозь маленькое зарешеченное окно в камеру проникал свежий вечерний воздух.

Тишина в длинных коридорах висела мучительно долго, пока ее не нарушали звуки шаркающих шагов. У дверей камеры появился все тот же мужчина в белом халате. На его носу были очки без оправы. Волосы аккуратно зализаны назад. Прищурился, он взглянул на Матвея:

— Уже лучше. Хотя темпы замедленны. Подойдите ко мне. Только без фокусов. Остаться в живых — в ваших же интересах. — Доктор просунул руку через решетки. Нащупав пульс, он одобрительно кивнул головой. Затем прослушал грудную клетку с помощью фонендоскопа.

— Ну, как мои дела? — спросил Матвей.

— Я сделаю еще одну инъекцию, — Белый халат свесил фанидоскоп на шею. — Пульс нормализовался. Но анализ крови выявил большое содержание сахара. Лейкоциты выше нормы. Множество антител. Ваши шансы пятьдесят на пятьдесят.

Белый халат ушел, насвистывая незатейливый мотив. Мужчина вернулся через

несколько минут, толкая перед собой тележку. На подносе лежали заполненный шприц, ватные тампоны и резиновые перчатки.

После укола Матвей заснул. Последнее, что он видел, закрывая глаза, это то, как белый халат просовывает в щель миски с дымящейся массой, запах которой отдаленно напоминал гороховый суп.

Сквозь пелену дремоты и слабость, писатель слышал хриплый голос старика.

— Наевшись вдоволь, ОНО впадало в спячку. Вместе с ним и я. С каждым разом его аппетит рос, и требовалось больше времени на спячку. Я тоже спал вместе с ним. Точно дождевой червяк, в сырой земле. Рыл берлоге на дне оврагов, чтобы по весне, смываемая водой почва накрывала меня как можно больше. Я мечтал умереть, но оно неизменно поднимало меня наверх, давая сделать глоток воздуха. Должен был искать для нее еду.

ОНО убивает страшной смертью. Медленно обваривает жертву, высасывая из нее все соки. Видел, как еще с живых людей спадали мышцы, словно широкие штанины. При этом человек еще жив. Но даже после этого организм не умирает полностью. Он становится ходячим мертвецом, таскающим в себе зародыш этой твари.

Решение убивать до того, как ОНО доберется до очередной жертвы, далось мне легко.

— Думаете, это оправдывает вас? — голос Эмиля был сдавленным и тихим, словно он закрыл лицо руками.

— Я не ищу себе оправданий. Моя жизнь закончилась, когда я стал поводырем ужасного монстра. Я готов и буду отвечать только за те поступки, которые совершил до того момента, когда набрел на нее в пещерке. Я обрекал людей на мучения, позволяя существу поедать их пока они живы. Вам этого все равно не понять.

— Ты убил моих товарищей... Бог тебе судья, старик. Возможно, на твоём месте и я бы так поступил. — Эмиль лег на кровать и отвернулся к стене.

— Я не выбирал себе такую судьбу. Что и говорить — я все равно убийца.

— Вы беспощадный убийца, ваших жалких попыток недостаточно для искупления.

— Вы очень жестокий.

— Господи, старик, убивший тридцать два человека, говорит мне, что я жестокий?! Лучше, помалкивай.

8

— Нынче для вас плохой день, ребята. В последнее время вам приходится очень туго, — произнес старик после долгого молчания.

— Это точно, — буркнул Эмиль, — как и вчера. Собственно говоря, и позавчера. Ни один из дней прожитых мной за последние полгода, не был хорошим для меня.

— Тяжелые и плохие дни оставляют шрамы на сердце. Зачастую шрамы очень глубокие. Даже зарубцевавшись, они продолжают кровоточить. Чем больше мы живем, тем больше шрамов. Если повезет, одна из ран и заживет. К концу жизни от сердца нечего и не останется — одни шрамы.

— Убийца-философ. Наверное, обычное явление. Психически здоровые люди разве становятся маньяками?

— Я бы, пожалуй, тоже поступал именно так, — произнес Матвей. Недолгий сон и несколько ложек супа вернули ему силы. — Все это мучительно больно. Я не чувствую ни ног, ни рук.

— Ты очень бледный. — Профессор потрогал лоб Матвея. — Температура под сорок, не меньше.

— Поташнивает и мышцы болят, — писатель лег на койку и закрыл глаза. Судорога холодным током сковала его тело на несколько секунд, изогнув его тело в дугу. Ком подкатил к горлу и Матвея вырвало.

— Оно умирает... — проговорил старик.

9

За ночь Белый халат приходил два раза. Он делал Матвею все новые и новые инъекции. Писатель не кричал лишь в те редкие минуты, когда его тело было свободно от боли. К утру Матвея пришлось привязать к койке. Писатель метался по камере в сильном приступе и мог навредить себе.

Доктора сопровождали двое в камуфляжной форме, в одном из которых Эмиль узнал толстяка, которого Матвей оглушил ударом рукоятки пистолета. На его запястье висели дорогие часы Виктора.

К обеду третьего дня пребывания в камере Матвей пришел в себя. Когда сознание прояснилось, писатель встал на ноги. Он сделал несколько упражнений, чтобы размять спину и шею.

Дверь камеры напротив, была распахнута. Матвей разбудил Эмиля и сел на кровать.

— Как думаешь, ему задают вопросы, или вкалывают экспериментальные препараты? — спросил профессор.

— И то и другое, надо полагать. Только в обратной последовательности. Надо же как-то узнать о побочных действиях.

— А ты хорошо выглядишь. По крайней мере, лучше, чем вчера.

— Надеюсь, через пару часов смогу пройтись, возможно, и бегать.

— У тебя есть план? — Эмиль подошел к раковине и ополоснул лицо холодной водой.

— В каком-то фильме я видел один трюк. — Матвей подошел к решетке и попробовал быстро просунуть руки. Он сделал неловкое движение, словно баскетболист поймавший мяч. Прodelав это несколько раз, он обернулся. — Может у тебя лучше получится? — в его голосе читались нотки азарта.

Покачав головой, Эмиль сел на край кровати.

— План — дерьмо, — профессор зашнуровал ботинки. — Свернуть охраннику шею... В твоём стиле. Хотя думаю, я сам к нему рано или поздно пришел. Одно смущает, а если у него не будет ключей?

Эмиль встал у решетки и повторил движения Матвея.

— И еще один вопрос. Как сделать так, чтобы охранник подошел на расстояние вытянутой руки? И что делать, если они будут вдвоем?

— Это я еще не придумал, — произнес Матвей с легким налетом разочарования в голосе.

Профессор шагами отмерил камеру из угла в угол. Покусывая губы, он пошарил в карманах. Внезапно нащупав что-то особенное, он изменился в лице и вытащил обломок вилки.

— Вот оно! — воскликнул Эмиль, словно в его руках был ключ от камеры.

— Издеваешься?... — Матвей снисходительно взглянул на остаток столового прибора.

— Не стоит недооценивать возможности этого сувенира. — Профессор прорезал вилкой воздух.

— Господи... Мне интересно, как такую ерунду способен говорит ученый, умный мужчина. Профессор. Все-таки есть вероятность, что мы не выберемся отсюда!

— Отнесись к этому как к приключению. Ведь это намного лучше, чем сдохнуть в вонючей постели, мочась под себя и скуля соцработникам о болячках.

— Ну и какой у тебя план?

— Если придет один, я все возьму на себя, если придут двое или один без ключей на поясе — повторим мероприятие через час.

Эмиль подбросил вилку в воздухе и спрятал ее за ремень.

10

— Эй, там! Есть здесь кто-нибудь?! Эй!.. — Эмиль кричал, постукивая деревянной ложкой по решетке. — Эй, моему другу плохо! Здесь есть кто-нибудь? Чертовы засранцы!.. Эй!!! Моему товарищу... очень плохо!!!

Профессор барабанил по решетке еще с минуту. Он начал стучать усерднее, когда в коридоре послышались шаги. Белый халат шел первым, подталкиваемый профессиональным любопытством. Следом лениво брел охранник, сонно придерживая рукоять автомата.

— Он просто потерял сознание? — ученый встал у дверей, терпеливо ожидая охранника.

— Его затрясло. А потом из его рта пошла пена. Он упал и... — Эмиль талантливо изображал взволнованность и старался держаться плотнее к двери.

— Отойти в сторону! — крик охранника был неимоверно отчаянным, что и ученый невольно вздрогнул. — Отвернуться к стене, руки вверх, чтобы я видел! Без глупостей, Гулливер! — военный, держа профессора на мушке, потянулся за ключом.

Найдя в увесистой связке нужный ключ, охранник открыл ключ, и уступил дорогу Белому халату. Ученый перевернул Матвея и попытался нащупать пульс. Охранник подошел ближе и пытался взглянуть на писателя из-за спины ученого.

Эмиль развернулся и, схватив охранника за голову, вонзил в обломок в глаз. Затем резко вдавил его ладонью. Опешивший доктор вскинул вверх руки. Взгляд ученого метался между торчащим из глазной впадины металлическим кончиком и кулаком Эмиля.

Профессор схватил доктора за запястье и вывернул ему руку. Ладонь Эмиля погасила крик в зародыше.

Матвей тем временем поднялся на ноги, снял с охранника автомат и ключи. По полу медленными, даже сонными ручьями растекалась кровь. На запястьях Белого халата защелкнулись наручники.

— Весьма опрометчиво и необдуманно с вашей стороны, молодые люди, — произнес доктор. — Вы не выберетесь отсюда! Вы трупы...

— Но ты ведь нам поможешь? — Матвей ткнул дулом автомата между ребер доктора.

— Все выходы тщательно охраняются. Вокруг базы шесть вышек...

— Пуганые уже. — Эмиль перенес тело охранника на койку и накрыл его одеялом.

11

От воя сирены закладывало в ушах. Он застал беглецов на лестнице. Эмиль схватил ученого за локоть. Профессор хотел что-то сказать, когда раздался щелчок. Из распылителей на потолке полилась вода.

— Где-то пожар! — доктор подался вперед, но цепкий захват вернул его обратно.

Два мощных взрыва раздались с интервалом в несколько секунд. Мужчин сбило с ног и прижало к стене.

— Выход там!.. — Белый халат кивнул в сторону одного из коридоров.

— Если это ловушка, в твой глаз войдет ложка. Ты знаешь, как это происходит, — язвительно процедил Эмиль в ухо ученому. Белый халат, подбадриваемый болезненными толчками, шел первым.

Ученый вел их по бесконечному лабиринту коридоров. Они скрывались за ближайшими дверями, когда спереди доносились шаги. Сквозь узенькое окно Эмиль увидел людей с огнетушителями. На них были защитные костюмы со шлемами, больше походившие на скафандры американских астронавтов.

Ученый вывел из полусферы через узкую вентиляционную шахту. Они оказались в ста метрах от пылавшей в огне базы-лаборатории, которые им пришлось проползти с противогазами на лицах. Дым был неимоверно едким. Охранники поливали полусферу густой белой пеной из семи шлангов. Кто-то пытался побороть пламя струей из огнетушителя.

Казалось, все это только подпитывало неестественный красно-зеленый огонь. Пожар превращался в безудержную стихию, перекидываясь на деревья и сухую траву.

Троица, воспользовавшись суматохой, устремилась к обрыву.

Два мощных взрыва разнесли полусферу на две части. Осколки стекла, и обломки железной конструкции разлетелись во все стороны, срезав кроны деревьев. Мужские крики последовали за мощным грохотом — кого-то придавило плитой.

Послышался ужасающий скрежет и скрип, походивший на крик огромной птицы юрского периода. Из недр горевших руин мощный зеленый гейзер диаметром в два-два с половиной метра. Лава растекалась, затем собираясь снова, выстреливала вверх с еще большей силой.

Чавкающая масса в считанные секунды накрыла всех, кто боролся с ней. С треском ломая кости людям, она утягивала одного за другим под землю. Тварь настигала все новые цели, превращая в пепел все на своем пути — цистерны, грузовики, вышки, водонапорную башню.

Словно собравшись с силами, ОНО устремилась еще раз наверх, на этот раз возвысившись над деревьями, обнажив выжженную землю и обуглившиеся руины.

Эмиль и Матвей некоторое время наблюдали за происходящим. Но едва оценив мощь надвигающейся твари, они бросились бежать. Ученый бросился за ними. Он выронил очки еще в вентиляционной шахте. Каждый незамеченный сук и корни деревьев останавливали его, сваливая с ног.

С огромным грохотом лава расплескалась по земле и ушла в почву, словно под травой была первоклассная дренажная система.

Эмиль и Матвей скатывались по слякоти, собирая ладонями грязь и занозы. Только спустившись на дно обрыва, они заметили на противоположном склоне два тела. Оба были накрыты тряпками. В одном из безжизненных тел Матвей узнал Виктора — с новых ботинок так и не был оторван ярлык с ценником.

Они замедлили бег, чтобы успокоить дыхание, благодаря чему их догнал ученый. Сняв на ходу белый халат, он бросил его на землю.

— Если бы не вы со своими уколами, мы бежали также быстро! — гневно сказал Эмиль, когда мужчина поравнялся с ними.

— Если бы не я, вашего друга не было бы среди живых, — хладнокровно ответил ученый.

— Вы больше не заложник. Можете катиться на все четыре стороны! Черт бы вас побрал! Хренов ботаник!

— Я пойду с вами! — твердый ответ ученого удивил даже его самого.

Через взрывов раздавшихся за спиной заглушила разговор. Чудовищный скрип вынудил приложить руки к ладоням. Дрожь ходила по земле некоторое время, едва не сбив с ног мужчин. Отголоски грохота висели в воздухе еще с полминуты.

Ученый первым добрался до тел и откинул тряпки. Виктор лежал с открытыми глазами. На лице спеклась струйка крови, вытекающая из отверстия между глазами.

Под второй грудой тряпок лежало тело старика-отшельника. Руки прикрывали распоротую грудную клетку. Кожа шеи, от мочки уха до ямочки, там, где начинается грудь, была сшита грубой черной ниткой. Безобразный шов был затянут так, что кожа местами рвалась от натяжки. Создавалось впечатление, что кто-то усердно пытался позаимствовать у него шейный позвонок, а затем, убедившись в безуспешности затеянного наспех зашил все обратно.

— Расстояние между ними в полшага. Полагаю, они пришли сюда на своих ногах. А затем их... — Матвей однозначно промолчал.

— На краях раны — ожог, — отметил Эмиль, — стреляли в упор.

Профессор осмотрел рану, затем проверил карманы и рюкзак, оказавшиеся пустыми.

— Едва ли они что-нибудь оставили там, — лаконично произнес ученый.

— Этот парень был не таким простым. — Матвей присоединился к Эмилю. Он провел пальцами за ушами, осмотрел ладони, ощупал щеки, и, морщась, заглянул в рот.

Отойдя, Матвей задумчиво вздохнул. Через миг, осененный он сел на колени. Не развязывая шнурков, писатель стянул с Виктора ботинки.

— Одолжи мне свою чудо-вилку.

Заинтересовавшийся происходящим, Эмиль протянул столовый прибор и уселся рядом.

Матвей ловко разобрался с первым ботинком. Подошва и каблук были раскромсаны в считанные секунды. Вторым дался не так легко. На швах виднелись следы высохшего клея. Эмиль нетерпеливо выхватил ботинок и судорожно содрал каблук.

На траву выпала черная пластинка. Вытерев руку о рубашку, Матвей поднял ее.

— Я требую, чтобы вы отдали мне это! — Доктор вытянул руку.

Эмиль медленно встал на ноги и наотмашь ударил ученого по лицу. Белый халат покатился вниз. Ударившись о камень, он потерял сознание.

Профессор размял ладонь и сел обратно.

— Карта памяти от его фотокамеры, — Эмиль жевал губы. — Мне интересно, когда он успел сделать такой тайничок?

— В самолете он полчаса провел в туалете. Ты спал. — Матвей засунул карту в нагрудный карман. — Жаловался на диарею, грешил на котлетки.

— Этот зануда мне никогда не нравился, — Эмиль отбросил остатки обуви. Собрав тряпки в охапку, он снова накрыл ими тела. — Нам нужно идти. Пока есть силы и не хочется

есть.

— Ты как-то выбрался отсюда. Сможешь еще раз.

12

Матвей думал о том, что он не чувствовал себя настолько хорошо. Чистый воздух казался ему невероятно сладким. Он наполнял им свои легкие снова и снова, стараясь захватить больше. Мысль о том, что телепортации из тайги на уютный диванчик была бы как нельзя вовремя, позабавила его.

Они отошли на три десятка метров, когда услышали кашель. Старик стянул с лица тряпки и сплюнул комок крови. Писатель и профессор тут же прибежали обратно.

Старик схватил Матвея за рукав и подтянул поближе.

— Оно ищет себе нового хозяина... ОНО разозлилось. — Из шва на шее потекла кровь. — Оно погубит всех людей!

— Как ее убить?! — Эмиль приложил тряпку к шее старика.

— Я... Я не знаю. Сгорело все: сооружение, которое усмирило тварь. Люди, которые смогли его построить. Здесь оно доберется до вас. Бегите... Поднимайтесь на гору. Там она бессильна... Нужно покончить с ней! Убейте ее...

Старик глубоко шумно вдохнул. Его глаза закатились. Пальцы, судорожно вцепившиеся в рукав писателя, ослабли. Воздух так и не вышел из наполненных легких.

— Похоронить их нужно... Не по-людски оставлять вот так вот, — Матвей вновь накрыл лицо старика.

— Согласен. У меня промелькнула такая же мысль. Я думаю, у нас хватит сил вырыть пару неглубоких могил. Надеюсь, эта тварь не выскочит под ногами.

13

Жажда и усталость делали шаги маленькими и медленными. Мужчины не спускались в обрывы — по низинам кипящим зеленым бульоном растекалось чудовище. Они прошли мимо новых могил трижды в поисках выхода из ловушки.

Ночь опустилась с неба большой чернокрылой птицей, оставив людей в непроглядной темноте. Начался дождь, словно испытывая парней на стойкость.

Измотанный опытами Матвей падал в грязь, спотыкаясь о подлые вездесущие корни вековых деревьев.

События дня, словно повинувшись какой-то заевшей кнопке перемотки назад, прокручивались перед глазами.

«Виктор не заслуживал такой смерти. Любопытство оплачено слишком высокой ценой» — мысль пронеслась в голове и неосознанно была произнесена вслух.

— Да этот парень хоть и был мудаком, но не заслуживал такой смерти. Просто эта тварь, такое же явление природы как молния или торнадо. Стихия, обладающая определенным интеллектом. Нужно подумать, как перехитрить ее, или хотя бы ранить. Хотя сейчас нужно просто выбраться отсюда. У нас есть сред... — Эмиль прервал ход мысли и помог упавшему Матвею встать на ноги. Он прислонил его о толстое дерево. — Нужно выбраться пока мы не умерли от обезвоживания и голода.

— Расхаживая в темноте, мы вряд ли сможем отсюда выбраться, — писатель сполз,

опираясь о дерево, и присел на корточки. — Если мы будем сидеть на месте, замерзнем и не дотянем до рассвета. У меня были спички...

— Если мы разожжем костер, оно сиюминутно доберется до нас, — Эмиль покачал головой.

— Я думаю...

Отчаянный крик перебил писателя. Мужчины озирались, вглядываясь в темноту.

— Это ученый, — усмехнулся Матвей. — Наверное, решил проскочить по дну обрыва незамеченным.

— Безумец... — рассеянно ответил Эмиль.

— Слушай, большая любовь к телевизору мне очень помогает. Матвей примерился к куче листвы собранной ветром у огромного валуна. — Я смотрел документальный фильм об одном экстремале. Блуждая по Аляске, на ночь он зарылся под камнем, слоем грязи и листвы. Шутил, что так не превратишься в оледеневшее безобразия.

— Так и сделаем. Он не рассказывал, как из коры дерева приготовить жареную баранину? Есть хочется. Желудок завывает, покрепче любого волка. Кстати о них. Три года назад их здесь было очень много. Сейчас ни одного... Выживает сильнейший...

Они лежали, тесно прижавшись, друг к другу, под плотным слоем слякоти и листвы. Из-под камня вырывались клубы пара. Белым облаком они рассеивались, повинуюсь воле холодного и беспечного ветра. Проказник беспрестанно приносил со дна обрыва запах жареного человеческого мяса.

«День рождения выдалось на славу. Да, именно так. Таких шумных именин у меня еще не было!» — первая мысль после пробуждения была такой же неясной, как и холодное августовское утро.

Моросил дождь, наполняя подол неправильно установленной палатки водой. Промокший насквозь свитер безумно отяжелел и пах водкой.

Небо, еще несколько часов назад украшенное россыпью звезд, спряталось за тяжелыми и похожими на брови стариков облаками.

Пришедшее ощущение пережитого праздника наполнило душу грустью. Потухший костер подсознательно отождествлялся с этой грустью. Головная боль на ее фоне казалась ничтожным пустяком.

Спрятав палатку и остатки пиршества под орешником, четверка хороших друзей, смеясь друг над другом, двинулась по размытой дороге. Грязь собиралась под подошвами, не давая четко поднимать ноги.

В прозрачном пакете лежали подарки. Дешевый одеколон, обдававший крепким сладким ароматом. Рамка для фотографии. Набор для бритья. Раскладной нож, с уже сломанной открывалкой. Дождевая вода смыла все надписи на красочных открытках.

«Ну, Матвей, это было круто! Отлично зажгли! Праздник на славу!» — Эдик болтал без умолку.

«А я все-таки трахнул Женьку! Если бы только видели эти груди!.. Дыньки... Божественно!..» — вот и Альфред-Казанова ожил. От него удушливо пахло новым одеколоном Матвея. Из кармана торчали бретельки красных трусиков.

Стрингам черноволосой Женьки было суждено остаться забытыми в бардачке старого «Москвича» — первой машины Матвея. Через три месяца он подвозил ее до университета. Ее удивление было запредельным, когда она в поиске шариковой ручки натолкнулась на знакомую вещицу.

Эта сука хохотала так, что, пожалуй, еще чуть-чуть, и она сделала бы кое-что не хорошее прямо на сидение. «Извращенцы!.. — она хохотала, когда выходила из машины. Она даже рассказала обо всем встречавшим ее подругам.

Когда Матвей, развернувшись, выезжал на проспект, над ним смеялись уже полдюжины ярко накрашенных первокурсниц, забыв о необходимости ежеминутно надувать пузырь из жвачки.

Интересно, как его угораздило влюбиться в нее?

К черту!

После дня рождения Матвей пришел домой, сменил одежду и отправился пасти деревенское стадо. Дождь лил до обеда, что особенно радовало — стадо не разбежалось и держалось плотной кучей.

В горле раскаленным комком обустроилась жажда. Она мучила до обеда, пока чинивший неподалеку комбайн механизатор не угостил его холодным чаем с лимоном.

Жажда — жестокая штука.

Высохшие губы не проронят ни слова, без стакана холодной воды...

Что там говорили в изъезженном рекламном ролике?

Жажда — все?

Сукины дети, вы были чертовски правы!

1

Холод камня не давал заснуть достаточно долго. Запах обгоревшего мяса впивался в нос и дразнил желудок.

Где-то в такой же ловушке — на островке, окруженном всепожирающей лавой — были волки. Нестройный хор обезумевших животных терзал натянутый тетивой нервы.

«Было бы прекрасно, если вы заткнулись!..» — последняя мысль Матвея, растворилась в отдаленном уголке сознания, прежде чем волна судорог охватила его тело, и он потерял сознание.

* * *

Анна шла рядом...

Они гуляли по парку, по желто-красному ковру из кленовых листьев. Матвей хотел взять девушку за руку, но она убежала от парня. Звонкий смех терялся среди стройных деревьев.

«Догоняй, Матик!

Догоняй!..»

Она убегала все дальше и дальше. Ровный и быстрый шаг Матвея никак не хотел превратиться в бег.

Кафе «Золотой дельфин». Безлюдно. Анна уже сидит за столиком в углу. Официантка включила кофеварку и переключила телевизор с канала моды на музыкальный.

Замечательное заведение. Здесь всегда варят отличное кофе.

Кофе и сыр с большими отверстиями. Ламбер — Матвей никак не мог запомнить его сорт. Но она знала, что он любит.

Горячее кофе становится холодным и пахнет глиной.

Кап-кап... По щеке стекает капли дождевой воды.

* * *

Галлюцинации сменялись одна за другой, терзая мозг. Изредка Матвей приходил в себя, но ненадолго. Спина стала мягкой, избавившись от зеленой корки.

Боль в области груди привела Матвея в чувство. Ток пробежал по его телу, несколько раз пометавшись между кончиками волос и пальцами ног. Писатель широко раскрыл глаза и набрал воздуха настолько чудовищной дозой, что приступ кашля не заставил себя ждать. Он хотел подняться, но пара сильных рук уложила его обратно.

Внушительных размеров шприц отошел от его грудной клетки. Руки поднесли к его рту алюминиевую кружку дымящегося... кофе.

Накрашенные ногти с ярким рисунком... Знакомый аромат духов.

Анна накрыла Матвея одеялом. За ее спиной полный мужчина снял перчатки, закрыл коробочку с ампулами и, уложив все в ящик, встал на ноги. Она обняла его, прижавшись к его грязному телу. — Я нашла тебя! — На ее глазах появились слезы.

В нескольких метрах от них на раскладном стуле сидел Эмиль. Укутанный в одеяло, он дрожал, словно только что вышел из проруби.

— Как ты нашла нас? — спросил Матвей.

Девушка целовала его грязные щеки, лоб, теребила его волосы.

— Это все Боммель, — на вопрос ответил мужчина, сделавший укол. — Боммель поработал на славу.

— А кто это?

Немецкая овчарка, бегавшая неподалеку, услышав свою кличку, прильнула к ногам хозяина.

— Кофе вам категорически противопоказан. Я вколол вам адреналин. Вам нужно согреться — для этого нужно поесть. Разогнать кровь. — Мужчина в куртке спасателя помог Матвею встать, — вас ищут все, солдаты, спасатели, ваши студенты, волонтеры. Но они ищут далеко отсюда. Спасибо Петру Николаевичу. Зрение у него острое. Разглядеть с такого расстояния дым — это фантастика.

— Петр Николаевич — наш пилот. — Анна повела Матвея к посаженному на опушке вертолету. А это — Аркадий Ильич — врач института медицины катастроф.

— Мы с Боммелем делаем свою работу, — спасатель помогал идти Эмилю. — У Аннь были ваши вещи — Боммель быстро взял след. К тому же дождя почти не было — след не успел «остыть».

2

Аркадий Ильич оказался очень общительным и веселым. Он все время шутил и одобрительно похлопывал спасенных по плечу своей нечеловечески широкой ладонью. Под аккуратным носом чернела копна ухоженных усов, забавно прихоронившая в движение, когда мужчина улыбался. Утепленная куртка делала его фигуру еще полнее.

— Давайте, лопайте, мужики, — проговорил он, протягивая две миски с дымящимся бульоном. В нем плавали увесистые кубики картошки, кольца лука и весьма аппетитные куски мяса. На краях миски лежали толсто нарезанные ломти белого хлеба. — А я пока свяжусь с начальником штаба. Самые масштабные за всю нашу работу с самого девяносто... — врач задумался.

— Четвертого, — подсказал пилот и протянул рацию.

Аркадий Ильич сухо доложил об успешном результате.

«Отличная работа, Селиверстов! Молодцы!» — последняя фраза командира прозвучала особенно четко и громко.

После того как спасенные мужчины сложили опустошенные миски в сумку, пилот завел двигатель. Вертолет оторвался от земли, приминая к земле траву шквалом воздуха от широких винтов.

Большая площадь тайги, примерно с четыре футбольных поля, была выжжена начисто. Большой черный эллипс пепелища окольцовывали белые столбы — деревья, очищенные от коры и веток.

«Она пыталась охотиться без поводыря» — подумал Эмиль.

Большая куча золы — все, что осталось от полусферы-лаборатории и военной базы. Неподалеку, на дне ущелья лежало обуглившееся тело. Над ним уже кружил вертолет, выбирая удобное место для посадки.

— Наш ночной экстремал, — рассеянно проговорил Матвей.

— Стоило переждать одну ночь, и все было бы в порядке, — сказал Эмиль.

— Вы пролежали под камнем двое суток, — вы профессор вероятно спали. Сон — защитная реакция на холод. Плюс усталость. А писатель был все время без сознания. На базе вас уже ждут медики. Долетим минут за пятьдесят.

3

Матвея сразу же уложили на носилки. Над головой возникла система и по узкому каналу капельницы потекла прозрачная жидкость. Писателя спешно укатали в госпиталь. Анна держала его за руку и бежала рядом.

Эмиля проводили в одну из немногочисленных палат на первом этаже. Санитар принес аккуратно сложенную чистую одежду. На осмотр это оказался спортивный костюм и футболка.

— Раздевайтесь до пояса, — скомандовала с ходу зашедшая в палату женщина врач.

Около получаса она ощупывала каждый миллиметр тела Эмиля. Измерила давление, пульс. Посветила фонариком в зрачки. Отстучала молотком по коленям. Затем настал черед фанидоскопа. Она отслушала грудную клетку. Профессор послушно встал на весы, затем лег под рентген.

После всех обследований его проводили в душ. Эмиль неуклюже разворачивался под струей воды, пытаясь высвободить каждую складку кожи от таежной грязи. Он размышлял, о том, что сейчас врачи делали с Матвеем — ведь его дела обстояли намного хуже.

Простояв под горячей водой около сорока минут, Эмиль насухо вытерся больничным полотенцем и облачился в чистую одежду.

— Вы в полном порядке. Вам нужно отдохнуть, восстановить физические кондиции, набрать оптимальный вес. Мы понаблюдаем за вами пару дней, — женщина улыбнулась и вручила Эмилю больничную карту. Пройдете в регистратуру: вас определят в палату.

— Спасибо. А где тут у вас телефон?

— Там же... Кстати, чуть не забыла. Незадолго до вашего прибытия разговаривала с вашей супругой по телефону. Вашу дочь перевели в другую клинику. Она чувствует себя хорошо. Я обещала ей перезвонить после того, как осмотрю вас. Но учитывая то, что вы в неплохой форме, думаю, вы сами с этим справитесь.

— Да, вполне. Я могу идти?

Женщина кивнула.

Эмиль буквально выскочил из кабинета. Он бесцеремонно протянул руку за стойку и достал телефон. Никто из медсестер, словно привычные к такому поведению не обратил на это внимания.

4

Положив трубку после долгой беседы, профессор подошел к медсестре.

— Я могу навестить своего товарища? — спросил Эмиль.

— Да, конечно. Второй этаж двести третья палата. Ваша — напротив. Двести шестнадцатая, — ответила смуглая медсестра. Она выдала профессору тапочки, мыло и рулон туалетной бумаги. — Чуть позже вам занесут постельное белье. Если что, обращайтесь.

— Спасибо, вы чрезвычайно любезны, — Эмиль добродушно улыбнулся. Взяв со стойки «комплект для пребывания» он направился к лестнице. Профессор достал из кармана пробирку с зеленоватой жидкостью. Подержав в ладони, он пару раз встряхнул ее. Стая маленьких пузырьков потянулась к пробке и растворилась так же внезапно, как и появилась.

Новость о найденном средстве заметно обрадовало Карину. Он промолчал о том, что не знает о том, как им пользоваться, но это было не особо важным. Профессор был готов испытывать не только на мышах, но и на себе.

Дверь палаты Матвея была приоткрыта. Писатель лежал под толстым одеялом. Загробная бледность еще не сошла с его лица. На ногтях виднелись ярко зеленые полосы. Анна сидела рядом, и как только Эмиль вошел, она повернулась к нему.

— Профессор, у вас правда есть лекарство? — спросила она.

Эмиль подошел к Матвею с другой стороны кушетки и достал пробирку.

— Средство есть. Рецепта по применению нет, — проговорил он. — Но я в короткое время испытаю на мышах. Все будет отлично. Как ты себя чувствуешь?

— Лучше. Правда, ощущения сродни похмелью. Пульс выстукивает степ-ритмы. Главное, судорог нет. Как ты?

— Звонил домой. Дочь перевели в другую клинику. В кишечнике паразит. Нужно полагать зеленого цвета. Как и у тебя. Полгода лечили кожу... Подумать страшно.

— Старик говорил, у твари новый хозяин. Оно будет продолжать убивать.

— Сейчас есть более важные вещи, — парировал Эмиль. — Жизнь моей дочери, твоя жизнь. К тому же ты уже не холостяк.

— Это ты в точку.

Эмиль позаимствовал у Анны сотовый телефон и вышел в коридор. Он предполагал, что у его знакомых в военном ведомстве есть для него новости.

Он был прав.

5

Они смотрели друг другу в глаза и молчали. Анна теребила его волосы, гладила пальцами лицо, обводя контуры обветренных губ и поредевших бровей. Взгляды держались, даже когда медсестра устанавливала капельницу с глюкозой и поправила подушку.

Изредка из конца коридора доносились возгласы профессора. Эмиль оживленно беседовал по телефону, иногда утихомиривая свой пыл, повинуюсь шиканью медсестер.

«Черт, черт, черт!

Да, как же так?

Сукины дети! Сукины дети!...» — снова и снова слышалось из коридора.

Запах таблеток, крема после бритья, дымящейся овсяной каши, легкий аромат духов Анны наполняли воздух больничной палаты.

Матвей лежал неподвижно, словно боясь потерять волну блаженства, от соприкосновения чистой кожи со свежей выглаженной пижамой. К тому же зуд в кровеносных сосудах сошел на нет, а к нему писатель успел привыкнуть.

Невольно он взглянул на блокнот и ручку, лежавшие на столе. Матвей сглотнул и отвел взгляд.

— Хочешь поработать? — Анна потянулась к столу, — я могу приготовить тебе рабочее место.

— Нет, не стоит, — Матвей остановил девушку, — хочу нагулять аппетит. Я настолько голоден до творчества, что написал бы пять-шесть глав, не вставая со стола.

— Ну, как хочешь, — Анна вернулась к кушетке.

Эмиль вернулся в палату через полчаса. Растерянно протянув Анне телефон, он присел на табуретку.

— Там, наверное, осталось мало денег на счету, — проговорил он, смущенно кивая на мобильник.

— Нечего страшного, — ответила Анна.

— Хороших новостей нет. Военные сейчас утверждают, что создание военной базы и лаборатории не было санкционировано ими, и это дело рук частных компаний из Европы и Штатов. Но множество военачальников лишилось погон. В основном те, которые нам помогали. Все настолько засекречено, что нас не будут допрашивать. То есть, свидетелей происшествия нет. По их логике, если мы начнем, что-то говорить, нас сочтут за сумасшедших. Лишний шум им сейчас ни к чему. Все ученые и охранники погибли. Многих даже не опознали.

— Оно на свободе. Через лет двадцать оно будет размером с Москву, через сто с область, — сказал Матвей.

— Если вы расскажете об этом, вас примут за параноиков. — Анна поднесла к Матвею тарелку с кашей. Писатель задумчиво поковырял ложкой и принялся за еду.

Молчание не успело раскинуть сети — в дверном проеме показалась голова медсестры.

— К вам посетитель, — проговорила она, смутившись от всеобщего внимания.

— Вы кого-то ждете? — спросил Эмиль. В ответ он получил только пожатие плечами.

На пороге показался толстый мужчина, в котором Матвей и Эмиль не без труда узнали охранника, сброшенного с вышки. Он с ходу протянул часы Виктора Эмилю.

— Я хорошо понимаю, что сейчас вы меньше всего ожидали увидеть меня. — Лейтенант смущенно пытался найти место рукам. — Мне нужна ваша помощь. Он приподнял штанины, обнажив позеленевшие ноги. У меня есть сбережения, машина, дом. Я могу заплатить, только помогите мне!

— Мне интересно, как вам удалось выжить? — спросил Эмиль, передавая часы с разбитым стеклом Матвею.

— Я нес вахту на вышке, когда начался пожар. Но я слишком поздно начал убегать. И подцепил эту заразу. Я видел тело вашего друга и...

— Кто их убил? — бесцеремонно перебил лейтенанта Матвей.

— Полковник отдал приказ ну и... Ваш друг тоже бы заражен.

— Вы говорите о Викторе? — Анна взглянула на Матвея, затем на Эмиля.

Писатель кивнул.

— Мы оставили вас связанным на дне оврага. Как вы выбрались? — в голосе Эмиля читались нотки раздражения.

— Он сам освободил меня. Предложил сделку. Карту-допуск вместе ключами от всех лабораторий на часы и тысячу долларов.

— Забрали часы, деньги. А потом сами же его поймали! — гневно выдавил Эмиль.

— Он сам полез на рожон, — лейтенант на миг опешил. — Полез в главную лабораторию, хотя бы маску мог одеть. Его и повязали. Так вы можете мне помочь.

Эмиль неспешно подошел к лейтенанту. Он засунул руки в карманы и выдержал небольшую паузу.

— Нам нужна подопытная мышь.

Лейтенант сам растер руку проспиртованной ватой. Легкая дрожь и «гусиная кожа» выдавали его волнение. Нервно перетянув руку жгутом, он отвернулся, чтобы не видеть, как зеленая жидкость из маленького шприца перемещается в его набухшую вену. Эмиль долго прицеливался, прежде чем игла коснулась зеленоватой кожи толстяка.

Все это происходило в туалете госпиталя медицины катастроф, в окружении четырех холодных стен, обклеенными голубой плиткой.

За дверью стоял Матвей, сообщая каждому желающему посетить заветную комнату, о том, что туалет не работает, сантехники только подошли и скоро должны принести табличку.

Лейтенант глубоко и часто дышал, ожидая каких-то спазмов или приступа. Но нечего не было. Он размял руку и приложил ватный диск к маленькому следу от укола.

— Может нужно больше? — спросил лейтенант.

— Я проанализировал состав, благо медсестры здесь хорошие, одолжили реагенты и списанные приборы. Два кубика этой дряни убьют слона.

— Действительно, больше не стоит. Только я совсем ничего не чувствую, — лейтенант выбросил ватный диск в корзину. Он подошел к раковине. После пары глотков холодной воды, лейтенант умыл лицо. Он взглянул на свое отражение в прямоугольном зеркале и хотел потянуться к бумажному полотенцу.

Кашель сменился рвотой. Лейтенант упал на раковину, вырвав ее из креплений. Каждая мышца его тела была напряжена. Мужчина поднял штанину. Кожа на икроножных мышцах пульсировала вверх — вниз, вверх — вниз. словно под кожей копошились черви.

Забыв о своем задании, в туалет забежал Матвей.

— Дверь! — крикнул Эмиль. Зашедшая следом Анна, легко сориентировалась в ситуации и заперла дверь на шпингалет.

Лейтенанта выгнуло в дугу. Его тело трясло в жутких спазмах. Из рта текла зеленовато-белесая масса. Через минуту толстяк начал хрипеть. Ему не хватало воздуха, и он судорожно шевелил скулами. Лицо приобрело багрово-зеленый цвет.

Толстяк встал на четвереньки. Его спина была все также изогнута дугой. Он втянул шею. Рот мужчины был раскрыт настолько широко, что челюстная кость хрустнула. Короткий стон вырвался из закупоренной глотки.

Из рта лейтенанта показалось нечто густое как желе, и слизкое, как улитка без раковины. У твари был колючий усик с короткими шипами. Спинка была увенчана прозрачным гребнем. В длину она была не больше ладони, в ширину около трех сантиметров.

Она с плеском вывалилась на лужу блювотины и с ловкостью угря, устремилась под одну из кабинок. Ботинок Эмиля наступил тварь у канализационного стока.

— Эй, что там у вас происходит? — крик донесся из-за двери. Кто-то усиленно дергал

за дверной косяк.

Эмиль кивнул, и Матвей открыл дверь. На пороге стояли медсестры с регистратуры и один из пациентов.

— Ему нужен врач! Ему стало внезапно плохо, и он упал... — Эмиль взвалил руку толстяка на плечо и помог ему встать. — Позовите врача!

Растерявшаяся на миг медсестра («смуглая, как актриса бразильского кино» — подметил Эмиль) быстро взяла себя в руки и побежала к стойке.

— Мне уже лучше, — прохрипел толстяк, вытирая лицо бумажными полотенцами. Он кивком поблагодарил Анну, протянувшую ему весь стратегический запас бумажных полотенец туалета.

Пока Эмиль укладывал толстяка на носилки, Матвей соскреб с пола расплющенного слизняка и отправил его в унитаз. Через минуту у туалета собралась добрая половина персонала госпиталя.

7

— Я не хочу, чтобы ты это видела, — сказал Матвей, взяв Анну за руку.

— Я подожду за дверью, — ответила девушка, — не выдержу такого зрелища.

Эмиль терпеливо сидел в углу, уже давно приготовив все необходимое. Он налил себе сока и медленно потягивал его через соломку. Вспомнив о раздавленной в туалете твари, профессор отложил стакан.

Анна вышла из палаты. Он села на одно из кресел вдоль стены.

— Думаешь, со мной будет то же самое? — Матвей заметно нервничал.

— Но ты ведь готов к этому? Ты сильный мужчина. Я буду рядом. В случае чего не дам захлебнуться. У толстяка сломалась челюсть. Твоего наездника я попробую извлечь пинцетом еще на подходе. Я вколю тебе обезболивающее. Потом через некоторое время эту дрянь. — Эмиль подвинул тележку-поднос с двумя шприцами, ватой и спиртом к койке.

Матвей закрыл глаза. Он чувствовал, как профессор перетягивает руку жгутом, натирает ее спиртом. От прикосновения иглы писатель вздрогнул.

Старательно выдерживая дыхание ровным, он сконцентрировался на приближающейся боли. Матвей ждал, пока она выскочит из своей засады и накроет его. Боль — апофеоз всех его мучений с того момента, как он обнаружил зеленую корку, не приходила.

Прошло около десяти минут. Матвей присел. С равнодушным выражением лица направился в туалет справить большую нужду.

8

— Оно умерло и вышло вместе с... ну, ты меня понимаешь, да? — Матвей лег обратно на койку.

— Все так просто? — Эмиль подошел к писателю сразу же, как тот вышел из туалета.

— Да, оно, наверное, умерло, когда этот маньяк пичкал своими гадостями, — писатель явно чувствовал себя как никогда превосходно. Он с легкостью почистил апельсин и окончил с ним в три укуса. — Есть хочется.

— Я принесу, — Анна выскочила из палаты.

— Мой был огромным. Сантиметров сорок. Господи, как это было больно. Чувствую

себя изнасилованным знойным гавайским гомосексуалистом с огромным членом.

Они оба засмеялись. Матвей облегченно откинулся на подушку.

Интерлюдия 4

У смерти страшное лицо. Когда приходит за кем-то, после нажатия на дверной звонок, она кладет свой черный саквояж на пол и выбирает одну из своих ужасных масок. Проходит в гостиную. Кладет саквояж на журнальный стол, затем садится на кресло, с изящной легкостью подбирая черную мантию.

Господи, по иронии судьбы, это любимое кресло того человека, за душой которого она пришла. Смерть прекрасно понимает, что ее здесь ждали. Она делает глубокий выдох, словно ее визит вынужденный. Словно она бессильна перед этой ужасающей ползучей неизбежностью.

Домочадцы сами того не осознавая благодарны ей за освобождение от томительного ожидания. Благодарны, за возможность выспаться следующей ночью, не беспокоясь о том, что со следующим выкриком смертельно больного нужно будет спешить в его комнату. Благодарны ей за этот, пусть и грустный, исход.

Сделав свое дело, она возьмет свой саквояж и направится к выходу. Напоследок, она взглянет в лицо каждого, кто стоит у смертного одра больного, и каждого, кто ждет новостей во дворе.

Она выдохнет еще раз, когда за спиной один за другим послышатся женские рыдания.

Заприметив кого-то, она бросит монетку, может, чтобы вскоре еще раз вернуться сюда. Переступая порог, она снимет маску и вернет ее в свой черный саквояж.

9

Эмиль сидел на узенькой скамье в коридоре клиники. Он хотел выйти и выкурить сигарету, но боялся, что маленькой девочке станет плохо в его отсутствие.

Гнетущее беспокойство металось по телу, вырываясь наружу мелкой дрожью.

Стрелки настенных часов выдавали круг за кругом, пожирая безвозвратное время.

Карина спала в уютном кресле, у изголовья ребенка, укрывшись тонким клетчатым пледом.

Эмиль закрывал глаза, погружаясь в сон. Но через миг просыпался, боясь, что ОНА поставит свой саквояж на скамейку рядом с ним и пройдет мимо него в палату его дочери. Профессор подошел к автомату и налил зеленого чая. Он успел сделать несколько глотков, прежде чем раздались шаги в конце коридора.

Матвей легким кивком поприветствовал Эмиля. Взяв из его рук стакан, глотнул холодного напитка, но будучи любителем кофе, разочарованно вернул стакан.

— Ну и как? Есть улучшения? — спросил писатель, взглянув в палату, через окно.

— Ритм пульса меняется каждый час. Частота сбивается с двойного на тройной. В сознание не приходила.

Матвей снял пиджак и положил его на скамейку. Нащупав в кармане пару монет, он закинул их в автомат. Кофе со сливками приятно влился в горло измученное изжогой. Развязав галстук, Матвей бросил его на пиджак и засучил рукава. Эмиль растерянно

наблюдал за этим.

— Решил поддержать тебя. Ты же не против этого? Если ждать в одиночестве — можно сойти с ума, — проговорил Матвей после того как залпом осушил второй стакан.

— Я очень рад, что ты пришел. Все идет не так, как должно. Я вколол ей вакцину сорок один час назад. Но все тянется намного дольше, чем у тебя и лейтенанта. — Эмиль сел обратно на скамейку. — Полагаю, что зародыш успел развиваться, смог приспособиться, хотя антибиотики тормозили его развитие. Ее лечили от кожного заболевания. А нужно было травить паразита.

— Она потеряла сознание после инъекции?

— Да. Ее язык был зеленым, как лист подорожника и опухшим, словно у нее обезвоживание. Сейчас я даже боюсь взглянуть на него.

— Средство поможет. Все будет хорошо. Еще чуть-чуть и все закончится. А тебе нужно вздремнуть, хотя бы пару часов. Я присмотрю.

— Спасибо. Ты не представляешь, как меня выручил. Нужно следить за кардиограммой, вон та зеленая змейка, играющая зигзагом. Обязательно разбуди, если будут какие-то изменения. Ты отличный человек — Матвей Данилевский! — Эмиль встал на ноги и направился к палате.

— Слушай, Эмиль! Скажи мне, как так произошло, что ты стал профессором в тридцать пять лет? — на лице Матвея появилась ехидная улыбка.

— Так же, как и ты, писателем в двадцать семь, — бодро ответил Эмиль и вошел в палату.

Писателю показалось, что уставший отец заснул ещё в движении, не опустившись в кресло. Взяв стакан капучино, Матвей взял плеер и сел напротив палаты.

10

Прошло четыре с половиной часа, прежде чем Матвей увидел, как девочка сжала кулачки, и через секунду разжала их. Девочка облизнула высохшие губы. Писатель вскочил на ноги, выронив плеер на пол.

Мочевой пузырь, принявший шесть чашек капучино, был готов взорваться. Забыв о дискомфорте, писатель прильнул к окну. Матвей потянул руку к дверному косяку, мимолетно взглянув на профессора и его жену. Эмиль и Карина спали тем мертвым сном, который валит людей, вернувшихся домой с ночной смены.

Девочка ногами стянула одеяло и потянулась, словно пробудившийся в летнюю жару котенок.

Матвей вошел в комнату. Ему стоило бы вести себя тише, но он безразлично шаркал обувью. Девочка открыла глаза, до того как писатель успел разбудить родителей. Он застыл в позе подкрадывающейся пантеры, поймав на себе удивленный взгляд ребенка.

— Привет, маленькая моя! — тихо проговорил Матвей.

— Здравствуйте, — рассеянно ответила девочка.

— Как ты себя чувствуешь?

— Мне хорошо. Нечего не болит. Хочется кушать.

— Я разбужу твоих родителей. Хорошо?

Девочка кивнула. Она присела на кровати и сонно потерла глаза.

Матвей похлопал по плечу Эмиля, затем Карину. Профессор вскочил с места ловкостью

заснувшего на посту солдата, Карина же, некоторое время не могла пробудиться ото сна.

Родители бросились к девочке и обняли ее. Маленькая девочка, на руке которой висел браслет «Лиза», радостно смеялась.

Матвей невольно взглянул на ее язык. Он был естественного цвета. С чувством выполненного долга, писатель накинул пиджак, засунул в карман галстук, и закинул в автомат еще монет. Очередная чашка капучино была выпита наполовину — писатель спешно удалился в туалет.

Выйдя из него, Матвей вернулся к палате. Пальцами он мямл сигарету и с минуту наблюдал за семейной идиллией. К чувство выполненного долга добавились облегчение, радость и удовлетворение. Засунув наушники в ухо, Матвей зашагал к лестницам.

Эмиль хотел догнать писателя. Решив перезвонить ему позже, остался в палате.

Январь 2009

1

Матвей невольно вздрагивал, каждый раз, когда по новостям сообщали о новом пожаре с большим количеством жертв. Но причиной трагедий в домах престарелых и школах были халатность людей, поджоги и замыкание проводки.

Писатель был уверен — ОНО вернется. Даст о себе знать. Начнет убивать. Писатель выключил телевизор и прошел в комнату, переоборудованную под кабинет.

Он прошел к своему компьютеру. На белом листе текстового редактора мигал курсор. Заголовок очередной главы ждал своего развития.

Матвей снял с красного фломастера колпачок и поставил точку на огромной карте. Она висела на стене, за спинкой кресла. Писатель смотрел на города и села, отмеченные тревожной красной точкой каждый день, пытаясь определить какую-нибудь закономерность.

Писатель тщетно старался делать это тайком от беременной жены. Анна была уже на третьем месяце. Ее мучила постоянная изжога. Девушка не расставалась с бутылочками йогурта. Молочными продуктами был заставлен весь холодильник, вытеснив пиво и колбасу Матвея. Хотя после возвращения пил только однажды. В тот день, когда маленькая Лиза пошла на поправку, профессор пришел к нему с двумя бутылками ужасной выпивки, называемое им «домашним самогоном».

Со времени выписки из госпиталя прошло пять месяцев. Средний палец и мизинец правой руки так и не слушались своего хозяина. К тому же писатель безуспешно пытался избавиться от ночных кошмаров. Анна быстро привыкла к звукам шлепающих по полу ног — Матвей выходил на кухню и пил кофе. Затем, полагая, что Анна не почувствует запах дыма, курил, включив вытяжку и распахнув форточку.

В восьмистах километрах от Москвы, в Казани, профессор кафедры геологии и геофизики занимался тем же самым. С той лишь разницей, что Эмиль посвящал поиску чудовища все свое свободное время. Вместо красных точек — изображения красных флажков на электронных картах каждого региона страны. И одна сводная карта — со всеми флажками. За последние месяцы их собралось около сотни.

Эмиль порывался позвонить Матвею каждый раз, когда натыкался на сообщение о серьезном пожаре. Но выясняя, что это результат детской шалости, безответственности туристов или короткого замыкания, сникал. Они созванивались все реже. В основном, чтобы поздравить друг друга с праздниками, обменяться идеями по уходу за ребенком. И главное, убедиться, что все «нормально».

Над картами в кабинете Матвея висели еще четыре фотографии. Изображения полусферы, сожженных деревьев и останков животных пугали Анну, и писатель собирался убрать их. Карта памяти, извлеченная из ботинка Виктора, лежала в сейфе.

Отбросив фломастер, Матвей сел за стол. Издательство «Аметист» купившее его книги, выдало ему срок в шесть месяцев для написания следующей книги. Он планировал закончить

первый черновой вариант за два месяца, и почти уложился в отведенные для себя рамки. Мысли о твари не давали сосредоточиться на работе.

«Бесконечный рассвет» вышел тиражом в двести тысяч экземпляров. Весь тираж был раскуплен за три недели. «Аметист» готовил переиздание уже в твердой обложке в самое ближайшее время.

Жизнь возвращалась в прежнее русло, расширяя его и превращая каменистое дно в нежно-песчаное. Анна была невероятно рада этому. Матвей старался уделять ей больше времени — за компьютером он сидел с семи утра до часу дня.

На конец января была намечена встреча с читателями в зале библиотеки имени Павленко. Это мероприятие особо беспокоило Матвея. Он получал множество писем, среди которых были и гневно-критические отзывы.

Максим, его литературный агент, заверял, что эта встреча увеличит объем продаж. Тогда издательство дозреет до того, чтобы купить его рассказы и напечатать в одном сборнике. Также он говорил, что интересующихся его творчеством очень много, и возможно придется перенести встречу в свободный зал кинотеатра «Синема-мир».

В Интернете появился сайт поклонников творчества писателя Матвея Данилевского. Количество посетителей росло с каждым днем, как и объемы продаж книг. Самому писателю нравился раздел цитат из его романов. Он часто открывал эту квинтэссенцию своих мыслей и перечитывал, радуясь удачным моментам.

В первый же день после возвращения, Анна содрала с холодильника все письма с отказами и сожгла. Иногда она заходила в кабинет Матвея, устраивалась на диван с одной из его книг. И неизменно засыпала, что забавляло писателя. Каждый раз, когда Анна заходила к нему, он невольно смотрел на сложенный плед. Он заботливо укрывал ее, и переставал щелкать по клавишам, принимаясь за чтение.

По выходным они выбирались на озеро в деревянный охотничий домик. Жарили на костре куриное мясо, сосиски. Затем часами сидели у камина.

Матвей брал удочку. Рыбалка с Анной превращалась в искрометную забаву. Жалость девушки к дождевым червям улетучивалась, как только над гладью озера показывалась первая трепыхающаяся рыбка.

Дописанный черновой вариант романа «След убегающей звезды» он отложил на полку для «дозревания». Это была история двух альпинистов, наткнувшихся на небольшой неизвестный этнос среди вершин Урала. Жители деревушки поклонялись божеству, которому приносились жертвы. В том числе и человеческие. Раз в пять лет в «пещеру жертв» отправляли трех девушек, достигших совершеннолетия. Изюминка сюжета заключалась в том, что в жертву должна будет принесена девушка, в которую влюбился один из скалолазов.

Эта история настолько заволочла писателя и втянула его в работу, что на некоторое время Матвей забывал о чудовище, выжидающем свой час в недрах тайги. Иногда на карте не появлялось красных точек на протяжении многих дней.

Ему нравилось то, что ему удастся совмещать любимое ремесло с заботами о простых житейских мелочах. Матвей сам делал ремонт в детской, покупал вместе с Анной мебель и игрушки, подолгу выбирая из множества цветов, изматывая продавцов.

Иногда писателю казалось, что все произошедшее с ним в сибирской тайге — затянувшийся кошмар; сон, который разогнала Анна. Но что-то в отдаленном уголке его разума кричало: ОНО живо; возможно наевшись вдоволь, впало в спячку.

Но тварь вернется!

Карина Аскарлова считала, что она поймала тот самый «попутный ветер». Непривычное чувство того, что все уже пережито, приятно грело душу. Она думала, что ей удалось схватиться за тот самый «штурвал, который вывел ее из густого тумана», как героиню одного из рассказов неподражаемого Стивена Кинга. И впрочем, была права.

Она чувствовала себя счастливой. Заслугу в этом она приписывала Эмилю. Вопросы «Что с нами будет» и «Что делать дальше» больше не тревожили ее. Более того казались смешными.

В течение мимолетных месяцев после выздоровления их дочери Лизы в их семье произошло несколько приятных событий. В память об Игоре она по наитию покупала лотерейные билеты и после розыгрыша тиража складывала в коробку, где лежали фотографии Олега и Матвея, кулон подаренный Елизаветой на день рождения, несколько чуть обгоревших шахматных фигурок, журнал «Крестьянка» с забавными рисунками на полях. Почти под каждым был выведены инициалы Олега.

Один из билетов принес семейному бюджету шестьсот тридцать две тысячи рублей. Вкупе с их сбережениями за четыре года супружеской жизни эта сумма позволила им сменить квартиру на красивый, большой дом. Сменить машину на новую.

После этого выигрыша она больше не покупала билетов. Ее занимали более интересные занятия. Много времени она проводила в теплицах вместе с маленькой Лизой, ухаживая за растениями. Она с необычайным удовольствием развешивала фотографии, помещенные в рамки. В основном это были снимки с отдыха на море — их первого совместного отпуска после свадьбы. Были среди них фотографии, запечатлевшие свадебное пиршество; их она разглядывала особенно долго.

Они провели десять дней в Испании, нежась под солнцем, купаясь в море и любуясь красотами Саламанки. Карина жадно, лоскутами глотала счастье.

Ей удалось уговорить Эмиля съездить к престарелой матери Олега. И настояла на том, чтобы это путешествие из Москвы до деревушки в Кировской области они совершили на машине.

Старушка теребила крючковатыми пальцами трость, и молчаливо слушала рассказы о сыне. Она поила гостей индийским чаем и угощала яблочным пирогом, комментируя каждую фотографию сына в школьном альбоме, по-старчески причитая об упущенных возможностях и городских вертихвостках, сбивавших парня с толку.

После возвращения из поездки они взялись за оформление документов на усыновление Максима, сына погибшей в тайге Лизы. Мать ученой умерла от лейкемии, примерно в тот момент, который шасси самолета, прилетевшего из Мадрида, коснулись посадочной полосы аэропорта Внуково.

— Какой очаровательный! — воскликнула Карина, когда впервые увидела белокурого мальчика на игровой площадке детского дома.

— Максиму скоро шесть лет, но он уже умеет читать и считать. — Полноватая воспитательница, словно неумный коммивояжер, крутилась вокруг ребенка (сдувала пылинки?) и наигранно улыбалась. — Еще он прекрасно рисует. К тому же у него великолепный слух — Максим солист нашего вокального ансамбля. Максим, поздоровайся!

Мальчик стеснительно взглянул на пришедших. Его руки скрылись за спиной.

— Здравствуйте, — еле слышно произнес мальчик.

— Это тебе, — Эмиль протянул игрушечный грузовик с дистанционным управлением.

— Вау! — лицо мальчика оживилось, и в глазах запылал огонек. Он протянул руки и принял подарок. Вокруг него тут же собралась небольшая толпа изумленных ребят.

— Что нужно сказать, Максим? — воспитательница продолжала улыбаться, сверкая ровными рядами белых зубов.

— Спасибо большое... Мне мама обещала такой из командировки привезти.

— Это твоя мама просила передать. Она нам много о тебе рассказывала, — произнес Эмиль, присев перед мальчиком на корточки.

— А мама скоро приедет?

Простой, на первый взгляд вопрос ребенка заставил взрослых переглянуться. Воспитательница смущенно отвела взгляд. Улыбка, шустрым воробьем упорхнула с ее лица.

— Твоя мама пока не может приехать. Она очень-очень далеко. У дяди Эмиля дома есть большая карта. Когда ты приедешь к нам, он тебе покажет, где побывала твоя мама, — Карина присела рядом с Эмилем и потрепала волосы мальчика.

— Когда я вырасту, тоже стану ученым и буду много путешествовать, — сказал мальчик, со звонкой детской непосредственностью в голосе.

— Мы хотим, что бы ты жил у нас. Мама просила заботиться о тебе. Надеюсь, ты не против?

Мальчик покачал головой.

Эмиль кивнул на игрушку.

— Если хочешь что-нибудь еще, говори. Мы тебе привезем, — сказал профессор.

— Если вам не трудно... Я даже писал об этом Деду Морозу. Но он подарил мне гуашь и кисточки. — Мальчик растерянно перевел глаза на воспитательницу. Женщина одобрительно кивнула головой. — Мольберт и книгу про шифо...

— Живопись, Максим. Живопись, — помогла воспитательница.

— Да, — смущенно сказал мальчик.

— Хорошо. Завтра после работы мы заедем к тебе снова. С мольбертом и энциклопедией по живописи. Договорились?

Мальчик, раздумываясь от радостного возбуждения кивнул.

На оформление документов и «отбивание порогов» у Аскардовых ушло около семи недель. Все это совмещалось с приятными хлопотами обустройства второй детской комнаты.

С волнением приезд братика ждала маленькая Лиза. Девочка нещадно засыпала родителей вопросами. К намеченному дню она украсила комнату ленточками и шарами.

Белокурый мальчик переступил порог дома Аскардовых, держа за руку приемного отца. В этот момент, за сотни километров от них, писатель Матвей Данилевский начал встречу с читателями.

Матвей долго не мог выбрать костюм, в котором отправится на встречу с читателями. Он примеривал один за другим, пока все его мучения не прекратила Анна.

— Этот самый лучший, — сказала она, обняв его со спины. В ее руках был галстук, отлично сочетавшийся с темно-синей рубашкой и серым костюмом тройкой.

— Спасибо, маленькая моя. Я бы совсем измучился. Ты поедешь со мной?

— Я останусь дома. Не смогу усидеть на месте больше получаса, — она развернула Матвея и поцеловала его.

— Позвоню, когда все закончится, — произнес писатель, когда их губы разъединились.

— Обязательно позвони. Буду держать за тебя кулачки.

4

Если верить табличке при входе, зал кинотеатра «Синема — Мир» был рассчитан на четыреста двадцать посадочных мест. Все они были заняты еще за полчаса до начала встречи.

Люди приносили стулья из фойе, буфета и устраивались между рядами.

— Человек пятьсот надо полагать. — Голос человека подошедшего сзади принадлежал Денису Шляхтину, литературному агенту Матвея.

— Не знал, что агенты ходят на встречи писателей с читателями, — ответил Данилевский и пожал протянутую руку.

— Я примчался, бросив все свои дела. Мест в зале нет. Ты не против, если я посижу за кулисами? — не дожидаясь ответа, Шляхтин уселся в кресло на колесах и двинулся на нем к сцене.

Этот мужчина в статном белом костюме и собранном в хвостик волосами, находился в хорошем расположении духа. Он сиял, словно человек, поймавший за хвост птицу с золотым оперением.

— Как обстоят дела с новым романом? — спросил Шляхтин, когда Матвей подошел к сцене и краем глаза выглянул в зал.

— Через месяц будет готов.

— Отлично! Весьма продуктивно. Нервничаешь?

— Немного волнуюсь. Я, как и раньше сомневаюсь в необходимости этого мероприятия.

— Понимаю. Но это нужно, поверь мне. Ты справишься. Твой язык настолько божественно подвешен, я уверен, ты с легкостью справишься. А потом мы поедем пить пиво.

По залу прошла волна аплодисментов, приглашая писателя на сцену. Матвей взглянул на часы и поправил узел галстука. Он был готов к выходу. Писатель осмотрел дубовый стол, по обоим краям которого стояли его книги, приготовленные для автограф — сессии.

Когда писатель вышел на сцену, зал вновь взорвался в аплодисментах. Среди сидящих в зале он узнал своих первых читателей — Эльза, Дамир и Вика. Троица сидела во втором ряду, и как предположил Матвей, являлась «зачинщицей» аплодисментов.

Между рядами в зале стояли два микрофона, у которых начали собираться очереди из желающих задать вопросы. Кратко поприветствовав всех, Матвей сел за стол. Администратор поднес к нему стойку с микрофоном.

— Раз, два... — проговорил писатель в микрофон, вызвав несколько смешков в последних рядах. — Мне очень приятно, что все вы пришли. Я вижу, что уже собралось много желающих поговорить со мной, спросить о чем-то. После окончания нашей беседы, вы сможете получить эти книги в подарок, — он окинул взглядом стопки книг, пахнувшие глянцем, — ну, начнем.

Матвей жестом пригласил людей к микрофонам. Первой к микрофону потянулась

девочка четырнадцати-пятнадцати лет.

— Скажите, Матвей Алексеевич, как стать писателем и трудно ли это?... Как вы стали писателем? Спасибо.

Матвей облокотился о стол и скрестил пальцы.

— Я к этому очень долго шел. Мне нравится рассказывать истории. Если вы хотите стать писателем, нужно много и усердно работать, при этом получать удовольствие от того, что вы делаете. Я говорю не только о том, что нужно много писать. Необходимо много читать. Читать, не ограничиваясь какими-то жанрами.

Рекламные баннеры в книжных магазинах лгут о том, что «Бесконечный рассвет» мой дебютный роман. На самом деле это последняя работа написанная мною. Прежние работы не имели такого успеха, но после издания вышеупомянутого романа, и они пошли в ход. Под «они» я подразумеваю шесть романов, десяток повестей, и четыре дюжины рассказов. Нужно было поставить точку после последнего слова седьмого романа, чтобы понять, что стиль выработался только сейчас и прежние работы нужно переписать. Это понимание приходит к каждому начинающему писателю. Кому-то раньше, кому-то позже. Если вам есть что сказать — дерзайте.

— Расскажите, как вы придумываете сюжеты, и откуда берутся такие необычные идеи? — У микрофона стоял худощавый парень в очках.

— Идеи приходят ко мне внезапно и в самых неожиданных местах. Некоторые вырастают из определенного образа, навязчиво сидящего перед глазами. Допустим, идея романа «Бесконечный рассвет» пришла ко мне с образа одинокого старика. Обыкновенный скрюченный старик, с выцветшими глазами и беззубым ртом. Я видел его на фоне гниющего дома. Просто поместил его в определенные обстоятельства. Затем обстоятельства обросла деталями. Появились, ну и развились сюжетные линии. Идея «Печальной Лури» пришла мне в метро. Я ехал домой. Моя машина сломалась, и я загнал ее в автосервис. Собственно так и начинается история главного героя.

Идеи сваливаются на меня с убийственной регулярностью. Не каждая готова перерасти в целостную историю. Одна из сложностей моей профессии — отсортировать эту картотеку идей. Выбрать ту самую, которая будет держать в плену, пока не закончится работа. Спасибо, за интересный вопрос.

Худощавый парень, игнорируя замечания и упреки стоящих в очереди, намеревался задать еще один вопрос, на что Матвей утвердительно кивнул.

— Скажите, в чем для вас заключается принципиальная разница между повестью и романом? Спасибо. — Парень спешно покинул оккупированную зону и направился на свое место в задних рядах. Увидев, что оно уже занято, он скинул рюкзак на ступени и уселся на него.

— Да, я читал в умных статьях, что эта грань между двумя типами в настоящее время стирается. Кто-то даже сказал, что роман уже вымер. Для меня роман — это история, в которой освещается жизнь или определенный ее период пяти и более персонажей. История с меняющейся сюжетной канвой. Произведение с одной сюжетной линией и двумя-тремя персонажами, я склонен относить к повести. Но прошу учитывать, что это сугубо мое личное мнение. Если вы пишете, то советую, не париться с этим вопросом, а писать, как получается. Идеального укладывания в рамки формы от вас никто не требует. Если история стоящая, ей заинтересуются. Не зависимо от того, написано ли «роман» или «повесть» на ее обложке.

Вопросы сыпались один за другим. Читатели спрашивали о прототипах персонажей, о

новой книге, о его жизни, любимых фильмах. Были и забавные вопросы. Девочка одиннадцати-двенадцати лет отрепетировано спросила, как он относится к популярной музыке и к Тимати, в частности.

В начале второго часа встречи к микрофону подошла немолодая женщина. На ее переносице были внушительных размеров очки. От глаз и уголков рта гусиными лапками отходили глубокие линии морщин. Сминая уголки накинутой шали, она собралась с мыслями и нарочито откашлялась.

— Скажите, для чего вы это делаете? Зачем вы рассказываете об этих кошмарах? Что может быть интересного в жанре «ужасов» вообще? Я считаю, это вычурным и вульгарным. Я работаю преподавательницей русской литературы. То, что мои ученики интересуются привокзальным ширпотребом, пугает меня. Как получилось так, что вы начали писать вещи такого сорта? — Женщина демонстративно фыркнула и вернулась на свое место. Она ловила на себя разного толка взгляда, среди которых преобладали гневные и недружелюбные.

Матвей откашлялся, пытаясь скрыть растерянность. Он взглянул на своего агента. Шляхтин стоял на ногах. Поймав взгляд Матвея, он развел руками.

— Ну, я пишу не только романы ужасов. Большая часть моих работ относятся к другому жанру. Но в защиту жанра ужасов скажу следующее. Основная цель жанра «хоррор» — развлечь читателя. Окутать его липкой паутиной страха. И через него передать определенную мысль. В моих рассказах не убивают старушек и младенцев. Не текут реки крови. С огромных челюстей не стекает слюна. Я рассказываю истории. Например «Бесконечный рассвет»: это история вымершей, брошенной деревни и ее единственного жителя, одинокого старика, которого мучают призраки. Под призраками я подразумевал страхи каждого из нас, которые нужно побороть, чтобы достигать целей. Я не буду рассказывать обо всех символах.

Я не надеялся, что мои истории понравятся всем. Мечтать об этом — глупо. Но пока есть люди, которым они по душе, я готов работать. Спасибо вам за вопрос. Мне интересно, если в зале ваши ученики, которые поддерживают сказанное вами? — Матвей откинулся на спинку и вслушался в установившуюся тишину.

Через секунду зал взорвался аплодисментами. За кулисами хлопал и Шляхтин. Агент позволил закурить себе трубку и, нацепив довольную, кошачью улыбку уселся обратно в кресло.

5

У многих из нас есть свое секретное место, где можно спрятаться от внешнего мира. Возможно, оно даже не секретное. Но уверенность в том, что вас никто не потревожит, делает его таковым.

Помимо секретного места есть и тайны, завесы над которыми не приподнимаются даже для самых близких людей.

В центре тесного кабинета, в который можно попасть, пройдя через лабораторию факультета геологии, стоял дубовый стол. Стены были скрыты за книжными шкафами и стеклянными витринами, в которых лежали образцы с минералами и породами.

Свободная часть стены позади кресла была обвешана картами. В основном это была восточная часть России. Все карты были испещрены красными кнопками. Весь кабинет был обвешан газетными вырезками и распечатками с интернета. Этот хаос походил на

доремонтный ажиотаж, с той лишь разницей, что у профессора все было развешено систематично; сообщения о пожарах были рассортированы по месту и дате происшествия. Вырезки висели повсюду: на шкафах, по всей ширине двери и на светильнике, всюду где только можно было наклеить стикер.

Профессор мог сидеть после окончания лекций часами. Он распечатывал сообщения из интернета или изучал карты.

Он ждал.

Тварь еще даст о себе знать.

6

Все закончилось через полчаса. Подытожив, Матвей еще раз поблагодарил всех пришедших и отвел микрофон в сторону. К столу потянулась вереница желающих получить подписанную книгу. Девушки фотографировались с Матвеем, прижимаясь к нему грудями.

Последними из зала к писателю подошли Дамир, Вика и Эльза. Беседуя с друзьями, Матвей не заметил, как Шляхтин протянул преподавательнице литературы деньги.

Попрощавшись с друзьями, Матвей вышел во внутренний двор кинотеатра и нервно закурил. Сделав пару глубоких затяжек, он гневно метнул сигарету в урну. Писатель сел на ступени и прислонился к колонне.

— Не стоит так расстраиваться из-за одного читателя, который... Есть отличные новости, — Шляхтин сел рядом, педантично постелив несколько газет.

— Встречу с читателями нужно будет провести еще раз? — иронично попытался угадать Матвей.

— Не угадал! Новости шикарнее будут. «Гэлакси — пресс» выкупило права на переиздание всех твоих романов. И еще я с ними обсудил издание двух сборников рассказов. Ура?!

— Ура... — Матвей закрыл глаза и шумно выдохнул.

— Письмо я получил с утра и берег эту новость до этого момента. Твой аванс пятьдесят тысяч долларов. Пятьдесят тысяч!!!

— Отлично!.. Это просто... — Матвей глотнул воздуха, — кажется, я снова начинаю верить в чудеса. Дед Мороз не в счет. Господи, это отличная новость!

— Думаешь, на этом отличные новости закончились? — Шляхтин обнял Матвея за плечо. — Студия «Имэйджен — филмс» перекупает права на экранизацию «Бесконечного рассвета». Продюсер хочет привлечь тебя к написанию сценария. Отличная новость? Вечером созвонимся?

Шляхтин шлепнул Матвея по колену и, встав на ноги, удалился.

Ветер с шелестом пробежал по все страницам газет, на которых только что сидел литературный агент и поволок их в середину двора.

Матвей Данилевский преобразился в лице. Он сиял от счастья. Писатель достал телефон и набрал домашний номер. Анна подняла трубку после первого гудка.

У подъезда Матвея ждал Эмиль. Еще издали увидев писателя, он вышел из машины и закурил трубку.

Профессор поднял капюшон спортивного пуховика — снег шел крупными, мохнатыми хлопьями.

Матвей, подойдя к Эмилю, пожал ему руку и достал сигарету. Они простояли с минуту, не проронив ни слова. Профессор прислонился к машине. Его лицо было сосредоточенным, словно он готовился начать читать лекцию и собирался с мыслями. Он заметно постарел за прошедшее время. На висках появились намеки на седину, от глаз отходили линии неглубоких морщин. Его скулы впали, сделав лицо худым и необычайно мужественным.

— Оно объявилось? — спросил Матвей, нарушив тишину.

— Четырнадцать пожаров в двенадцати селах в Забайкальском, Красноярском краях за последние шесть недель. Восемнадцать погибших. Официальная версия — поджог. Есть даже подозреваемые. В одном случае главной версией является взрыв пропана.

— И почему ты думаешь...

— Оно движется на запад, — перебил Матвея Эмиль. — Ни одно из тел еще не опознано. Они отправлены на экспертизу. Один из очевидцев сказал, что взрыв раздался, когда пожар уже пылал. Тела не обгорели, они сварились. От людей остались скелеты, Матвей! — Эмиль взглянул на погасшую трубку и вытряхнул пепел. — Оно движется на Екатеринбург, Пермь, Челябинск. Возможно на Киров, Казань или Уфу. В интернете кто-то выложил фотографии сгоревшей деревни. Из шестидесяти дворов не осталось ровным счетом ничего. Одни головешки. Это последний случай. Трое погибших.

Эмиль протянул писателю несколько фотографий. Изображения на них мало отличались друг от друга. Обугленные бревна и осиротевшие дымоходы, венчающие каменные печи. Пепел был серо-зеленого цвета.

Лишь на одной были запечатлены останки тел. Три обугленных скелета лежали на полу. Матвей быстро рассмотрел каждую и вернул фотографии.

— Где произошел последний пожар? — Матвей затушил сигарету.

— Ханты-Мансийский автономный округ. У твари новый поводырь. Мне кажется, он ведет ее в большой город.

— Пройдем ко мне? Выпьем. Моя Анна приготовила ужин.

— Не стоит. Поэтому я и ждал тебя здесь. Мне понятны те ее чувства, которые она испытает, увидев меня. Ведь я могу приехать только по одной причине.

— Ей придется их испытать. Как можно остановить это чудовище?

— Еще не знаю. Но восемнадцать может легко перерасти в восемнадцать тысяч. Тебе нужно знать еще кое-что. Насколько я понимаю, ты еще об этом не знаешь. Мать Виктора Бахманова получила письмо. Какой-то ублюдок написал ей от имени сына. Письмо на восьми страницах. Две из них воспоминания о детстве — якобы доказательства здоровья нашего товарища.

— Господи, мы же засыпали его землей. Похоронили на глубине полтора метра в таежной глуши. Его голова была прострелена. В отверстие мог влезть палец. Может кто-то

изящно вошел в роль?

— Думаю, это связано с пожарами. Гибнут люди, Матвей. Нужно что-то делать.

— Давай все-таки зайдем ко мне. Если я скажу, что ты приехал и не зашел, будет много вопросов. И даже не думай отговариваться.

— Чуть не забыл. Поздравляю тебя с предстоящим пополнением в семье! — Эмиль протянул руку, а затем, обняв Матвея, похлопал его по спине.

— Как твоя семья?

— Спасибо. Все замечательно. Дочь растет. Мы усыновили второго ребенка. Жена с тяжелым сердцем отпустила меня и ежеминутно звонит. Беспокоится.

Дверь лифта раскрылась. Мужчины поднялись на нужный этаж и направились к квартире писателя.

Анна в считанные минуты разогрела остывший ужин. Она все поняла, как только увидела в дверях человека, когда-то спасшего ее мужа. Накрыв стол, она села рядом с Матвеем с кружкой зеленого чая.

— Оно вернулось, Эмиль? — спросила она, сделав пару маленьких глотков.

Профессор кивнул и принялся за жареную рыбу.

— Это не самое главное. Есть один очень важный момент. Я прекрасно понимаю, что это прозвучит дико и возможно шокирует вас. — Эмиль выдержал паузу. — Новый поводырь твари — наш общий знакомый Виктор Бахманов.

— Как он же умер?! — Анна разлила чай, но сразу накинула на стол полотенце.

— Мать Виктора получила письмо от него. Через несколько дней она выжила из ума. Ее пытались вылечить от психического расстройства три недели, прежде чем она осколком стекла вскрыла свои вены. Тварь оживила и теперь использует организм Виктора. Полагаю, об этом и было письмо.

Повисла тишина. Матвей отложил вилку и дожевывал кусок. Он взял жену за руку.

— Я должен поехать с Эмилем, — сказал он, не глядя на Анну. — Если Виктора не остановить, он может дойти до Москвы.

Анна молчала. Она смотрела на дымящуюся кружку, барабанила по ней пальцами. Анна отложила ее и обняла руку Матвея.

— Пообещай мне, что будешь беречь себя. И звонить настолько часто, как это будет возможно. На чем поедете?

— Мы отправимся на моей новой машине. В моем внедорожнике есть все необходимое: навигатор, карты, интернет, телевизор — мы сможем отслеживать его перемещения по сообщениям о больших пожарах. Есть еда, газовая горелка, два ружья, альпинистское снаряжение, шесть огнетушителей, палатка, надувная лодка. Нужно любым способом остановить Виктора.

— Основательно приготовился. Успокаивает, — сказала Анна. Она встала со стула, чтобы принести второе.

— Когда тронемся? — спросил Матвей.

— Полагаю, как только соберешься. — Эмиль покончил рыбой и выпил воды.

двери.

Эмиль сидел за рулем своего «шевроле», нервно барабанил пальцами по ободу руля.

Снегопад, начавшийся утром, превратился в метель. Автомобиль за два часа скрылся под снежным одеялом. Мощный внедорожник с легкостью выбрался из сугроба. Матвей закинул сумку в багажник и сел на переднее сидение. Он помахал рукой жене, стоявшей у окна, после чего Эмиль выехал из двора.

Телевизор показывал круглосуточные новости — подходящий источник информации.

— Я изучал разный фольклор. Не спрашивай зачем, хобби у меня такое, — Эмиль усмехнулся. — И наткнулся на весьма любопытные вещи. У народа ханты есть миф о загадочном боге-монстре, которого обожествляли в древности. Ему приносили жертвы. Божество описывалось как зеленый исполин.

— В мифе не оговаривался способ борьбы с ним? — спросил Матвей.

— Не встречал. Аналогичная легенда есть у бурят. С той лишь разницей, что тварь считается хранителем леса и болот. По преданию, духа могут успокоить только особенные шаманы и щедрое пожертвование. В жертву приносили домашнюю скотину.

— Они просто кормили его, укладывая тем самым на боковую?

— Именно. А у эвенков есть сказка о смельчаке, победившем лесного демона. В этой сказке говорится, что демон боялся горных богов.

— Все сходится: старик говорил, что от неё можно спастись, поднявшись на гору или скалы. — Матвей включил ноутбук, и принялся изучать сводки новостей. — А в сказке не рассказано, как можно убить демона?

— Смелчак загубил демона, заманив его в море. Но погиб и сам.

— Перспективно. Просто оптимистичная сказка. И добрым молодцам... Доброму писателю и профессору урок, — съехидничал Матвей. — Я захватил права. Можно меняться каждые четыре часа.

— Отлично, — Эмиль включил фары дальнего света и прибавил скорости — машина выехала из города.

— До Уфы мы доедем за два дня. Неизвестно, где оно вылезет в следующий раз. Мне интересно если для него горы — проблема, как «демон леса» собирается переправиться через Урал?

— Может через Казахстан или Оренбургскую область? — предположил Эмиль.

— Будет забавно, если мы разомнемся.

3

За окнами мелькали очертания ночных сел и городов, силуэты деревьев, наряженных в снежные шубы. «Шевроле» мчался, обгоняя редкие грузовики и автомобили. На автозаправках сонные операторы провожали их, покачивая головами — метель усиливалась, заметая узкую, убегающую ленту асфальта, теряющуюся за пределами света фар.

На второй день мужчины проехали Казань. Метель стихла под утро. Эмиль с Матвеем решили остановиться в придорожном кафе и выждать пару часов. Уборочные машины уже расчищали трассу М-7.

Горячий суп придал сил. Миловидная официантка с короткой юбкой включила по просьбе Матвея новостной канал и вернулась за барную стойку.

За соседними столиками сидели дальнбойщики, травя байки о нелегкой работе и

перемальвая косточки автоинспекторам. Они нервно озирались на Эмиля. Профессор с его короткой стрижкой и спортивной курткой (с припаркованным у двери черным «шевроле») был похож на лихого бандита.

— Красавица! Переключи на Первый канал! — зычный голос одного из обедавших водителей раздался из глубины кафе. — Там про нашего брата должны показать.

Внимание всех сосредоточилось на маленьком телевизоре. Новостной сюжет рассказывал о крупной автомобильной аварии. Несколько фур столкнулись в непроглядной метели из-за гололеда.

Эмиль и Матвей равнодушно ели суп, пока не начался следующий сюжет. На экране появились кадры любительской видеосъемки. Большой комплекс, состоявший из автомастерской, мойки и заправочной станции горел на трассе между Уфой и Набережными Челнами. Журналист подчеркнул, что от силы пожара сплавилась молниеотводы. Все началось так внезапно — ни водители, заправлявшие машины, ни работники комплекса не успели спастись.

Наспех допив чай и расплатившись, мужчины, устремились к машине. Эмиль сел за руль и вывел джип на трассу, на которой еще сновали снегоуборочные машины.

4

— Мы будем в Казани через три часа. В Уфе через семь. — Эмиль пощелкал по сенсорному дисплею, уточняя маршрут.

— Как бы ни разминутся. Очень быстро перемещается, — сказал Матвей.

— Я уверен, эту тварь видело множество людей. По радио и интернету никаких сообщений. Никакой паники. Неужели никто из свидетелей не уцелел?

— Возможно. Предположу, Виктор действует быстро и незаметно. Все пожары произошли в малонаселенных местах. Интересно, зачем он движется на запад.

Матвей щелкал мышью ноутбука и наконец, нашел фотографии сгоревшей автозаправки. Он долго рассматривал их, увеличивая некоторые детали. То, что он видел, только подтвердило их догадку. Сажка на вывеске и фасаде здания имела зеленоватый оттенок.

— Как оно манипулирует организмом человека? — Матвей взглянул на Эмиля. В ответ профессор пожал плечами. — Любопытно, как поводырь дает сигнал ползущей под землей твари, что «стол накрыт»?

— Кровь старика была зеленой. У них общая нервная система. Тогда в тайге, со старика все время стекала зеленая слизь. Я думаю, он неразрывны друг от друга. Мозг человека работает частично. Все импульсы исходят от мозга этой... Кстати, хорошо бы придумать этой твари название. Когда все закончится, я напишу о ней диссертацию. У меня в институте уже достаточное количество образцов. Три года назад моя жена нашла в тайге споры этой твари. Ее заинтересовали живительные свойства грибка, который превращается в то, что мы ищем. Нужно название, все-таки мы замахнулись на великое открытие в биологии.

— Споры, говоришь? Тогда это ботаника, — заметил Матвей.

— Да по мне хоть ядерная физика. Только бы остановить ее. Если оно продолжит так есть, вырастет в отдельный плавучий материк.

До Казани мужчины добрались на полчаса раньше запланированного. Трасса была свободна, если не считать редких машин, водители которых тоже не особо стремились

соблюдать скоростной режим. Матвей сменил за рулем Эмиля после недолгой остановки у очередного придорожного кафе.

5

Ведущий новостей рассказывал о необычных вандалах, непонятным образом обваливших два десятка столбов линий электропередачи.

Эмиль прибавил громкость телевизора.

«Столбы свалены вдоль трассы М-7, на ее отрезку между Набережными Челнами и Уфой. Без электричества остались шесть сел. По счастливой случайности обошлось без жертв. Все произошло в утреннее время, время минимально свободное от движения. Специалисты приступили к восстановлению подачи. Опергруппа уже начала расследование происшедшего.

Вандалов ищут в близлежащих населенных пунктах. Кирилл Петров. Илья Дорончук Татарстан. Специально для Первого канала».

— Это оно. Виктор ориентируется по трассе. Оно движется под землей, оставляя после себя большие пустоты в земле. — Эмиль откорректировал маршрут по навигатору. — Тысяча двести километров за десять часов — потрясающая скорость.

— Если он действительно идет вдоль трассы, мы встретимся уже в ближайшее время. — Матвей нещадно жал на педаль газа. — Еще мне интересно, как оно перебирается через реки? Пробирается под дном?

— Если это так, то на поверхности льда это тоже будет видно, — ответил Эмиль.

* * *

Внедорожник покрывал километр за километром. Мужчины заметно нервничали. В салоне висела завеса табачного дыма. Они не только не знали, где встретятся с тварью, но и как одолеть её.

Эмиль открыл новое сообщение о пожаре на нефтекачалке в Альметьевском районе. Профессор взглянул на карту. Сто двадцать километров от сгоревшей автозаправки.

— Замедлили ход, — проговорил Эмиль, после быстрых расчетов.

— Думаешь готовиться к более серьезной охоте? — спросил Матвей.

— Думаю, готовится к спячке.

6

Было еще достаточно темно, хотя часы показывали уже половину седьмого утра. Матвей остановил машину у магазина. Кока-кола, которую писатель пил последние два часа дала о себе знать. Мужчина устремился в туалет.

Улыбнувшись, Эмиль вытащил ключ. Он застегнул молнию куртку и вышел на улицу. Он поставил машину на сигнализацию и отошел от нее, рассматривая меню кафе, вывешенное на огромном баннере. Холодный ветер приятно обдул отрытую шею и лицо.

Достав трубку, профессор закурил. Он осмотрел выцветшую вывеску над входом в кафе и усмехнулся над смешным названием («Вдали от жен»). Его взгляд держался на замерзшем

заправщике, пытавшемся согреться у обогревателя в тесной будке. На колоннах, с выгоревшими на солнце табличками, с указаниями марок бензина и их стоимостью.

На миг он представил, что все окружающее охвачено красно-зеленым пламенем. Клубы дыма, в разрез с законами физики не поднимались вверх, а стелились по земле. Дым расплзался по асфальту, окрашивая его в цвет сажи.

Эмиль закрыл глаза. Назойливое видение отступило. Мужчина выдохнул, выпустив изо рта струю пара. Ему расхотелось курить, и он вытряхнул табак.

Профессор вздрогнул — фары его машины загорелись. Эмиль стоял спиной к машине и не решался оглянуться. Он нащупал в кармане брелок сигнализации. Он несколько раз нажал на кнопку блокировки дверей. Фары продолжали гореть, на этот раз ярче — включился дальний свет.

Заработали дворники. Проскрипев резиной по стеклу, они смолкли.

Эмиль взглянул на Матвея, расплачивавшегося за кока-колу и пиццу. Профессор начал медленно разворачиваться. Один за другим начали открываться и закрываться окна. Верх — вниз, верх — вниз...

Запела магнитола, предварительно выбрав одну из радиостанций. Послышались первые аккорды песни «Апрель» Виктора Цоя.

Профессор сглотнул. Он нащупал рукоять пистолета и снял его с предохранителя. Он еще раз взглянул на Матвея. Писатель стоял у кассы и шарил в карманах, видимо в поисках мелочи.

Вновь заработали стеклоочистители. Краем глаза Эмиль заметил, что работает аварийная сигнализация. Красные блики от мигания поворотников отражались от снега.

Профессор всмотрелся в темноту салона и чуть не вскрикнул.

За рулем сидела Лиза. Ее лицо было обезображено шрамами и ожогами. Пальцы, лежавшие на руле, были обмотаны узкими полосками тряпок. Такими же полосками была обвязана голова. От нее стекала зеленовато-прозрачная слизь. Бесцельный пустой взгляд девушки был устремлен вперед.

Эмиль сделал шаг. Она взглянула на него бесцветными (разварившимися?) глазами и улыбнулась. На панели копошились белесые насекомые, наполняя воздух легким жужжанием. Профессор взглянул на надгробия черных зубов. Губы девушки двигались, выговаривая неслышные слова. Затем они сомкнулись. Лиза вновь устремила взор вперед.

— Эмиль, с тобой все нормально? — Матвей положил руку на плечо профессора, стоявшего перед машиной в жутком ступоре.

Эмиль открыл глаза. Фары машины были выключены. Водительское сидение пустым, а панель была чистой.

— Ты в порядке? — Матвей взглянул в глаза профессору. — Ты что-то выкурил?

— Нет, нечего не курил. Галлюцинации. Или призрак, — ответил профессор. Эмиль часто дышал. Подойдя к машине, он заглянул внутрь. Убедившись в том, что ему все привиделось, он достал платок и вытер вспотевшее лицо.

— Пойдем, выпьем по чашке кофе, — Матвей взял Эмиля за локоть и повел в кафе.

— Все было весьма реалистично, — Эмиль покачал головой.

— Когда я заразился, мне приснился кошмар. Снились насекомые, такие же, как ты

описываешь и старик-отшельник. Еще я видел их в зеркале, — Матвей говорил шепотом, чтобы обслуживавшая их официантка нечего не услышала их.

— В зеркале?

— Да. В больнице, когда пришел к отшельнику.

— Может, я тоже носитель зародыша паразита? — спросил Эмиль.

— Вряд ли, что-то я не видел на тебе зеленых язв, — ответил Матвей.

Эмиль шумно сглотнул. На его лице снова появились капельки пота.

— Я, конечно, не особо верю во все это, но мне показалось, что она хотела мне что-то сказать. — Эмиль глотнул чая. — Возможно, предостеречь.

— Слушай, может нам стоит переночевать здесь? Мы тринадцать часов в пути. Выспишься.

Эмиль категорично покачал головой.

— Нам нужно ехать. Нужно добраться до него, — профессор допил чай и направился к выходу.

Оставив под блюдцем сторубливую купюру, Матвей пошел следом.

8

Через полтора часа черный «шевроле» миновал мост через Каму. Солнце поднималось над горизонтом, ослепляя глаза.

Мужчины долго молчали, слушая новости. Они поглядывали по сторонам, боясь проехать мимо крупного пожара. Матвей переключал радио с одной станции на другую, когда заметил паучка, ползавшего по кнопкам. Он поднес бело-прозрачное членистоногое к глазам.

Вспомнив рассказ профессора, он раздавил паучка и вытер пальцы о платок.

Столб черного дыма, показавшийся на горизонте, вынудил их свернуть с намеченного маршрута. Матвей выжал педаль газа, доведя стрелку спидометра до цифры «160».

Дорога, обрамленная распределительными полосами, узкой лентой уходила вдаль, приближая их к источнику дыма.

— Километров двадцать — двадцать пять, — произнес Эмиль, отводя от глаз бинокль.

— Думаешь это оно?

— Не знаю. Гони. Чего гадать.

Над местностью возвышалась гора, украшенная горнолыжной трассой и подъемником, словно пирог праздничной лентой. Под горой сверкая белизной стен и золотом куполов, стояла церковь.

Горело трехэтажное здание из красного кирпича.

«Мотель «Носорог». Ветер волочил тяжелую вывеску по дороге и едва не угодил ею по лобовому стеклу «шевроле». Матвей остановил джип на обочине. Мужчины выскочили из машины и двинулись навстречу к людям, убегавшим от пылающего мотеля.

— Что стало причиной пожара? — выкрикнул Эмиль.

— Бегите! Там что-то горит такое — пламя перекидывается на все! Бегите! — грузный мужчина пробежал мимо.

Неестественно сильное пламя вырывалось из всех окон. Языки огня обгладывали кирпичную кладку, и перекинулось на припаркованные автомобили.

Матвей взял огнетушитель и двинулся к входу.

— Ты с ума сошел?! Если оно там, оно сожрет тебя, вместе с твоим красным баллончиком! — Эмиль остановил писателя, схватив его за рукав. — Если это действительно оно, то значит Виктор где-то рядом!

Мужчины синхронно вздрогнули. Рядом рухнула железная балка — разваливалась крыша. Эмиль отвел Матвея подальше.

Кирпичи плавилась, растекаясь красно-зеленым киселем по снегу. Разом разбились все окна, осыпав мужчин осколками стекла. Из проемов забила зеленая лава. Оконные рамы плавилась под напором стихии, вливаясь в зеленую жижу белой струей. Из-под земли доносился гул, иногда походивший на гневное рычание какого-то мифического чудовища.

Матвей пустил струю из огнетушителя. Тварь, словно щетинясь, расползлась по стене, обнажая на кирпичной кладке проплавленные дыры. Пылающее здание начало проседать и уходить под землю. Оно чавкало и хлюпало, поглощая метр за сантиметром.

Тварь выплеснулось из земли и легло у самых ног профессора. Матвей сорвал кольцо с очередного огнетушителя и мощным потоком остановил щупальца твари.

— Виктор!!! — Эмиль кричал, приложив руки ко рту. — Виктор, это мы, давай поговорим! Виктор!!!

— Вероятно он под землей или внутри здания, — Матвей оттащил Эмиля еще дальше от образующейся воронки. Лава кипела уже в радиусе сорока метров от руин мотеля. Всепожирающее пятно увеличивалось, изрыгая себя из-под земли массивными фонтанами.

Земля задрожала. Она покрывалась широкими, глубокими трещинами, которые тут же заполнялись тварью. Воронка увеличивалась. Земля ушла вниз на четыре-пять метров, прежде чем мотель «Носорог» скрылся под землей, оставив на поверхности лишь остатки фасада и крыши.

Внезапно дрожь земли и гул стихли.

Эмиль снова и снова выкрикивал имя журналиста. Мужчины выбирались из углубляющейся воронки. Матвей вспомнил бег по тайге. Ощущение того, что ничто не сковывает его движения, придавало ему сил.

Тишина продлилась недолго. В одну секунду земля разверзлась и поглотила обломки здания. Отдаляющийся гул, словно реквием по мотелю разнесся по всей округе и стих.

Вдали показались пожарные машины. Воздух все сильнее наполнялся пронзительным воем. Земля под ногами продолжала проседать — воронка уже была радиусом в восемьдесят метров и в глубину около сорока метров. Крошась, на дно воронки устремилась колокольня церкви и деревянный дом.

Почва иногда поднималась и опускалась, словно пульсируя или пережевывая проглоченный кусок. Закончив трапезу, оно, подземным локомотивом, устремилось вдоль дороги. Земля проседала, пропуская через себя огромную тварь. От почвы исходил фиолетовый пар.

Мужчины выбрались из воронки. Пожарные уже бродили вдоль нее. Один из них, высокий с черной бородой, подошел к спасшимся.

— Что здесь произошло? Мать моя женщина, где мотель?

— Это было землетрясение, служивый, — спокойно, даже хладнокровно ответил Эмиль.

Матвей и Эмиль направились к внедорожнику, едва не съехавшему на дно воронки. Пожарный проводил их недоумевающим взглядом.

Они погнались джип следом за тварью, несшейся со скоростью в шестьдесят километров в час. Эмиль то и дело подносил к глазам бинокль, хотя этого и не требовалось. Оно выдавало свое местонахождение клубами фиолетового пара. Они выбивались из земли плотными и высокими столбами. Снег таял за ней широкой полосой, обнажая черноту земли. Тварь отдалялось от дороги, но неизменно возвращалось к ней по незамысловатой траектории.

Оно словно играло с ними, предлагая догнать себя. Иногда уходя в глубину, исчезало с поля зрения и появлялось далеко впереди. Все это сопровождалось дрожью земли.

Матвей нажал на тормоза — тварь остановилась под дорогой. Оно изрыгалось смертельными брызгами из разверзшего асфальта. Расстояние между машиной и гейзером составляло около ста — сто двадцати метров.

— Оно что-то затевает? — просил Матвей.

— Понятия не имею. Я хочу понять, куда Виктор ведет его. Кстати, может из-за того, что Виктор был мертв, он не бежит рядом как тот старик, а просто использует его органы чувств.

— Тогда получается, он был жив когда мы его похоронили? У меня есть еще одно предположение. Правда, абсурдное.

— Говори уже, — Эмиль взглянул в бинокль на замершую на месте тварь.

— Что, если это самец или самка, и существо просто хочет спариться? То есть, чтобы оставить споры, необходимо оплодотворение. Затем споры попадают в организм, и начинается развитие зародыша.

— Я как — то не подумал об этом. Ведь оно уже давно должно впасть в спячку, — Эмиль еще раз взглянул в бинокль. — Черт, приготовься!

По встречной ехал автокар. Водитель «маза» еще издали увидел выбоины в асфальте и сбавил скорость. Парень с красной бейсболкой на голове выглянул из окна, всматриваясь в странную кипящую лужу.

— Ну, проезжай, проезжай, — процедил Матвей, барабаня пальцами по рулю.

Когда последняя ось тягача переехала через трещины, мостовую машины обволокло зелеными щупальцами. Шины сплавилась, испуская черную дымку и обнажив стальные колодки. По земле вновь прошел гул.

Автокар затрясло. Через секунду его понесло с немыслимой скоростью на «Шевроле». Водитель тщетно попытался открыть двери. Сгруппировавшись на сиденьях, парень в красной бейсболке выбил ногами лобовое стекло.

— Трогай!.. Трогай! Едем!.. Давай, давай!!! — заорал Эмиль. Он инстинктивно отстегнул ремень и приготовился выпрыгнуть из машины.

Матвей судорожно включил заднюю передачу и прижал к полу педаль газа. Профессор продолжал неистово орать. Только к ассортименту выкриков добавились «Быстрее!» и «Жми!». Расстояние между внедорожником и автокаром быстро сокращалось.

Водитель пытался подняться на крышу. Лава поглотила бампер и поднималась по капоту. На одном из ухабов тягач накренился и из прицепа, словно игрушки из коробки, на дорогу посыпались новенькие автомобили. Звук скрежета резанул по слуху. Прицеп вырвало, и он улетел в кювет, метая во все стороны снопы искр и обломки металла.

На том же ухабе водитель не удержался и упал. Лава не позволила долететь ему до асфальта, поймав его на лету. Она утащила его под грузовик, мотая им словно собака пойманной кошкой, предварительно размозжив голову об асфальт.

Матвей поднял рычаг ручного тормоза, и развернул машину. Переключив передачу, он

выжал газ. Изумившись от удачного трюка он коротко взглянул на профессора.

— Отпад!.. Гони, гони! — Эмиль орал все громче. Матвей предположил, что это минутное помешательство, связанное с тем, что машину занесло и едва не выбросило в кювет. Профессор уже перебрался на заднее сидение и приготовил огнетушители. Он продолжал кричать, пока тягач не отстал на безопасное расстояние.

Тварь волокла раскалившийся от жара грузовик, вспахивая асфальт. Матвей взглянул на спидометр — стрелка плавно перебиралась со «180» к «200». Грузовик все более походил на раскаленный шар, летевший словно комета, оставляя длинный огненный хвост.

Лава подняла стальной шар над землей. Прокрутив его в воздухе, она метнуло его вдогонку удалявшемуся джипу.

Матвей плавно вывернул влево. Машина вылетела в кювет и понеслась по снежным сугробам. Раскаленный шар, с закруглившимся капотом на одной из сторон, пронесся мимо и пролетел достаточно большое расстояние, прежде чем полностью войти в землю.

Писатель вырулил на дорогу.

— Где оно? — Матвей смотрел в зеркала заднего вида.

— Ушло в землю, — Эмиль глубоко дышал. Из его носа текла кровь. — Наш приятель разошелся не на шутку.

10

Тварь вела «шевроле» за собой, словно заманивая в западню. В движении она все чаще пересекалась с дорогой, забавляясь и играя с преследователями. Автомобили и грузовики один за другим вылетали с дороги. Слово фишки домино, падали рекламные щиты, поднимая клубы пыли. Воздух был наполнен запахом раскаленного железа и гарью. Канализационные люки поднимались в воздух, как пробки от бутылок шампанского.

Матвей свернул на полевою дорогу. Он следовал правилам жестокой и неравной игры, установленным всепожирающим монстром.

Снежные заносы замедляли ход машины. Сойдя с дороги, Матвей повел внедорожник по полосе земли, оставляемой тварью. Он гнал машину, стараясь не отстать, и едва успел притормозить перед карьером.

Мужчины вышли из машины. Матвей взглянул на передние колеса, остановившиеся в двадцати сантиметрах от обрыва. Эмиль медленно сел за руль и отогнал машину на несколько метров назад.

Монстр с гулом удалялся в недра земли. Через минуту шум и дрожь земли прекратились.

Профессор подошел к краю обрыва.

Карьер был глубиной около тридцати метров. На дне под небольшим слоем снега, словно вмерзший в землю, стоял экскаватор. Дно карьера было засыпано щебнем. Кучи гравия и нагромождения автомобильных крышек словно кричали о том, что разработки приостановлены.

— Это они! — Эмиль лег на край обрыва и сорвал один из грибов, плотно росших на стенах карьера. — Споры этой твари. В тайге я видел болото, поросшее этими грибами.

Матвей лег рядом, сорвал нарост и принялся рассматривать его.

Выбросив гриб, Эмиль сказал:

— Предполагаю так: споры попадают в организм человека. Затем превращаются в

зародыш, который дозревая, выходит наружу и использует организм как «поводыря». Когда лава сама нападает на кого-нибудь, то выедаёт почти все мягкие ткани, но также откладывает споры. То есть, уже имеется, готовый «поводырь», который становится частью лавы в полном смысле этого слова. И цикл начинается снова. К старику лава перешла от грызуна.

— Если это так, то оно размножается быстрее, чем крысы и тараканы.

— Вряд ли. Я думаю, у спор короткий срок жизнеспособности. Полагаю, лава очень умна и знает разницу между человеком и грызунами. Для сытой жизни ей нужен организм с более широкими возможностями. Хотя у животных есть преимущества в нюхе, слухе. Преимущество человека — интеллект.

— Мы же не оставим все это просто так?

— Конечно, нет!

Склоны карьера представляли собой оранжево-белую стену — наросты были едва присыпаны снегом. Высохшие ветки, когда-то прораставших здесь кустарников, сильно выделялись на этом фоне.

По другую сторону карьера, где был спуск вниз, стоял вагон и несколько деревянных будок. Эмиль отправился в обход, чтобы спуститься вниз. Передумав, он вернулся к машине. Профессор достал из багажника две большие канистры.

— Помоги мне! — проговорил он. Выкрутив крышку, Эмиль принялся методично поливать склоны поросшие спорами.

После того как канистры были уложены обратно в багажник, Матвей достал из кармана зажигалку и пачку сигарет.

— Надеюсь, бензина хватило на всех, — проговорил он, выпуская клубы табачного дыма. Он поджег пучок высохшей травы и бросил его вниз.

Пламя высокой стеной возникло перед мужчинами, обдав их жаром. Беспокойства Матвея оказались напрасными — огонь целостным одеялом покрыл весь склон. Споры набухали и лопались, словно мыльные пузыри. Оранжевое варево, приобретая черный цвет, словно плавленный пластик, стекало на дно карьера. Эмилю показалось, что споры щетинятся, опасаясь пламени. Сплюнув, он отвернулся.

Профессор открыл сумку и достал плитку шоколада. Разломав ее, он протянул половину писателю.

Дым поднимался от карьера еще около получаса, становясь с каждой минутой более жидким. Когда пламя погасло, двоица вышла из машины. Они довольным видом осмотрели обнаженные склоны карьера.

— У меня есть еще одна идея. Давно хотел поразбойничать, — с энтузиазмом произнес Матвей и направился к спуску.

— Не нравятся мне это. Уверен, очередная бесшабашная затея в твоём фирменном стиле. — Профессор обреченно выдохнул, но последовал за Матвеем.

— Мне нравятся такого рода авантюры, — писатель взвесил на ладони камень и прежде, чем Эмиль успел возразить, метнул его в окно одного из тракторов. Стекло со звоном рассыпалось на сидение.

Изумленно открыв не запёртую дверь, он завел трактор. Краем глаза Матвей заметил, что у профессора отвисла челюсть. Стряхнув стекло с сидения, он сел за рычаги и повел трактор к куче гравия. За считанные минуты писатель скрыл затвердевшую массу под толстым слоем камней и замерзшего песка.

— Это была хорошая идея — сказал Эмиль. Матвей вернулся в машину, оставив трактор на прежнем месте.

Отъезжая от карьера, они заметили охранника вышедшего из вагончика. Старик в камуфляжной форме потирал заспанные глаза.

11

Тварь водила их за собой, продолжая забавляться. Несколько раз, отдалившись, она ждала, пока расстояние между машиной и ею, сокращалось до шестидесяти-семидесяти метров. Она вырывалась из-под асфальта и выбрасывала с дорожного покрытия автомобиля и автобусы.

Внедорожник преодолевал завесу едкого дыма и следовал за существом, повинуюсь правилам жестокой и неравно игры. Словно ряд домино, друг за другом падали рекламные щиты. Канализационные люки, походя на пробки от бутылок шампанского, взлетали в воздух.

Впереди виднелась цепь предприятий и сооружений, непременно опоясывающие все промышленные города. Набережные Челны был одним из таких.

— Разнесет весь город, и мы не сможем нечего сделать, — проговорил Эмиль.

— Может они нам помогут? — спросил Матвей, глядя на стоявшие рядом пожарные машины.

— Они поверят, если только увидят эту тварь своими глазами.

Тварь прошла по центру проспекта, вспахав разделительную полосу и обрушив на проезжую часть металлический каркас цветочной конструкции.

Движение остановилось. Оно не было особенно сильным — большинство водителей оставляли машины у бордюров и наблюдали за происходящим. Пожарные машины заголосили воем сирен. Воспользовавшись остановкой, Эмиль выскочил из джипа и подбежал к двери шедшего первым грузовика.

— Можно попытаться утихомирить его с помощью пены, которой вы заливаете горящие машины! — прокричал Эмиль.

Стекло опустилось.

— Вы знаете, что происходит?! — тучный пожарник не без труда перекричал сирены.

Эмиль кивнул. Пожарный что-то прокричал сидевшим сзади спасателям. Затем также кивком пригласил мужчину сесть в на заднее сидение.

Словно отдохнувший исполин, грузовик тронулся с места. С треском проехав по металлическому скелету цветочного слона, колонна, уже состоявшая из пяти пожарных расчетов двинулась вслед за монстром, крушившим ларьки и остановки. Трамвайные линии, оторванные от земли, завивались гитарными струнами.

Паника принимала четкие очертания. Люди, словно муравьи разворошенного муравейника, носились в хаотичном беспорядке. Полная женщина, с ребенком в каждой руке, с диким воплем пронеслась перед самым капотом внедорожника, за рулем которого сидел Матвей. Парень в спортивном костюме спешно накидывал в сумку содержимое сгоревшего ларька. Лава унесла его под землю, протиснув его через узкие решетки канализационного слива. Люди, стоявшие на остановках, устремились в бег по переулку еще не вспаханному неизвестным созданием.

Тварь заполняла собой подземные переходы, испепеляя цветочные киоски и салоны

дисков. Содержимое прилавок с плеском вылетали на проезжую часть. Башенный кран, под которым проползла лава, рухнул на недостроенное здание.

С трудом вырвав между развалинами, Матвей следовал за пожарными машинами. Он хотел включить радиоприемник, но в последний момент отдернул руку. Он не хотел слышать статистику погибших и раненных или количество разрушений.

12

Тварь крушила город два с лишним часа, прокладывая путь к его сердцу. Сумерки уже хозяйничали на земле, когда лава преодолела маленькую речку, разрезавшую город на две части. Мост, словно вафельный торт, обрушился под ее натиском, забрав на дно реки одну из пожарных машин и три десятка легковых автомобилей.

Попытка залить пеной очередную подземку, в котором бушевала лава, окончилась неудачно. Схватив один из грузовиков, лава метнула его в жилой дом. Пробив здание на шестом этаже, «урал» вылетел с другой стороны и приземлился на крышу супермаркета. Через секунду машина запылала. Житель протараненной квартиры, оцепенев от шока, медленно отложил газету и встал с кресла.

Лава сползла с проезжей части и влилась в воды ручья, вмиг растопив слой льда.

— Что будем делать? — Пожарный подошел к Эмилю и Матвею. Мужчины стояли у кромки обрыва. — Не боится воды, металл и бетон плавит как пластик. Что за тварь, вашу мать?!!

— Этот монстр дошел сюда из тайги. Древняя форма жизни, ожидавшая свой час в недрах земли. Мы не знаем, как с ним бороться, — ответил Матвей.

— Надо хотя бы придумать, как его вывести из города. — Эмиль приблизился к склону. На дне, вытеснив из русла воду, клокотал зловещий зеленый кисель. Масса бурлила все сильнее. Эмиль высказал предположение, что тварь полностью показалось на поверхности земли — смертоносный ручей растянулся на несколько сотен метров. Неподалеку от ног мужчин лава начала сгущаться, и обтекая, начала подниматься. Это было похоже на большой вращающийся леденец со вкусом яблока поливаемый сиропом. Едкий дым поднимался от всего ручья, но над взбухающим пузырем был особенно густым и плотным.

Полушар достиг высоты в семь метров и вытянулся. Затем на его поверхности начали появляться выпуклости. Лава становилась прозрачной, приобретая цвет выпаренного яблока; выпуклости приобретали четкие очертания. словно подталкиваемое изнутри, на поверхности показалось мужское туловище, растерявшее свой естественный цвет.

Торс, словно микросхема на плате, держалась на скрытых в лаве ногах и руках. Человек поднял голову. В обожженном и зеленоватом лице едва угадывался Виктор. Из отверстия на лбу сонно вытекала густая зеленая струя. Она пробиралась по левой стороне носа, бесцветным губам и подбородку.

Виктор открыл глаза, избавленные от ресниц.

Правая сторона лица представляла собой покатистую зеленую гладь, с угадывающимися желваками, единственным намеком на человеческие черты.

Тонкие губы раскрылись, в попытке проронить какие-то слова. Но кашель помешал ему. Слюни-брызги вылетели из его рта, достигнув земли, с шипением прожгли металлический забор, ограждавший ручей.

— Убейте меня!.. Убейте! — голос был утробным и булькающим. — Ради бога, чего

выждете?! Матвей!

Опешивший писатель ринулся к багажнику и достал винтовку. Краем глаза он заметил около дюжины подоспевших пожарных расчетов. Спасатели сидели в кабинах, не решаясь выйти. Пропаханный и утопающий в руинах проспект утопал в серо-зеленом дыме.

Матвей вскинул ружье; наспех прицелившись, он произвел несколько выстрелов. Зажмурившийся Виктор, открыл глаза и взглянул на образовавшие отверстия на груди.

Писатель выстрелил еще раз. Из нового отверстия на лбу потекла вторая струя.

— Ему все нипочем... — сказал пожарный.

— Именно, — ответил Эмиль, — слушай, как тебя зовут?

— Сергей, — пожарный подошел ближе.

— Послушай, Сергей! Нужно направить на него мощную струю пены. А лучше несколько. Заодно из брандспойтов можно полить ручей, иначе разгорится большой пожар. Выполнимо?! — прокричал Эмиль ему в ухо.

Кивнув, пожарный побежал к машинам. Сергей размахивал руками — подавал условный сигнал остальным.

Едва поток пены коснулся лавы, по земле пробежала вибрация, едва не сбив с ног мужчин. Шесть мощных струй заливали пузырь пеной. Но казалось, это только разгневало монстра. словно крышка большой шкатулки, край пузыря оторвался от земли. Пасть с зубами-сосульками распахнулась огромной полуовальной аркой. Отхватив одним броском большой ком земли, монстр отпрянул назад. Сплюнув, пасть кинулась на одну из пожарных машин. Сожрав переднюю часть грузовика до самого лобового стекла, тварь сплюнула раскаленный металлический шар, который смел несколько красных «уралов».

Промелькнули очертания торса Виктора; Матвей вскинул ружье, и, не целясь, выпустил несколько пуль.

Брызги — щупальца обхватили ноги писателя. Прежде чем он сумел что-либо предпринять, они подняли его воздух. словно пес поймавший кошку, монстр помотал человека в воздухе, и скрыла его в себе.

— Матвей!!! Продолжайте поливать! — крикнул Эмиль и, подняв оброненную винтовку, тщетно стрелял по лаве.

Лавы устремились во дворы жилого массива. Она ползла по поверхности земли, яростно накрывая собой все препятствия. Детские площадки, автомобили на парковках, фонарные столбы — все, словно бумажный макет на столе архитектора, превращалось в пепел за какие-то мгновения.

Эмиль сел за руль пожарной машины и повел ее вслед за монстром. Прежде чем она набрала скорость, в нее успели запрыгнуть несколько пожарных.

Впереди виднелся супермаркет. Яркая вывеска «Аршин» освещала не только парковку, но и стройку, располагавшуюся в пятидесяти метрах. Тварь заполнила котлован, сплавив бетонно-арматурные конструкции. Башенные краны, располагавшиеся по обеим сторонам стройки, рухнули на гипермаркет. Трос с увесистым крюком на конце снес горящую вывеску, погрузив округу в темноту.

Эмиль выскочил из грузовика и побежал к стройке.

Лавы вращалась в адской воронке, расширяя и углубляя котлован. На краю обрыва лежало обезображенное тело Виктора. Превратившиеся в лохмотья ноги и руки были раскинуты по сторонам. Растаявший снег стекал водой по телу и превращался в зловонный пар. Эмиль провел ладонью по лицу журналиста, закрыв глаза.

«Монстр нашел нового поводыря!» — страшная мысль посетила голову профессора.

Обессилев, он сел на снег. Он смотрел на адскую пляску твари, на пожарные машины, скатывавшиеся в увеличивающийся котлован. Его взгляд упал на загруженный белыми мешками «КамАЗ». Грузовик стоял у дебаркадера супермаркета.

«Соль и горы, соль и горы...» — воспоминание словно всплыло из потаенного уголка мозга.

Порезав каждый мешок, лежавший на поверхности, Эмиль сел на руль. Он подъехал к котловану, развернул машину. Сняв ногу с педали тормоза, профессор выпрыгнул из кабины. Прогудев, грузовик начал скатываться вниз, обсыпая склон солью. Когда спуск стал крутым, «КамАЗ» опрокинулся назад.

Громкий рев расползся по земле и перерос в чудовищный стон. Лава щетинилась, обнажая под собой землю, и испускала мощные брызги. Гейзер размером в половину футбольного поля клокотал, изрыгая смертоносные брызги.

В одной из таки проплешин Эмиль заметил тело Матвея. Он хотел броситься к нему, но чья-то сильная рука остановила его.

— Мы сами, — пожарный Сергей легонько отстранил профессора. Вытянув лестницу над пропастью, два пожарных подняли Матвея.

К стройке подъехал микроавтобус съемочной группы местной телекомпании. Шустрый оператор выскочил из машины и, водрузив камеру на плечо, побежал к котловану. Следом с микрофоном в руках пронесся молодой парень. В своей сноровке он был похож на погибшего Виктора. Профессор невольно усмехнулся.

Когда лестница добралась до машины, Эмиль устремился к Матвею. Писателя уложил в кусок брезента. Его волосы и брови обгорели, сделав его похожим на пустую тыкву Хэллоуина.

— Он жив? — крикнул Эмиль.

— Дышит! — ответил один из пожарных и раскрыл рот писателя, намереваясь сделать искусственное дыхание. Писатель закашлял, выплевывая комки зеленой массы. С него стекали густые зеленые капли. Глотая воздух, он осмотрел окруживших его людей.

— Как в баньке... Пивка холодного только не хватает, — проговорил Матвей, бросив взгляд на выгоревшую куртку. Кто-то из пожарных помог ему встать. Эмиль подхватил его и взял за руку.

— «Скорая» уже едет, — сказал Сергей, оторвавшись от рации.

— Да я в порядке, — ответил Матвей. Он взглянул в котлован, на дне которого в предсмертной агонии плескалась лава. Она стала жидкой и посветлела. Зловонные испарения поднимались в небо. — Сдохла?

— Похоже на то, — ответил Эмиль.

— Где ты оставил машину? — Матвей перевел дух и отошел от Эмиля. Он самостоятельно сделал несколько шагов.

— В метрах трехсот отсюда.

— Далеко.

— Кстати, у меня есть один мешочек. Я нашел его рядом с нашим камнем, там в тайге. Три месяца он лежал в банковской ячейке. Никто вроде не сообщал о пропаже золота.

— Золото?

— Угу, — Эмиль протянул писателю завернутый в бумагу самородок. — Восемнадцать килограммов. Там под камнем был тайник. В бреду ты откопал его.

Они побрели по выжженной, дымящей мостовой. За их спиной начальник караула Сергей Геннадиев давал интервью, изредка кивая на удаляющихся мужчин. Пожарные машины заливали котлован водой и пеной. Один из них накрыл брезентом тело Виктора.

— Хочется умыться и переодеться в чистое, — лениво проговорил Матвей, — и еще я бы выпил чего-нибудь крепкого.

— Да без проблем. Только не абсент. Нагнетает неприятные ассоциации.

— Русской водки...

На скамейке автобусной остановки лежала газета. Порывистый майский ветер теребил ее весь день, пытаясь сдвинуть с места. Это удалось ему только ночью, когда он окреп и стал невероятно сильным. Задира даже поволок газету по заснеженной проезжей части, подбрасывая её под колеса редких машин, мчавшихся от центра города. Все это продолжалось, пока бумага не осталась лежать в одной из луж у ворот автомойки.

Газета медленно разваливалась под воздействием воды. Но еще без труда можно было прочитать ее аршинный заголовок: «Возраст — науке не помеха». Под ней была размещена цветная фотография: обросший мальчик лет двенадцати, стоял на фоне склона, покрытом причудливыми наростами. В руках он держал оранжевый гриб, больше похожий на баскетбольный мяч. На заднем плане были запечатлены люди, рассматривавшие удивительную находку.

Мальчик сиял в широкой улыбке. Он был счастлив.

Больше книг на сайте - Knigoed.net